

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

6/2019

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Хроника Великой Победы (1941—1945)..... 3

СТАТЬИ

М.С. Белоусов, В.А. Чикина, Я.С. Абдуллаев — Думские дебаты и международный фактор польской политики самодержавия..... 9

СООБЩЕНИЯ

А.В. Гудкова, Д.А. Ерин — Деятельность органов ОГПУ-НКВД СССР по противодействию хищениям и спекуляции хлебом в первой половине 1930-х гг..... 22

Ш. Мухамедина — С.П. Швецов о кочевничестве (на примере Казахстана)..... 34

Н.В. Занегина — К истории брачных отношений..... 47

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

А.И. Прищеп — Август 1991 г. в ХМАО-Югре 60

А.В. Рычков — «Сельское хозяйство без всяких научных схем само себя поднимет...» 64

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

М.И. Абдулаева, Э.М. Далгат — Дагестанское общество после Кавказской войны: интеграция в общеевропейское пространство..... 73

Выходит
с 1926 года
ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

- Янг Сын Чжо** — Изменение экономического положения крестьян Воронежской губернии в конце XIX — начале XX в. 81

НАРОДЫ РОССИИ

- И.Т. Цориева** — Осетинский нартовский эпос в творческом наследии художника М.С. Туганова 95

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- С.А. Кислицын** — Политика большевизма в отношении казаков в разгар гражданской войны 107
- В.В. Кулачков** — Документы архивов Смоленской области как источники для изучения правовых аспектов жизни крестьян в 1920-е гг. 115
- Ф.Г. Галиева** — Современный сабантуй — наследие Октябрьской революции 121
- Д.А. Гармышев** — Религиозная политика Российской империи на Кавказе в первой половине XIX в. 130
- В.И. Долинко** — Уголовно-правовая охрана полицией Российской империи экономической безопасности государства: ретроспективный анализ 136

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- В.Ю. Карнишин, Н.Г. Карнишина, А.И. Кошелева** — Церковная проповедь и публицистика в России во второй половине XIX — начале XX в. 142
- А.Э. Алакшин, Е.А. Самыловская** — Первые священники западно-христианских церквей в Петербурге: начало XVIII в. 150

ИСТОРИОГРАФИЯ

- С.В. Воробьёв, Т.В. Каширина** — Историография коллаборационизма на оккупированных европейских и советских территориях в годы второй мировой войны 157
- О.В. Белоусова** — КОЭН С. Избранное 170

Хроника Великой Победы (1941—1945)

«Отсутствие боевого опыта резко снижало качество управления войсками...» (22 июня 1941 г.)

Аннотация. В нынешнем выпуске рубрики — ответы на вопросы Военно-научного управления Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР бывшего начальника оперативного отдела штаба Киевского особого военного округа генерала армии И. Х. Баграмяна от 1952 года. Они касаются обстоятельств развертывания войск западных приграничных военных округов по плану прикрытия государственной границы накануне Великой Отечественной войны. Документ находится в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, Красная Армия, вторая мировая война, Германия, нацизм, Министерство обороны Российской Федерации, Киевский особый военный округ, И. Х. Баграмян

Abstract. «Voprosy Istorii» history journal presents the answers of the former chief of operations of the headquarters of the Kiev special military district army General Ivan Bagramyan to the questions of the Military scientific department of the General Staff of the Armed Forces of the USSR dated 1952. They relate to the circumstances of the deployment of troops of the Western border military districts according to the plan of covering the state border on the eve of the Great Patriotic war. The document is contained in Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Key words: USSR, Great Patriotic War, Red Army, World War II, Germany, Nazism, Ministry of Defense of Russian Federation, Kiev special military district, Ivan Bagramyan

В конце 1940-х гг. Военно-научное управление Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР приняло решение обобщить представлявшийся неоднозначным опыт сосредоточений и развертывания войск западных приграничных военных округов по плану прикрытия государственной

границы 1941 г. накануне Великой Отечественной войны. С этой целью были заданы вопросы участникам указанных событий, занимавшим в начальный период войны различные должности в войсках военных округов.

Ниже приводятся ответы на поставленные вопросы бывшего начальника оперативного отдела штаба Киевского особого военного округа генерала армии И. Х. Баграмяна, датированные 10 сентября 1952 г.:

«На Ваш № 190 807 от 3.4.1952 г.

Отвечаю на Ваши вопросы, полагаясь на свою память.

1. Был ли доведен до войск округа в части их касающейся план обороны государственной границы.

Если этот план был доведен до войск, то когда и что было сделано командованием округа и войсками по обеспечению выполнения этого плана.

План обороны государственной границы был доведен до войск в части их касающейся следующим образом:

— войска, непосредственно осуществлявшие прикрытие государственной границы (5, 6, 26 и 12 армии совместно с приграничными укрепленными районами и пограничными войсками), имели подробно разработанные планы и документацию до полка включительно.

Вдоль всей границы для них были подготовлены полевые позиции. Эти войска представляли из себя первый оперативный эшелон;

— остальные войска округа (пять стрелковых корпусов, семь далеко незакончивших формирование механизированных корпусов и части усиления) в соответствии с директивой Генерального Штаба должны были по особому распоряжению выдвинуться к приграничной полосе и в удалении 25—30 км от государственной границы создать вторую оборонительную полосу, в случае необходимости оборонять ее или быть готовыми к нанесению контрударов против прорвавшегося через границу противника.

Эти войска, за исключением двух механизированных корпусов (22 мк был передан в оперативное подчинение 5 армии и 4 мк — 6 армии), оставались в распоряжении Командующего Юго-Западным фронтом и составляли его оперативные резервы.

Каждый из этих корпусов и соединений, входящих в их состав, имел хранимый в сейфе соответствующего начальника штаба соединения опечатанный конверт с боевым приказом и всеми распоряжениями по боевому обеспечению поставленных задач.

План использования и боевая документация во всех подробностях были разработаны в штабе округа только для корпусов и дивизий. Исполнители о них могли узнать лишь из вложенных в опечатанные конверты документов, после вскрытия последних.

Маршруты движения войск были отрекогносцированы офицерами штаба округа. Из-за крайнего недостатка времени никакие другие подготовительные работы не проводились.

2. С какого времени и на основании какого распоряжения войска прикрытия начали выход на государственную границу и какое количество из них было развернуто для обороны границы до начала военных действий.

Войска прикрытия — первый оперативный эшелон, дислоцировались непосредственно у границ и начали развертывание под прикрытием укрепленных районов с началом военных действий. Заблаговременный их выход на подготовленные позиции Генеральным Штабом был запрещен, чтобы не дать повода для спровоцирования войны со стороны фашистской Германии.

Оперативные резервы фронта начали выдвижение из районов постоянной дислокации:

— стрелковые корпуса за пять дней до начала военных действий. Они не успели выйти в намеченные для них районы. Начало боевых действий застало их в 3—5 переходах (100—150 км.) от рубежа развертывания;

— механизированные корпуса в пунктах постоянной дислокации были подняты по боевой тревоге и начали выдвижение в районы сосредоточения с началом боевых действий. Пункты дислокации: 22 мк — КОВЕЛЬ, 4 мк — ЛЬВОВ, 8 мк — ДРОГОБЫЧ, 10 мк — ЗЛОЧУВ, 9 мк — ШЕПЕТОВКА, 19 мк — ЖИТОМИР, 24 мк — ПРОСКУРОВ.

3. Когда было получено в штабе округа распоряжение Генерального Штаба о приведении войск округа в боевую готовность в связи с ожидавшимся нападением фашистской Германии с утра 22.6. Какие и когда были отданы войскам указания во исполнение этого распоряжения и что было сделано войсками.

Через Оперативный отдел штаба Киевского Особого военного округа никаких распоряжений о приведении войск в боевую готовность не поступало. Получали ли такие распоряжения лично Командующий войсками и Начальник штаба округа мне об этом неизвестно.

Мне известно лишь о том, что по распоряжению Генерального Штаба 21 июня, т.е. накануне нападения Фашистской Германии на нашу Родину, штаб Киевского Особого военного округа выступил из Киева в г. ТАРНОПОЛЬ, на восточной окраине которого был заблаговременно подготовлен КП фронта.

Штаб закончил выход на КП в ночь с 21 на 22 июня и к началу боевых действий был полностью развернут.

4. Почему большая часть артиллерии корпусов и дивизий находилась в учебных лагерях.

Насколько я помню, командование и штаб Киевского Особого военного округа добились разрешения Генерального Штаба своевременно возвратить всю артиллерию в свои соединения. К началу боевых действий вся корпусная и дивизионная артиллерия войск округа была в своих соединениях.

В ночь с 21 на 22 июня командиры всех авиасоединений ВВС округа получили приказание из штаба округа о рассредоточении и маскировке самолетного парка на аэродромах.

Это приказание было приведено в исполнение. Благодаря этому потери ВВС округа от внезапных ударов авиации немцев были резко сокращены.

5. Насколько штаб округа и штабы армий, входивших в состав округа, были подготовлены к укреплению (Так в тексте. Должно быть «к управлению»). — П.И.) войсками и в какой степени это отразилось на ход ведения операций первых дней войны.

Штаб округа и штабы армий, если исходить из тех возможностей и условий, в которых проходили их подготовка и сколачивание, следует считать, что были готовы к управлению войсками.

Однако, отсутствие боевого опыта резко снижало качество управления войсками с их стороны».

* * *

Chronicle of the Great Victory (1941—1945)

“Lack of combat experience dramatically reduced the quality of control of the troops...” (June 22, 1941)

At the end of the 1940s, the Military-scientific Department of the General Staff of the Armed Forces of the USSR decided to summarize the ambiguous experience of concentration and deployment of troops of the Western border military districts according to the plan of covering the state border of 1941 on the eve of the Great Patriotic war. To this end, questions were asked to the participants of these events, who held various positions in the troops of military districts during the initial period of the war.

Below are the answers to the above-mentioned questions posed by the former chief of operations of the headquarters of the Kiev special military district General Ivan Bagramyan, dated September 10, 1952:

“To Your No. 190807 of 3.4.1952.

I answer Your questions, relying on my memory.

1. Was plan for the defense of the state border brought to the troops of the district in terms of their business? If this plan was brought to the troops, when and what was done by the command of the district and the troops to ensure the implementation of this plan?

The plan of defense of the state border was brought to the troops in terms of their business as follows:

— troops directly involved in the cover-up of state borders (5th, 6th, 26th and 12th armies, together with the fortified border areas and border troops), had detailed plans and documentation to the regiment inclusively.

Field positions were prepared for them along the entire border. These troops were the first operational echelon;

— the other troops of the district (five infantry corps, seven far from to be formed mechanized corps and part of the gain) in accordance with the Directive of the General Staff had by special order to advance to the border zone, and to establish a second defensive strip in 25—30 km from the state border, in case to defend it or be ready to counterattack against the enemy invaded through the border.

These troops, with the exception of two mechanized corps (22nd mechanized corps was transferred to the command of 5th army, and 4th mechanized corps — to the command of 6th army) remained at the disposal of the Commander of the Southwestern Front, were in its operating reserves.

Each of these corps and compounds comprising in their structure, were stored in the safe of the respective Chief of Staff sealed the envelope with military order and all orders on combat support tasks.

Plan for the use and combat documentation in detail were developed in the district headquarters only for corps and divisions. Performers could learn about them only from the documents enclosed in sealed envelopes, after opening the last.

Routes of movement of troops were examined by officers of Staff of the district. Due to the extreme lack of time, no other preparatory work has been carried out.

2. From what time and on the basis of what order did the cover troops begin to enter the state border areas and how many of them were deployed to defend the border before the outbreak of hostilities?

Cover troops — the first operational echelon, were stationed directly at the borders and began deployment under the cover of fortified areas with the beginning of hostilities. Their advance access to the prepared positions was prohibited by the General Staff in order not to give a reason for provoking war on the part of Nazi Germany.

Operational reserves of the front began to advance from areas of permanent deployment:

— rifle corps five days before the outbreak of hostilities. They didn't manage to leave in the areas planned for them. The beginning of hostilities caught them in 3—5 transitions (100—150 km.) from the turn of deployment;

— mechanized corps in the points of permanent deployment were raised on alert and began to advance to the areas of concentration with the beginning of hostilities. Dislocation points: 22nd mechanized corps — KOVEL, 4th mechanized corps — LVIV, 8th mechanized corps — DROHOBYCH, 10th mechanized corps — ZLOCHUV, 9th mechanized corps — SHEPETIVKA, 19th mechanized corps — ZHYTOMYR, 24th mechanized corps — PROSKUROV.

3. When was the order to bring the army into combat readiness in connection with the expected attack of Nazi Germany in the morning 22.6. received at the headquarters of the district? What and when were the instructions given to the troops of the district in pursuance of this order and what was done by the troops?

Through the Operational Department of the headquarters of the Kiev Special military district, no orders were received to bring the troops into combat readiness. Whether the Commander of troops and the Chief of Staff of the district personally received such orders is unknown for me. I know only that on the order of the General Staff on June 21, i.e. on the eve of attack of Fascist Germany on our Homeland, Staff of the Kiev Special military district moved from Kiev to TARNOPOL, where in Eastern suburbs command point of the Front was prepared in advance.

The Staff ended output on the gearbox in the night from 21 to 22 June and the beginning of hostilities was fully deployed.

4. Why most of the artillery corps and divisions were in training camps?

As far as I remember, the command and Staff of the Kiev Special military district achieved permission of the General Staff in due time to return all artillery to the connections. By the beginning of hostilities the whole corps and divisional artillery of the troops of the district were in its compounds.

In the night from 21 to 22 June, the commanders of all available district air forces received orders from the headquarters of the district about the dispersal and concealment of the fleet on the ground.

This order was carried out. Due to this loss of the air force district from sudden strikes of the Germans was drastically reduced.

5. How much were the district headquarters and the headquarters of the armies that were part of the district prepared to strengthen (As in the text. Should be “to manage”. — *P.I.*) troops, and to what extent this affected the conduct of operations during the first days of the war?

We must assume that the district headquarters and the staffs of armies, judging from those features and conditions in which their training and nailing took place, were ready to command and control troops.

However, the lack of combat experience dramatically reduced the quality of control of the troops on their part”.

Думские дебаты и международный фактор польской политики самодержавия

М. С. Белоусов, В. А. Чикина, Я. С. Абдуллаев

Аннотация. Польскому вопросу и попыткам его решения уделено немало внимания в отечественной и зарубежной историографии. В настоящее время эта тема также остается актуальной и несущей в себе заметный элемент дискуссионности. Статья дает представление о развитии польской политики правительства Российской империи и влиянии на него думских фракций в контексте внешнеполитической обстановки накануне первой мировой войны. Ощущение приближающегося конфликта с Германией и Австро-Венгрией и активное обсуждение вопроса в Государственной думе сделали польский вопрос особенно важным для России в этот период времени. Авторами представлен анализ мер, предпринятых царской властью в отношении Польши, и рекомендаций авторитетных российских политических партий по польскому вопросу.

Ключевые слова: польский вопрос, Государственная дума, национальная политика самодержавия, автономия, первая мировая война.

Abstract. The Polish question and attempts to solve it are given considerable attention in Russian and Western historiography. At the present time this topic also remains relevant and carries a noticeable element of discussion. The article provides an insight into the development of the Polish government policy of the Russian Empire and the influence of the Duma factions on it in the context of the foreign policy situation on the eve of the World War I. The feeling of the approaching conflict with Germany and Austria-Hungary and the active discussion of the issue in the State Duma made the Polish question particularly important for Russia in this period of time. The authors presented an analysis of the measures undertaken by the tsarist authorities towards Poland and the recommendations of authoritative Russian political parties on the Polish question.

Key words: Polish question, the State Duma, national policy of the autocracy, autonomy, World War I.

Белоусов Михаил Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: m.s.belousov@gmail.com; *Чикина Валентина Андреевна* — сотрудник научного архива ВОО «Русское географическое общество». E-mail: chikina.spb@gmail.com; *Абдуллаев Ясын Сахиб оглы* — студент Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: ragiev@list.ru.

Belousov Mikhail S. — PhD (History), associate professor of Saint-Petersburg State University. E-mail: m.s.belousov@gmail.com; *Chikina Valentina A.* — employee of the Scientific Archive of the All-Russian Public Organization “Russian Geographical Society”. E-mail: chikina.spb@gmail.com; *Abdullaev Yasyn S.* — student of Saint-Petersburg State University. E-mail: ragiev@list.ru.

«Польский вопрос» долгое время оставался постоянным предметом обсуждений и дискуссий в общественных и правящих кругах царской России. Он представлял собой совокупность нерешенных внутри- и внешнеполитических проблем, касавшихся территории Царства Польского. И до того бывший одним из самых сложных факторов в международном положении самодержавия, польский вопрос приобрел еще большую актуальность после учреждения Государственной думы, которая сразу же превратилась в арену для ожесточенной борьбы между, с одной стороны, политическими партиями разной направленности, а с другой, — представителями высшей бюрократии империи. Одной из ключевых проблем, вокруг которых разгорались баталии между думцами и членами правительства, оставался вопрос о дальнейшей судьбе Польши в составе России.

Ощущение приближавшейся войны между странами Антанты и Тройственного союза спровоцировало особое внимание царизма и общества в лице Думы к разрешению польского вопроса. В руководстве трех империй — России, Германии и Австро-Венгрии — прекрасно понимали, что основные боевые действия на восточном фронте предстоявшего конфликта большей частью развернутся на территории бывшей Речи Посполитой. В свете данных событий ни одна из великих держав не хотела упустить шанс «разыграть польскую карту» в свою пользу. Именно поэтому международные обстоятельства в польской политике самодержавия приобретали крайне важное значение в начале XX века.

Целью настоящего исследования является попытка проанализировать развитие польской политики российской власти и влияние на нее со стороны думских фракций в свете сложившейся накануне первой мировой войны внешнеполитической обстановки. Какие действия были предприняты царскими чиновниками для разрешения польского вопроса и принимали ли они во внимание позиции парламентариев при их осуществлении? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть перечень непосредственных мер, проведенных самодержавием в отношении польских территорий и программные установки авторитетных российских политических партий по данной проблематике. Другой важнейшей задачей работы является сопоставление теоретических взглядов депутатов с практическими решениями царизма при учете международной конъюнктуры.

После подавления Польского восстания 1863—1864 гг. имперская политика в регионе приобрела репрессивный характер. Власти придерживались принципов «систематизации и унификации управления, интеграции всех этносов в единую российскую нацию», то есть «русификации»¹. Изменилось название Царства Польского на Привислинский край. Русский язык стал единственным официальным языком судопроизводства². Поляков почти не допускали на государственную службу, все посты занимали чиновники, отправляемые из центральных регионов империи³. Все это также относилось к избранным эпизодам истории польско-российских отношений, крайне негативная оценка которых польской интеллигенцией, по мнению историка Рафала Стобецкого, способствовала усилению русофобии и польского национализма⁴.

С началом правления Николая II появилась некоторая надежда на либерализацию в отношении Привислинского края. В 1897 г. состоялся визит молодого царя в Польшу, после чего в Варшаве был установлен памятник Адаму Мицкевичу и учрежден Политехнический университет⁵. Период рубежа XIX—X вв. был охарактеризован возрождением польских национальных настроений. Впервые за долгое время местная интеллигенция вышла за рамки разговоров, касавшихся самоуправления в области хозяйства и образования, и поставила на повестку дня вопрос о восстановлении автономии Польши⁶. Идею о политической самостоятельности бывших территорий Царства Польского активнее всего продвигала образованная в 1897 г. Национально-демократическая партия Польши (эндеки, народовцы).

Не удивительно, что на этой волне поляки приняли активное участие в революционных событиях 1905—1907 годов. 14 января 1905 г. в Варшаве началась массовая забастовка. Мирные демонстрации стремительно переросли в стычки с войсками. Только 16 января в Варшаве по выступавшим было выпущено около 60 тыс. патронов. По официальным данным, было убито и ранено более 100 человек. 17 января правительство ввело в Варшаве осадное положение. «Никто сейчас не медлит, — писал генеральный консул Франции в Варшаве в начале марта, — чтобы открыто выразить свой польский патриотизм»⁷. Как известно, после всеобщей политической стачки в октябре 1905 г. царизм пошел на уступки. Однако «Основные законы» 1906 г. никак не поменяли статус Польши. Российская империя продолжала оставаться «единой и неделимой». Единственной легальной возможностью отстаивать свои права на автономию для поляков оставалось представительство в Государственной думе, полученное ими наравне со всеми российскими подданными.

В ходе выборов в Думу I созыва эндеки завоевали почти 90% депутатских мандатов, положенных Привислинскому краю⁸. Они составляли ядро польской фракции, получившей по традиции представительства польских депутатов в германском рейхстаге и австрийском рейхсрате название «Польское коло». Данные о численности Польского коло в I Думе рознятся. А. С. Кисляков приводит следующие цифры: 35 депутатов, 27 из которых — эндеки⁹. При этом Т. Ю. Павельева, опираясь в своих исследованиях на польскую историографию, говорит о 37 членах коло и 35 из них — представителях Национально-демократической партии¹⁰. В Государственной думе II созыва состав Польского коло вырос до 46 депутатов, что еще более укрепило его позиции¹¹. Тогда же официальным лидером фракции стал основатель Национально-демократической партии, крупный общественный и политический деятель того времени — Роман Дмовский. Практически все современники отмечали, что польскому представительству были присущи высокая образованность депутатов¹², оформленная внутренняя структура, единство взглядов при публичных выступлениях и подчиненность корпоративной дисциплине.

Эволюция внешнеполитических взглядов польской национальной фракции ярко выражена в работах ее лидера Дмовского. В опубликованной в 1902 г. книге «Мысли современного поляка» он отстаивает идею

сильного национального государства, где интересы всех жителей были бы подчинены воле одного народа. По его мнению, германизация была меньшим злом в сравнении с русификацией. Немцы, хоть и подавляли польское начало, могли принести нечто положительное в общество, в отличие от русских, несших «исключительное зло»¹³. Однако со временем взгляды Дмовского резко поменялись. Это было связано, с одной стороны, с усилением экономического и военно-политического могущества Германской империи, а с другой, — с произошедшей в России революцией 1905—1907 годов. Свои новые предпочтения предводитель польской народной демократии изложил в опубликованном в 1909 г. на русском языке произведении «Германия, Россия и польский вопрос».

Было несколько причин, считал Дмовский, почему поляки должны поддерживать Россию, а не Германию. Во-первых, только Российская империя в случае российско-германского конфликта может стремиться к «округлению» своих границ в пределах польских земель, что в конечном счете облегчит их объединение; во-вторых, Россия, в отличие от Германии, не обладает таким культурно-экономическим потенциалом, которого бы хватило для ассимиляции поляков; в-третьих, царизм слишком ослаблен различными внутренними и внешними факторами, и у него нет ни единой возможности даже для «частичного внедрения польского элемента в русский организм»¹⁴. Поэтому самоуправляемая Польша в составе Российской империи представлялась лидеру Польского кола наилучшим выходом из ситуации. Кроме того, предоставление автономии Польше должно было укрепить русско-англо-французское сотрудничество, что могло позитивно повлиять на демократизацию национальной политики в России. При этом, по мнению Дмовского, в рамках «неославизма» было возможно сближение с Австро-Венгрией¹⁵, среди населения которой была очень велика доля славян. Раздельное существование Галиции и Царства Польского Дмовский называл не иначе, как «географическим уродством»¹⁶. Для достижения территориального единства он призывал либо Австро-Венгрию активизироваться в направлении нижнего течения Вислы, либо Россию — в направлении устьев Немана и Вислы или Карпатских гор.

Несмотря на то, что польские депутаты во взаимоотношениях с другими фракциями Государственной думы придерживались так называемой «политики свободных рук», то есть не связывали себя никакими обязательствами, они поддерживали партию кадетов, также стремившуюся к переводу Польши на автономное положение и более тесному союзу с Англией и Францией¹⁷. Кроме того, Польское коло являлось ядром т. н. «Союза автономистов», главной целью которого было объединение всех парламентских сил для достижения децентрализации управления национальными регионами.

Государственный переворот 3 июня 1907 г. резко ослабил представительство национальных окраин. В Государственную думу III созыва попало 11 депутатов от Царства Польского и 12 от западных губерний. На деле, Дмовский мог рассчитывать на поддержку не более 18—19 парламентариев¹⁸. Вследствие этого политика фракции претерпела определенные изменения. Несмотря на то, что внешнеполитическое содержание их программы осталось прежним, эндеки и все, кто к ним

примыкал, были готовы идти на сотрудничество с правооктябристским блоком и правительством П. А. Столыпина. Вопрос о предоставлении политической автономии откладывался.

Поляками выдвигались менее значительные требования: введение в Привислинском крае земского и городского самоуправления и расширение сферы применения польского языка. Взамен они готовы были предоставить Столыпину свою поддержку при проведении им через Думу проектов реформ¹⁹. Однако по мере роста влияния правых и националистов альянс Польского коло с октябристами и правительством становился невозможен. Вскоре был принят ряд антипольских законопроектов, например, об учреждении курий для выборов в земства по национальному признаку и о выделении Холмской губернии из состава Привислинского края²⁰. Эти территории предполагалось отторгнуть от Польши, взамен предоставив части других западных губерний, населенных поляками. 23 июня 1912 г. законопроект об отделении Холмщины был утвержден императором²¹.

Ни о каком прямом влиянии польской фракции на реальные действия российской власти до начала первой мировой войны и речи не шло. Оно могло выражаться лишь косвенно, ввиду того, что из-за напряжения международной обстановки правые политики и царские бюрократы отказались от откровенно русификаторской политики, ограничиваясь лишь единичными мерами.

Схожих с Польским коло взглядов на Польшу в контексте международных отношений придерживалась и Конституционно-демократическая партия. Говоря о позиции кадетов по данному вопросу, необходимо учитывать два важнейших фактора их внешнеполитического курса. Во-первых, это ярко выраженная англо-французская направленность. По мнению многих видных представителей партии, предоставление автономии Царству Польскому было бы крайне позитивно воспринято союзниками России по Антанте²². Такой шаг мог повысить преданность поляков в предстоящем конфликте с немцами и австрийцами, а также свидетельствовал бы об укреплении конституционных начал в стране. В этом вопросе польская и кадетская фракции находили значимую точку соприкосновения. Второй фактор, повлиявший на отношение кадетов к польскому вопросу, это их приверженность концепции неославизма. Ее основное содержание сводилось к необходимости создания конфедерации или союза славянских государств, имеющих явную антигерманскую направленность²³. Успех новой славянской политики России кадеты ставили в зависимость от решения ряда внутренних проблем. В первую очередь, от урегулирования русско-польских отношений. На их взгляд, предоставление автономии могло помочь достигнуть русско-польского примирения и использования Польши в интересах укрепления связей со славянством²⁴.

Постепенно «центр» кадетской партии во главе с П. Н. Милюковым начал переходить на сторону «правых кадетов» П. Б. Струве. Последние считали, что Польша и так экономически привязана к России и русскому рынку, а, соответственно, достаточно будет вместо автономии лишь расширить область «культурного самоуправления» в Привислинском крае²⁵. Это сблизило кадетов с прогрессистами и левыми октябриста-

ми, составлявшими весомую часть «неославистского лагеря». При этом произошел разрыв с польской фракцией. Имевшиеся до этого противоречия между кадетами и колом по вопросу о правах национальных меньшинств на территории Царства Польского разгорелись с новой силой после того, как эндеки Дмовского, отказавшись на время от автономии, пошли на сближение с властью. Кадеты восприняли это как действие, направленное на защиту интересов узкой прослойки шляхты, терявшей свое влияние на широкие массы польского населения²⁶.

Можно предположить, что Милюков в период работы Думы III и IV созывов провел ряд конфиденциальных переговоров с главами Министерства иностранных дел А. П. Извольским (1906—1910) и С. Д. Сазоновым (1910—1916)²⁷. Настоящий факт, как и схожесть внешнеполитических курсов кадетской партии и официального царизма, в какой-то степени может указывать на определенное влияние думских либералов на принятие решений властью. Именно в этом ключе накануне первой мировой войны полякам было разрешено преподавание родного языка в частных школах и дано право на покупку земельной недвижимости в западных провинциях²⁸. С другой стороны, на примере антипольских законов, проведенных через III Думу, можно убедиться в полной самостоятельности правительства при решении польского вопроса.

Умеренные правые, октябристы и прогрессисты придерживались схожих взглядов на разрешение проблем в Царстве Польском. Их позиция заключалась в следующем: Польша непременно станет полем боя между Россией и Германией, поэтому российское присутствие в регионе должно быть максимально укреплено. Кроме того, правооктябристский блок и прогрессисты тяготели к неославизму, считая, что через Польшу также можно усилить российское влияние на славянские народы в составе Австро-Венгрии и славянские государства на Балканском полуострове²⁹. Главное отличие их программы от кадетской заключалось в том, что: 1) Польше не нужно предоставлять автономию, достаточно будет местного самоуправления, религиозной свободы и образования на национальном языке; 2) усиление российского присутствия в регионе должно осуществляться путем наращивания военных сил и ускоренной милитаризации. Октябристы и прогрессисты, представлявшие крупные предпринимательские слои Москвы и Центрального промышленного района, особенно настаивали на объединении всех польских территорий для развития торговых и экономических отношений и интеграции местного хозяйства в общеимперское пространство³⁰. В этом смысле они были особенно негативно настроены к Германии, высококачественные товары которой являлись для них главным препятствием перед проникновением на рынки Центрально-Восточной Европы.

В отличие от прогрессистов (до них — мирнообновленцев), всегда находившихся в оппозиции к власти, правооктябристский блок долгое время был опорой правительства в Думе III созыва. При этом они лишь подстраивались под решения царской бюрократии, либо поддерживая их, как в случае с активизацией российской дипломатии в вопросе Черноморских проливов, либо оспаривая³¹. Точно так же и по польскому вопросу: изначально придерживаясь довольно либеральных взглядов на статус Царства Польского, вскоре под влиянием официального реакционного

курса октябристы поддержали проведение законов о выделении Холмщины и введении национальных курий. При этом последняя мера была сопряжена с так называемым «министерским кризисом» 1911 г. и личным разрывом между Столыпиным и лидером фракции октябристов А. И. Гучковым. В конце концов введение западных земств, стоившее премьеру карьеры, поддержки в Думе, а впоследствии и жизни, из-за начавшейся в 1914 г. войны так и не было до конца реализовано.

Наиболее близко к престолу и высшему сановничеству империи находились правые партии — фракция националистов и крайне правых, или «черносотенцев». Несмотря на значительные расхождения во взглядах, в целом они составляли ту консервативную часть Думы, которая была против любой децентрализации управления Привислинскими губерниями. Как националисты, так и черносотенцы считали, что дарование Польше самоуправления и тем более автономии подрвет российские «великодержавные» позиции в регионе и привилегированное положение русского населения³². Однако если умеренные правые ориентировались на союз с Англией и Францией, то радикалы, как известно, предпочитали сотрудничество с монархической Германией. В силу этого они долгое время не разделяли «славянской политики» либерального лагеря, так как это могло разжечь конфликт с главным союзником кайзера — Австро-Венгрией. Но все изменилось после Боснийского кризиса 1908 года. Крайне правые стали сторонниками активного сближения со славянскими государствами, чуть ли не открыто призывали подданных Габсбургов к восстанию³³. При этом им было свойственно ставить во главе угла именно интересы России, отказываясь от кадетской и октябристской приверженности славянской конфедерации.

Националисты и черносотенцы были главными противниками предоставления Польше автономии, именно они инициировали принятие большинства антипольских законопроектов³⁴. Несмотря на это, четкой программы по «русификации» территорий Привислинского края и западных окраин у правых, как и у действующей власти, не было. По мнению многих специалистов, из-за нехватки ресурсов (финансовых, в первую очередь) и нестабильной внутривластной обстановки имперский аппарат просто не мог проводить полноценный курс по насильственной интеграции польских территорий в состав России³⁵. Самодержавие ограничивалось только отдельными акциями, прикрывая их лозунгами о «великорусской политике», постоянно декларируемыми правыми. Такой расклад событий американский исследователь Теодор Уикс именуется не более, чем «национальным дальтонизмом»³⁶.

В большинстве ситуаций крайне правые были единственной силой в Государственной думе, которая могла оказывать реальное влияние на правительственную политику. Это объяснялось их программой, в которой постулировались такие идеалы, как абсолютная лояльность монархии, монополия самодержавия на власть, концентрация всех рычагов управления в центре, преимущественное положение русского православного населения над остальными. При этом многие положения их внешнеполитического курса, например, переориентация на страны Тройственного союза, накануне первой мировой войны не могли серьезно восприниматься властью.

Среди левых партий мало кто интересовался международными отношениями. Эсеры и анархисты абстрагировались от внешней политики, меньшевистский курс был синтезом идей федерализма и программы кадетов³⁷. Многие социал-демократы, особенно большевики и примкнувшие к ним трудовики, ратовали за право каждой нации на самоопределение и борьбу с империалистической политикой царизма. Польша представлялась им независимым государством. Откровенное меньшинство левых в Думе III и IV созывов и отсутствие любых попыток выйти на компромисс с действующим режимом определили их полную непричастность к государственным делам.

В этом смысле ярко выделялась так называемая «Польская социалистическая партия» Юзефа Пилсудского, деятельность которой имела важное значение в качестве альтернативы «российскому варианту» решения польского вопроса³⁸. Придерживаясь левых взглядов, партия проводила явно националистический курс. Ею были организованы сотни забастовок и демонстраций польских рабочих. Боевая организация партии несла ответственность за несколько десятков террористических актов, в том числе известное ограбление почтового поезда на станции Безданы в сентябре 1908 года. Пилсудский давно придерживался антироссийских взглядов. В годы Русско-японской войны он искал покровительства со стороны японцев. Ему удалось заручиться их поддержкой по вопросу снабжения оружием. Согласно Патрису Дабровски, лидер польских социалистов являлся сторонником «классических польских романтических восстаний», которые он пытался реализовать на практике. В своих работах, особенно затрагивавших события 1863 г., Пилсудский интерпретировал историю Польши как «один длинный континуум, роковую, но все же славную череду взлетов и падений, так и не словившую стойкую нацию»³⁹ (перевод авторов статьи).

В 1908 г. союзники Пилсудского по партии начали подготовку кадров для будущей национальной польской армии в тесном сотрудничестве с Веной. В обмен на обещания поддержки в случае войны с Россией, Австро-Венгрия обеспечивала националистов припасами и вооружением. Сторонниками Пилсудского во главе с генералами К. Соснковским и М. Кукиелем началась подготовка вооруженных отрядов поляков-националистов, располагавшихся в Галиции. Впоследствии они стали основой для «польских легионов», воевавших против российских войск на стороне Австро-Венгрии⁴⁰.

Несмотря на то, что это сотрудничество все время оставалось на очень скромном уровне, сама возможность австро-польского сближения говорила о многом. Накануне первой мировой войны любое промедление со стороны российских властей могло стоить империи потери польских территорий в самом начале ожидаемого конфликта. В 1913—1914 гг. вопрос о предоставлении Польше автономии окончательно приобрел международный характер. Как в царском правительстве, так и в Государственной думе после реакции 1908—1912 гг. снова стали задумываться о том, что самостоятельная Польша в составе Российской империи может послужить фактором значительного укрепления западных границ в войне с Германией и Австро-Венгрией. Вокруг этой идеи объединились некоторые либерально настроенные представители чиновничества, как,

например, министр иностранных дел Сазонов, а также думцы из состава кадетской и октябристско-прогрессистской фракций. При этом шли споры о том, необходимы ли новые территориальные приращения на западе для воссоздания автономной Польши в ее «исторических границах», или же стоило ограничиться имевшимися⁴¹.

Вскоре после начала первой мировой войны летом 1914 г. одной из целей России в конфликте, по общему признанию и думцев, и правительства, стало воссоединение всех польских территорий. 1 августа 1914 г. было объявлено воззвание Верховного главнокомандующего Русской императорской армии великого князя Николая Николаевича к польскому народу. В нем, частности, говорилось: «Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ! Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя! Под скипетром этим возродится Польша, свободная в вере, языке, в самоуправлении»⁴².

Представители кадетов и Польского коло в Государственной думе с энтузиазмом восприняли этот шаг. Так, Роман Дмовский 4 августа организовал совместный ответ Верховному главнокомандующему от четырех основных польских политических партий: эндеков, прогрессистов, партии реалистов и Польского прогрессивного союза. Телеграмма гласила: «Глубоко тронутые возванием Вашего Императорского Высочества, оповестившим нас, что, подняв оружие в защиту славян, доблестная русская армия борется и за священное для нашего народа дело возрождения единой Польши..., нижеподписавшиеся... крепко веруем, что кровь сынов Польши, проливаемая вместе с кровью сынов России в борьбе с общим врагом, станем лучшим залогом новой жизни в мире и в духе двух славянских народов»⁴³. То же относится и к общественности Великобритании и Франции. Одним из главных инициаторов составления возвания был министр иностранных дел Российской империи Сазонов.

Всю осень и зиму 1914 г. заняли различные заседания и обсуждения в Совете министров, Государственном совете, Думе и Ставке, посвященные разработке проекта о будущем государственном устройстве «Объединенной Польши»⁴⁴. Она должна была получить полную автономию во внутренних делах. Вопросы, связанные с финансами, судопроизводством, армией и флотом предполагалось решать на общеимперском уровне⁴⁵. Николай II в начальный период войны хотел посетить Варшаву, но поездка так и не состоялась. Первое время среди поляков действительно был заметен патриотический подъем, что выразилось в их активном участии в боевых действиях на стороне России⁴⁶. Тем не менее, как отмечают польские исследователи, в германскую армию они также шли, хоть и с разным уровнем энтузиазма — в зависимости от места проживания⁴⁷.

Кадеты и прогрессисты через думские трибуны поддерживали политику Сазонова и призывали не медлить с решением вопроса. Правые как всегда были против каких бы то ни было послаблений в отношении поляков. Кроме того, польские территории рассматривались ими как «разменная карта», которую в случае чего можно будет использовать при переговорах с немцами или австрийцами⁴⁸. В мае 1915 г. было созвано специальное заседание касательно предоставления Польше автономии. Группа из трех влиятельных чиновников — министра внутренних дел Ма-

клакова, министра юстиции Щегловитова и министра народного просвещения Таубе — выступила против проекта воссоединения и автономизации польских территорий⁴⁹. Они считали, что есть гораздо более важные внешнеполитические вопросы (Проливы, Константинополь), реализацией которых в тот момент нужно было заниматься, а решение проблемы со статусом Польши следовало оставить на конец войны. Императрица Александра Фёдоровна и председатель Совета министров И. Л. Горемыкин их поддержали. Вскоре к той же точке зрения начал склоняться и Николай II. Ситуацию форсировало поражение российской армии в весенне-летней кампании 1915 г., после чего большая часть Польши оказалась в руках Германии и Австро-Венгрии. Сазонов в это время находился в активном контакте с французским и английским послами в Санкт-Петербурге и некоторыми представителями кадетской партии, призывавшими его убедить царя пойти на предоставление автономии⁵⁰. В это же время в Думе оформлялся оппозиционный «Прогрессивный блок», состоявший из кадетов, октябристов, прогрессистов и части националистов. Принимая во внимание планы Центральных держав по созданию независимого польского государства, думцы призывали принять срочные меры по автономизации Польши⁵¹.

Казалось, что в июле 1916 г. Сазонову удалось добиться успеха: Николай II согласился на манифест о даровании Польше автономного статуса с отдельным сеймом⁵². Однако наиболее реакционной части правительства во главе с В. Н. Штюрмером, поддерживаемой императрицей, Распутиным и крайне правыми в Думе, удалось добиться от царя отставки Сазонова. Взятый в свои руки Министерство иностранных дел Штюрмер отложил реформирование Польши на потом. В конце концов, время, отведенное России, было упущено, и «польскую карту» в полной мере разыграли Центральные державы. 5 ноября 1916 г. вышел манифест императоров Германии и Австро-Венгрии о создании после войны на польских землях независимого государства. Немцы организовали специальный Регентский совет, в Варшаве были открыты польский университет и полонизированная школа⁵³. Как отмечает С. В. Куликов, правительство в декабре 1916 — феврале 1917 г. не перестало проявлять интерес к Польше, было собрано специальное особое совещание по этому вопросу⁵⁴. И либералы, и правые не теряли надежду на возвращение Польши, призывая перейти к конкретной реализации плана реформ или ужесточению курса соответственно. Однако несмотря на это Польша для России после ноября 1916 г. фактически была потеряна. Никаких решительных мер по ее возвращению режимом Николая II не было предпринято. В воззвании от 30 марта 1917 г. Временное правительство признало право поляков на независимость «в этнических границах»⁵⁵.

Таким образом можно сделать вывод, что польская политика самодержавия в начале XX в. и накануне первой мировой войны была крайне неэффективной. Из-за отсутствия проработанной стратегии и недостатка ресурсов, она не смогла привести к полной интеграции Польши в состав империи. Реальное воздействие на имперский курс оказывала лишь небольшая часть фракций, представленных в Государственной думе. Эпизодические уступки, на которые шла власть по отношению к полякам,

были связаны с влиянием либеральных сил не только в правительстве, но и в обществе — октябристов и кадетов в Думе.

Обострение международного фактора в польском вопросе в связи с угрозой начала войны с Германией и Австро-Венгрией резко усилило позиции сторонников автономизации территорий Привислинского края. В 1914—1915 гг., когда Николай II был готов на предоставление Польше самостоятельности, либеральные партии достигли предела своих возможностей по влиянию на царскую политику. Несмотря на это, правящим кругам и реакционерам из числа высшего чиновничества, видевшим Польшу частью «единой и неделимой» России, удалось одержать верх. Они пользовались полной поддержкой фракций националистов и крайне правых. По существу, только эти думские силы могли принимать какое-либо участие в формировании курса правящей элиты.

Непоследовательность и нерешительность самодержавия как накануне, так и в годы первой мировой войны, предопределили невозможность успешного разрешения польского вопроса. Однако в конечном итоге это ничего не решало, так как Россия потеряла территории бывшего Царства Польского в результате военного поражения. В таких условиях представляется невозможным сделать вывод, какая программа — автономистская или унитаристская — разрешения польского вопроса в этот период могла бы оказаться более эффективной. «Дореволюционная стадия» польского вопроса для России закончилась оккупацией Польши Центральными державами.

Примечания

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда. Тема: «Исторический опыт управления этническим разнообразием и этноконфессиональными конфликтами в имперской, советской и постсоветской России». Проект № 15—18—00119.

1. МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2-х томах. Т. 1. СПб. 1999, с. 41.
2. НАПАЛКОВА И.Г., ЧЕКУШКИН А.Н. Стратегии и проекты модернизации государственного управления «национальной периферией» в имперской России. — Федерализм. 2012, № 2 (66), с. 128.
3. WEEKS Th.R. Russification: Word and Practice. 1863—1914. — Proceedings of the American Philosophical Society. 2004, vol. 148, No. 4, p. 474.
4. STOWIECKI R. Głos w dyskusji nad perspektywami i celami pewnego wspólnego projektu. In: Polska — Rosja: czy fatalizm wrogości? 2013. Rok 11, s. 18.
5. ОЛЬДЕНБУРГ С.С. Царствование императора Николая II. М. 1992, с. 90—91.
6. BISKUPSKI M.V. The History of Poland. Westport. 2000, p. 35.
7. ASCHER A. The Revolution of 1905: Russia in Disarray. Stanford. 1988, p. 157.
8. ЦИУНЧУК Р.А. Немецкий, польский и еврейский вопросы в Государственной думе: «свои», «иные», «другие», «чужие». В кн.: Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. СПб. 19 октября 2012. СПб. 2013, с. 78.
9. КИСЛЯКОВ А.С. Национально-политическая программа Польского коло в Государственной думе I и II созывов (1906—1907 гг.). — Вестник Московского государственного университета. Серия 8. История. 2011, № 4, с. 91.
10. ПАВЕЛЬЕВА Т.Ю. Польская фракция в Государственной думе России 1906—1914 годов. — Вопросы истории. 2000, № 3, с. 113.
11. Там же, с. 114.

12. КОРОЛЁВА Р.В. Польский вопрос и третьеиюньский государственный переворот. — Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2007, № 12, с. 29. Польская фракция отличалась самым высоким уровнем образованности: так, во II Думе до 70% депутатов от этой фракции имели высшее образование.
13. КИСЛЯКОВ А.С. Ук. соч., с. 91—92.
14. ДМОВСКИЙ Р. Германия, Россия и польский вопрос. М. 2017, с. 44—46.
15. ЦИУНЧУК Р.А. Ук. соч., с. 79.
16. ЗУБАЧЕВСКИЙ В.А. Политика России в Центрально-Восточной Европе накануне и в годы Первой мировой войны. — Новая и новейшая история. 2014, № 3, с. 4.
17. КОРОЛЁВА Р.В. Ук. соч., с. 29—30.
18. ПАВЕЛЬЕВА Т.Ю. Ук. соч., с. 116.
19. ГОЛУБЕВ С.А. Правые и либеральные партии России и польский вопрос (1905 — февраль 1917 года). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М. 1993, с. 13.
20. ВЕЛЬМОЖКО И.Н. Национальный вопрос в деятельности III и IV Государственных дум. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М. 1998, с. 21—22; WEEKS Th.R. The National World of Imperial Russia: Policy in the Kingdom of Poland and Western Provinces, 1894—1914. PhD dissertation. University of California. Berkley. 1992, p. 376—380.
21. Столыпин А.П. Слово об отце. В кн.: СТОЛЫПИН П.А. Нам нужна великая Россия...: Полное собр. речей П.А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906—1911. М. 1991, с. 20. Закон так и не был реализован в полной мере из-за начавшейся вскоре первой мировой войны.
22. КОЛМАГОРОВ К.Н. Польский вопрос во внешней политике Англии (1914—1921 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Калининград, 2004, с. 14.
23. ШЕЛОХАЕВ В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907—1914 гг. М. 1991, с. 136.
24. История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М. 1997, с. 379.
25. ШЕЛОХАЕВ В.В. Ук. соч., с. 137—138.
26. ГОЛУБЕВ С.А. Ук. соч., с. 14—15; ШЕЛОХАЕВ В.В. Ук. соч., с. 138—139.
27. ТРУНОВ К.Н. Партия кадетов и польский вопрос (1905—1917 гг.). — Клио. 2014, № 12 (96), с. 42—43.
28. DAVIES N. God's Playground: A History of Poland. Vol. 2: 1795 to the Present. New York. 2005, p. 275.
29. История внешней политики России. Конец XIX — начало XX в., с. 389. Октябристы и умеренные националисты часто говорили об использовании Польши в качестве плацдарма для «тесного национально-культурного единения с зарубежной Червонной Русью (Галицией, Буковиной, Закарпатской Русью)».
30. История внешней политики России. Конец XIX — начало XX в., с. 387—388.
31. Там же, с. 389—390. Например, октябристы не были согласны с Сазоновым, считавшим необходимым проводить в интересах России политику чисто европейской направленности. Они призывали к расширению экономической экспансии на Дальнем и Среднем Востоке.
32. ГОЛУБЕВ С.А. Ук. соч., с. 14—15.
33. История внешней политики России. Конец XIX — начало XX в., с. 396—397.
34. WEEKS Th.R. Defining Us and Them: Poles and Russians in the “Western Provinces”, 1863—1914. — Slavic Review. 1994, vol. 53, No. 1, p. 36, 40. Так как имперская власть не хотела идти на демократизацию управления Польшей, но при этом не имела достаточных ресурсов для полноценной ассимиляции ее населения и инкорпорирования территорий в состав России, ею практиковалась политика «сдерживания» поляков в категориях «они», «чужие». Главными критериями различия были язык и религия. Правые активно поддерживали «пассивное русификаторство».
35. ЛУФЕРЧИК Е.Г. Русификация как средство решения польского вопроса во второй половине XIX — начале XX в. — Веснік БДУ. Сер. 3: Гісторыя. Эканоміка. Права. 2016, № 3, с. 24.
36. WEEKS Th.R. The National World of Imperial Russia..., p. 8.
37. История внешней политики России. Конец XIX — начало XX в., с. 404—406.

38. BISKUPSKI M.B. Op. cit., p. 40.
39. DABROWSKI P.M. Use and Abuses of the Polish Past by Jozef Pilsudski and Roman Dmowski. — *The Polish Review*. 2011, vol. 56, No. 1/2, p. 83—84.
40. Ibidem.
41. ЕМЕЦ В.А. «Национальные интересы» и внешняя политика России в преддверии Первой мировой войны. В кн.: *Первая мировая война: Пролог XX века*. М. 1999, с. 40—41.
42. История внешней политики России. Конец XIX — начало XX в., с. 480.
43. АЙРАПЕТОВ О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914—1917): 1914. Начало. М. 2014, с. 156—157.
44. Там же. с. 481—482.
45. Русско-польские отношения в период мировой войны. М.-Л. 1926, с. 43.
46. ДМИТРИЕВ Д.Г. Поляки на службе в царской армии накануне Первой мировой войны (к вопросу о векторе социальной мотивации). — *Славянский альманах*. 2014, № 1—2, с. 4.
47. IWICKI J. Z myślą o Niepodległej... Listy Polaka żołnierza armii niemieckiej z okopów I wojny światowej (1914—1918). Wrocław. 1978, s. 19, 30.
48. ГОЛУБЕВ С.А. Ук. соч., с. 16.
49. BOBROFF R. Devolution in Wartime: Sergei D. Sazonov and the Future of Poland, 1910—1916. — *The International History Review*. 2000, vol. 22, No. 3, p. 515.
50. Ibid., p. 516—517.
51. COONROD R.W. The Duma's Attitude Toward War-Time Problems of Minority Groups. — *The American Slavic and East European Review*. 1954, vol. 13, No. 1, p. 41—43.
52. BOBROFF R. Op. cit, p. 519—522. Среди аргументов Сазонова, действовавших на Николая II, можно выделить новость о готовности немцев завербовать 800 тыс. поляков в свою армию, а также возможности объединения всего Юго-Запада Польши под скипетром Габсбургов. Значимую поддержку министру иностранных дел оказал начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев.
53. БЕРЕЖНАЯ Л.А., БУДНИЦКИЙ О.В., ДОЛБИЛОВ М.Д., МАКУШИН А.В., МИЛЛЕР А.И., ПРАВИЛОВА Е.А., ЦИУНЧУК Р.А., ЯКОВЛЕВА Т.Г. Западные окраины Российской империи. М. 2006, с. 414.
54. КУЛИКОВ С.В. Российская империя накануне решения польского вопроса (декабрь 1916 — февраль 1917 гг.). В кн.: *Studia internationalia: Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X—X вв.»*. Брянск, 1—3 июля 2015. Брянск. 2015, с. 144—151.
55. КЛЕЙМЕНОВА Н.Е. Польский вопрос во внешней политике России в годы Первой мировой войны (август 1914 — октябрь 1917 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М. 1996, с. 16—17.

Деятельность органов ОГПУ-НКВД СССР по противодействию хищениям и спекуляции хлебом в первой половине 1930-х гг.

А. В. Гудкова, Д. А. Ерин

Аннотация. В публикации рассматривается деятельность органов ОГПУ СССР и рабоче-крестьянской милиции по борьбе с хищениями хлеба и других хлебопродуктов в период проведения коллективизации в Советском Союзе. На основе опубликованных исторических источников, в первую очередь документов и материалов Центрального архива ФСБ, а также историко-правовых и исторических исследований по заявленной теме, авторы раскрывают работу органов ОГПУ по пресечению хищения и спекуляции с точки зрения обеспечения безопасности социалистического строя и государства.

Ключевые слова: коллективизация, ОГПУ СССР, рабоче-крестьянская милиция, репрессивная политика, хищение социалистической собственности, спекуляция.

Abstract. The activities of bodies of joint public political administration of USSR and Workers' and Peasants' militia for fight against plunders and speculation of bread and other bakery products during collectivization in the Soviet Union are considered in the article. On the basis of the published historical sources, first of all documents and materials of the Central archive of FSS and also historical and legal and historical researches on the announced subject, authors open work of bodies of joint public political administration on suppression of plunder and speculation in terms of safety of a socialist system and the state.

Key words: collectivization, OGPU USSR, Workers' and Peasants' militia, repressive policy, plunder of socialist property, speculation.

Гудкова Анна Валерьевна — кандидат исторических наук, заместитель начальника кафедры юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России. E-mail: 388153@gmail.com; *Ерин Дмитрий Александрович* — кандидат юридических наук, доцент кафедры юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России. E-mail: dmitry-0333@mail.ru.

Gudkova Anna V. — candidate of historical sciences, deputy chief of Department of Law faculty of the Vladimir Law Institute of Federal Penal Service of Russia. E-mail: 388153@gmail.com; *Erin Dmitry A.* — candidate of Law, associate professor of Department of Law faculty of the Vladimir Law Institute of Federal Penal Service of Russia. E-mail: dmitry-0333@mail.ru.

30-е гг. XX в. стали для истории Российского государства переломным этапом. Именно в этот период в стране произошло формирование командно-административной системы управления, создание которой тесно связано с проведением политики индустриализации и коллективизации в СССР.

Проблематика индустриализации и коллективизации всегда вызвала неподдельный интерес со стороны советских, а впоследствии российских, а также зарубежных исследователей. Отечественные историки и юристы не только достаточно подробно осветили эти процессы, но и раскрыли их влияние на общий подъем экономики и сельского хозяйства СССР в 30-е гг. XX в., не оставив без внимания и вопросы, связанные с «силовым обеспечением» проводимой политики, в частности, борьбой с хищениями социалистической собственности и спекуляцией¹. Роль органов ОГПУ-НКВД СССР в мероприятиях по обеспечению коллективизации и индустриализации страны достаточно подробно освещалась в исследованиях В.А. Иванова, О.Б. Мозохина, Л.П. Рассказова, С.А. Папкова².

В течение последних двадцати лет было опубликовано значительное количество документов из фондов Центрального архива ФСБ России, ранее недоступных широкому кругу отечественных исследователей, что позволило более детально раскрыть деятельность советских правоохранительных органов в обеспечении коллективизации и индустриализации страны³. Вместе с тем, «силовое» сопровождение этих процессов рассматривалось и продолжает рассматриваться в достаточно негативных тонах, с раскрытием нелицеприятных фактов, что, во многом, бросает тень на историю системы правоохранительных органов страны.

Вне всякого сомнения стремление советского руководства в короткое время обеспечить строительство социалистического государства, в котором отсутствует частная собственность на средства производства, встречало сопротивление значительной части населения страны, в первую очередь, сельского. Именно поэтому все правонарушения в сфере хищений и спекуляции приобретали политический оттенок и причислялись, согласно Уголовному Кодексу РСФСР 1926 г., к государственным, что влекло за собой ужесточение мер по борьбе с подобными правонарушениями.

Органы госбезопасности в силу своей малочисленности и значительного объема работ не имели возможности непосредственно своими силами в полном объеме осуществлять весь объем мероприятий и, как правило, занимались руководством через территориальные структуры, тогда как основная часть работы выполнялась важнейшим вспомогательным элементом — советской милицией, которая с 1930 г., сначала фактически, а с 1931 г. и формально, стала частью ОГПУ СССР.

Участие ОГПУ СССР в проведении коллективизации и индустриализации проявлялось, в первую очередь, в деятельности по обеспечению охраны социалистической собственности от преступных посягательств. Необходимо подчеркнуть, что борьба с указанными противоправными деяниями тесно связывалась со всеми мероприятиями, проводившимися советским правительством в экономической сфере.

Безусловно, нельзя забывать, что «правила игры» устанавливали не правоохранительные органы, которые являлись лишь орудием политики

партии и советского правительства. Необходимо попытаться взглянуть на их деятельность не с политической точки зрения, а с позиций анализа работы по обеспечению охраны общественного порядка, а также борьбы с преступностью в рамках действовавшего законодательства. Следует поддержать точку зрения О.И. Плетня, что основная роль во всех негативных тенденциях коллективизации, как, например, в процессе ликвидации кулачества как класса (а кулаки и раскулаченные по большей части и признавались инициаторами хищений и спекуляции хлебом), принадлежала не органам ОГПУ, а «районным активам», райкомам ВКП(б) и райисполкомам, осуществлявшим непосредственное руководство становлением колхозного движения на местах и наделенным практически неограниченными правами ⁴.

Роль органов ОГПУ в обеспечение коллективизации определялась не только борьбой с политическими противниками процесса обобществления сельского хозяйства, но и тесно связывалась с противодействием преступности, а именно — хищениям хлеба и, соответственно, срыву снабжения рабочих центров, что, в свою очередь, подрывало не только веру в советскую власть, но и самым непосредственным образом влияло на заинтересованность рабочего класса в увеличении темпов поступательного развития социалистической экономики, в частности, промышленности.

Важнейшими политико-экономическими мероприятиями начала 1930-х гг., направленными на обеспечение страны продовольствием, являлись ежегодные кампании по хлебозаготовкам. Их проведение рассматривалось руководством страны не только как важнейшее мероприятие по продовольственному обеспечению населения, но и приобретало политическую «окраску», так как было тесно связано с проводимой политикой коллективизации сельского хозяйства. Практика первых хлебозаготовительных кампаний в СССР начала 1930-х гг. показала, что практически по всей территории страны советское руководство столкнулось с различными формами сопротивления, как со стороны колхозников, так и со стороны единоличников, причем довольно часто промахи и перегибы местного руководства использовались ярыми противниками советской власти в целях агитации не только за пассивное сопротивление но и за вооруженное противостояние сельских жителей как колхозному строительству, так и власти в целом. Вне всякого сомнения подобная деятельность, направленная не только на срыв сроков снабжения страны продовольствием, но и на подрыв основ социалистического строя, и попадала в разряд контрреволюционных преступных деяний, борьба с которыми являлась основной задачей ОГПУ СССР ⁵. Основная работа по пресечению подобных преступлений возлагалась на Экономическое управление ОГПУ, территориальные органы Политических Представительств ОГПУ в республиках, губерниях, областях и органы рабоче-крестьянской милиции.

Как известно, именно рабочий класс составлял основу развития советской индустрии. А перебои с продуктами питания и, в первую очередь, с хлебом приводили к массовым выступлениям практически повсеместно, что ставило под удар не только сроки производства продукции, но и само поступательное развитие социалистической экономики, а также

подрывало веру рабочего класса в советскую власть и создавало почву как для проведения контрреволюционной агитации и пропаганды, так и для открытого вооруженного сопротивления, что в условиях достаточно сложной международной обстановки начала 1930-х гг. серьезно подрывало обороноспособность социалистического государства. Например, в спецсводке от 28 октября 1932 г. ПП ОГПУ по Ивановской промышленной области ⁶ отмечались негативные настроения по отношению к советской власти рабочих текстильных фабрик г. Кохма, возникшие по причине недостаточного, некачественного и несвоевременного снабжения продовольствием, в первую очередь, мукой. В спецсправке секретно-политического отдела ОГПУ «О положении в Гусь-Хрустальном районе Ивановской промышленной области» от 17 марта 1933 г. говорилось, что на многих предприятиях района «... большая часть рабочих сейчас не имеет хлеба, а некоторые даже и картофеля. Дети собирают милостыню» ⁷. Неудовлетворительное снабжение рабочих отмечалось и в Нижневолжском крае ⁸. Подобное положение приводило к активизации антисоветского элемента, который использовал сложившуюся ситуацию для агитации и призывам к забастовкам.

Хлебозаготовительные кампании 1929 и 1930 гг. столкнулись с определенными трудностями, коллективные хозяйства и единоличники по ряду экономических и политических причин не смогли в полной мере обеспечить государство хлебом. Во многих районах страны хлебозаготовки сопровождались массовыми хищениями, различными формами сопротивления крестьян. Уже к началу 1930 г. ОГПУ отмечало, что во многих республиках, краях и областях европейской части СССР случаи хищения колхозного урожая приняли массовый и нередко организованный характер ⁹.

Постановление от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» ¹⁰ явилось ответом советского руководства на распространение по всей стране хищений социалистической собственности. Безусловно, важнейшее место среди них занимали различные формы и виды хищений хлеба, которые подрывали не только политику создания колхозного строя в стране, но и в конечном итоге ставили под сомнение продовольственную безопасность советского государства.

Уделяя особое внимание развитию колхозного хозяйства, основной задачей которого выступало продовольственное обеспечение страны, руководство ОГПУ и советское правительство выделяло как приоритетное направление борьбу с преступлениями, подрывавшими процессы становления и развития коллективных хозяйств. Основными задачами ОГПУ являлись сохранение урожая, посевных материалов, техники, ее рациональное использование и защита от хищений и порчи, пресечение саботажа, противодействие расхищениям урожая и т. д.

Именно поэтому перед органами ОГПУ СССР была поставлена задача обеспечить любыми путями проведение хлебозаготовительных кампаний в стране, выполнение которых являлось приоритетной задачей государственного аппарата, а срыв посевных и уборочных приравнивался к контрреволюционным преступлениям.

В постановлении бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «О ходе хлебозаготовок» от 11 ноября 1932 г. подчеркивалось, что органы ОГПУ должны сосредоточить свое внимание на борьбе с антисоветскими политическими группировками и предупреждении антиобщественных явлений (террор, выступления и т. д.)¹¹. В качестве мер органам ПП ОГПУ предлагалось в семидневный срок выселить за пределы края две тысячи хозяйств, срывающих хлебозаготовки и сев.

В Курганинском районе СКК только за ноябрь 1932 г. опергруппами ОГПУ было обнаружено и изъято 34431 центнер укрытого расхищенного хлеба, 816 ям, 51 амбар, значительное количество ручных мельниц. Только по Краснодарскому району было изъято 100 ручных мельниц¹².

В ноябре 1932 г. ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю ориентировались на выявление организаторов саботажа хлебозаготовок и сева в девяти районах края. Кроме того, необходимо было усилить борьбу с расхищением и сокрытием хлеба. Органам ОГПУ предоставлялось право арестовывать коммунистов за разбазаривание, расхищение хлеба, сопротивление хлебозаготовкам. В качестве мер, направленных на пресечение вывоза хлеба за пределы края, особенно в направлении Закавказья, следовало выставлять оперативные кордоны, используя курсантов школы милиции, в задачу которых входило задержание лиц, вывозивших хлеб в размере больше одного пуда¹³.

Практика умышленного укрытия хлеба получила широкое распространение в колхозах. Причем она приобретала различные формы, начиная от формального сокращения размеров посевных площадей с целью образования неучтенного фонда до прямого укрывательства собранного урожая. В период хлебозаготовок она проявлялась не только среди рядовых колхозников или единоличников, но и среди руководства колхозов. Это безусловно наносило колоссальный ущерб продовольственному обеспечению страны. Подобные действия квалифицировались как преступные контрреволюционные деяния, борьба с которыми находилась в непосредственной компетенции ОГПУ. Например, согласно спецсообщению от 15 сентября 1932 г. СПО ОГПУ по Нижневолжскому краю, во многих районах существовала практика укрытия хлеба путем его списания как «погибшего», сознательного занижения сведений об «урожайности» и т. д., причем вся эта деятельность санкционировалась руководством колхозов и сельсоветов¹⁴. Так, по данным ПП ОГПУ по Средневолжскому краю на осень 1932 г., во многих колхозах правление открыто призывало колхозников к невыполнению хлебозаготовительного плана, организовывало сокрытие хлеба, раздавало его крестьянам вместо сдачи, в первую очередь, государству и т. д.¹⁵

По состоянию на 14 ноября 1932 г. в Средневолжском крае в качестве превентивных мероприятий по обеспечению хлебозаготовительной кампании в период с июля по октябрь органами ОГПУ было арестовано 2280 чел. за контрреволюционную и антисоветскую деятельность и 849 чел. — за спекуляцию и хищения хлеба¹⁶. Органы ОГПУ констатировали, что во многих районах страны — УССР, Северо-Кавказском крае, Башкирской АССР — широкое распространение среди колхозников получила практика преждевременной и самочинной уборки урожая, расхищения колхозного хлеба на корню, укрывательства урожайности и посевов.

Причем подобные деяния практически повсеместно осуществлялись при содействии руководства колхозов или сельсоветов. Например, в спецсводке № 42 секретно-политического отдела ОГПУ от 25 июля 1932 г. указывалось, что в Центральночерноземной области для снижения плана заготовок в некоторых сельсоветах умышленно укрывали фактически засеянные площади¹⁷. По данным ОГПУ, на 1 мая 1933 г. посевная кампания в ряде районов Нижневолжского края характеризовалась низким качеством сева, а самым распространенным явлением было снижение норм высева за счет массовых хищений семян, предназначенных для посева¹⁸.

Подобная практика деятельности руководства сельских советов была вполне объяснима, однако, с точки зрения решения государственной задачи по обеспечению продовольствием населения страны и, в первую очередь, рабочего класса, безусловно являлась преступной.

В ходе ежегодных посевных и уборочных кампаний руководство страны ориентировало ОГПУ и подчиненные ему органы государственной безопасности и милиции на усиление работы по борьбе с теми или иными видами преступлений, ущерб от которых мог нанести существенный вред советской экономике. Реализация решений руководства страны по борьбе с хищениями и спекуляцией нашла свое отражение не только в актах общегосударственного значения, но и в решениях территориальных органов ОГПУ. Например, в циркуляре ПП ОГПУ по Нижневолжскому краю от 25 сентября 1932 г. «Об усилении борьбы с хищениями и спекуляцией» отмечалось, что подобные явления приобрели на территории края значительный размах, а работа органов ОГПУ по пресечению подобных правонарушений, в том числе и милиции, признавалась как крайне «слабой».

Необходимо подчеркнуть, что организация коллективных хозяйств, а также их деятельность сопровождались как организованными, так и индивидуальными формами противодействия сельских жителей. Органы ОГПУ немедленно реагировали на контрреволюционные проявления как со стороны отдельных колхозников, так и организованных групп.

ПП ОГПУ по Уральской области в справке о мероприятиях по обеспечению выполнения плана хлебазаготовок от 8 декабря 1932 г. отмечало массовые хищения лошадей, домашнего скота, хлеба и другого колхозного имущества, совершенные организованными группами как кулаков, так и иного антиобщественного элемента и колхозников¹⁹. По итогам работы органов ОГПУ по Уральской области за хищения хлеба, срыв хлебазаготовок в период с 10 по 20 ноября 1932 г. в 38 районах области было задержано 1347 человек²⁰. Органами ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю в период с 1 ноября по 10 декабря было обнаружено 4764 ямы, 238 «черных амбаров» для нелегального хранения зерна и изъято 93 108 центнеров²¹.

Кроме того, по данным спецсводки № 46 секретно-политического отдела ОГПУ о ходе уборочной кампании 1932 г. были выявлены массовые случаи небрежного хранения собранного урожая. Например, в Западной области хлеб находился в непригодных помещениях и в результате дождей гнил. Органы милиции не только ориентировались на непосредственную борьбу с расхищениями хлеба. На них возлагалась обязанность проведения профилактических мероприятий. Например, циркуляром ПП

ОГПУ по Нижневолжскому краю «О мероприятиях по усилению борьбы с хищениями семенного материала, прочего зерна и хлебной продукции» от 15 марта 1933 г. органам милиции края в лице участковых милиционеров предписывалось проверить охрану зерна в местах его хранения в колхозах, на элеваторах, мельницах и т. д.²²

Негативной тенденцией, характеризовавшей хлебозаготовительные кампании, были массовые хищения колхозного урожая. Секретно-политический отдел ОГПУ констатировал, что подобные явления характерны для всего Советского Союза, особенно для хлеборобных районов страны: УССР, Северо-Кавказского, Средневолжского, Нижневолжского краев, Казахской АССР, Западной области. В одном из колхозов Республики немцев Поволжья только за два дня колхозники срезали колосья с десяти гектаров²³.

В спецсправке ОГПУ «Об отрицательных явлениях в колхозном строительстве» от 11 августа 1932 г. отмечалось, что массовые хищения хлеба происходят практически во всех районах Нижневолжского края, причем участие в них принимают как единоличники, так и сами колхозники, а зерно разворовывается как в массовых объемах, так и путем растаскивания мешками, сумками, по карманам²⁴. Наиболее распространенными способами хищений являлись: срезание колосьев, ночные покосы нескошенной колхозной пшеницы, хищения зерна во время молотбы, во время транспортировки хлеба на элеваторы и т. д. Похищенный хлеб обрабатывался на подпольных мельницах и в виде муки сбывался на частном рынке²⁵. Причем, в этой деятельности нередко принимали участие и сами руководители колхозов. Безусловно, подобное положение подрывало не только саму идею коллективного хозяйства, но и основы социалистической экономики и системы производства и распределения продуктов.

Непосредственные хищения хлеба наносили значительный урон продовольственной безопасности государства. СПО ОГПУ от 1 декабря 1932 г. в спецсводке «О хищениях хлеба в колхозах и совхозах» отмечал, что несмотря на принятие репрессивных мер в отношении расхитителей, хищения хлеба не прекращались и носили массовый характер. Например, по Центральночерноземной области только за сентябрь 1932 г. было зарегистрировано 469 случаев хищений в совхозах и колхозах, по Горьковскому краю только с 1 по 15 октября было похищено 7100 пудов хлеба и т. д. Хищения хлеба в основном производились при молотбе, перевозке на сыпные пункты, на самих сыпных пунктах и мельницах, причем практически всегда в сговоре с работниками указанных структур.

В рамках борьбы с этим явлением на Урале с 1 по 25 августа 1932 г. было арестовано 4138 чел., по Западно-Сибирскому краю с августа по сентябрь привлечено к ответственности 3796 чел., в ЦЧО только в сентябре за хищения хлеба и сахарной свеклы арестовали 832 чел., в Крымской АССР за расхищение колхозного имущества было привлечено к ответственности 500 чел., по СКК на 15 октября 1932 г. судами и тройкой ПП ОГПУ за хищения хлеба и колхозного имущества осуждено 2254 чел. (из них к высшей мере приговорен 101)²⁶.

Особую роль в деятельности по пресечению хищений сыграли политотделы МТС, созданные 11 января 1933 г., особая роль в которых

отводилась заместителям начальников политотделов по линии ОГПУ, непосредственно осуществлявшим взаимодействие с органами госбезопасности, рабоче-крестьянской милицией и прокуратурой. Например, несмотря на то, что в период подготовки посевной кампании 1933 г. органы ОГПУ были ориентированы на превентивные мероприятия по вскрытию и ликвидации контрреволюционных элементов, пытавшихся сорвать посевные мероприятия, и только за вторую декаду марта 1933 г. в 57 МТС было арестовано 793 чел. (в том числе за контрреволюционный саботаж, срывающий сев — 323 чел., за хищения — 286 чел.)²⁷, органам ОГПУ не удалось полностью предотвратить совершение подобных преступлений.

В спецсводке оперативного отдела ГУ РКМ при ОГПУ № 21 от 14 апреля 1933 г. о результатах борьбы с преступностью в период подготовки проведения посевной кампании²⁸ отмечалось, что основными направлениями в ней выступала борьба со следующими видами преступлений: хищение, разбазаривание, порча, утайка посевного и ремонтного материала, вредительское отношение к рабочему скоту, порча сельскохозяйственных машин различного предназначения. За указанные виды преступлений за весь период проведения посевной кампании, по данным УСССР, КазАССР, Нижневолжского, Северо-Кавказского краев, Московской, Центрально-Черноземной и Уральской областей, было привлечено к ответственности 61 245 чел., из которых 40 964 — за хищения, разбазаривание, порчу и утайку посевного материала, 2405 — за умышленную порчу и небрежное отношение к сельскохозяйственным машинам²⁹.

В спецсообщении ЭКУ ОГПУ от 5 сентября 1933 г. «О борьбе органов ОГПУ с хищениями хлеба»³⁰ приводились факты организованного хищения хлеба в некоторых районах страны. Например, органами ОГПУ были вскрыты факты крупных хищений с полей в Татарской АССР, Московской области, Восточной Сибири, Северо-Кавказском крае. В этих же краях и областях были пресечены хищения со складов и перерабатывающих предприятий «Заготзерно». Большинство из них было осуществлено посредством выдачи приемщиками фиктивных квитанций, подделок самими хлебосдатчиками приемных квитанций или путем прямого воровства со складов и ссыпных пунктов.

Побочным явлением индустриализации и коллективизации, строительства социалистической экономики выступала спекуляция продуктами питания и промышленными товарами. В первую очередь, государство столкнулось со спекуляцией хлебом. Борьба с этим явлением всегда являлась важнейшим направлением деятельности советских правоохранительных органов. В начале 1930-х гг. спекуляция достигла катастрофических размеров, и органы ОГПУ были ориентированы, в первую очередь, на пресечение этого вида спекуляции. Борьба с подобной противоправной деятельностью возлагалась на оперативные отделы территориальных органов милиции.

Было бы ошибкой утверждать, что борьба со спекуляцией началась только после принятия известного Постановления от 7 августа 1932 года. Во многих краях и областях еще в период хлебозаготовительных кампаний 1930—1931-х гг. органы ОГПУ осуществляли работу по противодействию перекупщикам хлеба. В докладе ПП ОГПУ по Центральночерно-

земной области (ЦЧО) о деятельности за период февраля-ноября 1930 г. отмечалось, что основной акцент в деятельности оперативных групп и милиции был направлен на изъятие «торгашеского и спекулятивного элемента, занимавшегося спекуляцией хлеба и мяса, тем самым срывающим хлебозаготовки». Только в период хлебо- и мясозаготовительных кампаний по 1 декабря 1930 г. в ЦЧО было арестовано 575 спекулянтов³¹. Например, циркуляром ПП ОГПУ по Нижневолжскому краю от 13 августа 1931 г. «О мероприятиях наших органов по борьбе со спекуляцией хлебом и прочими основными сельскохозяйственными продуктами»³² был выработан комплекс мероприятий по «решительному пресечению» спекулятивной деятельности в период хлебозаготовительных кампаний. В частности, милиции предписывалось выставлять передвижные или законспирированные посты по наблюдению за продовольственными обозами для пресечения деятельности перекупщиков-спекулянтов, скупающих хлеб во время движения этих обозов. Причем облавы, досмотры и обыски колхозных обозов следующих на рынок, запрещались.

Мероприятия по выполнению Постановления от 22 августа 1932 г. «О борьбе со спекуляцией» стали правовой основой широкомасштабной кампании, развернутой советскими органами безопасности и милиции. Закон от 7 августа 1932 г. явился вынужденной мерой, так как спекуляция дискредитировала советскую власть, Советское государство и социалистическую систему хозяйства. Наиболее опасным видом спекуляции всегда выступала спекуляция продуктами питания. Руководство комитета по заготовкам сельскохозяйственной продукции при Совете труда и обороны (СТО) в письме, направленном в ЦК ВКП(б) 15 августа 1932 г., подчеркивало, что серьезное влияние на темпы хлебозаготовок оказывала хлебная спекуляция, которая заключалась в сбыте единоличниками своего хлеба на базарах³³. Эту деятельность требовалось пресечь.

Однако еще за несколько дней до принятия этого акта (Постановление от 7 августа 1932 г.) ОГПУ СССР направило во все территориальные органы циркуляр от 4 августа 1932 г. «О борьбе со спекулянтами-перекупщиками», в котором предписывалось в рамках защиты официальной колхозной торговли хлебом оказывать противодействие спекулянтам-перекупщикам, которые «... пытаются использовать колхозную торговлю по-своему и направить ее в капиталистическое русло»³⁴. Циркуляр подчеркивал, что борьба со спекулянтами и со спекуляцией является по своей сути борьбой с контрреволюцией. Так как спекуляцией в основном занимались бывшие торговцы, кулаки, раскулаченные, лица без определенных занятий и иной деклассированный элемент, и деятельность кулаков и спекулянтов была тесно связана между собой и направлена на подрыв колхозной торговли, то борьба с подобными преступлениями признавалась одной из важнейших задач ОГПУ. При этом для работы на базарах, рынках и в иных местах продажи хлеба предписывалось в полном объеме привлекать все оперативные службы милиции. Операцию предполагалось осуществить с 10 сентября 1932 года.

Все указанные мероприятия предписывалось проводить исключительно в отношении классовых врагов Советского государства. Их необходимо было «изымать», то есть арестовывать после вскрытия преступления. Что касается колхозников, уличенных в скупке и перепродаже

продуктов питания, то арестовывать их запрещалось, а следовало ограничиться преданием их товарищескому суду колхоза ³⁵.

Сентябрьская директива ОГПУ «Об усилении борьбы с незаконной торговлей зерном и мукой» в достаточно категоричной форме предписывала всем территориальным органам ОГПУ хлебопроизводящих краев и областей приступить к «решительной борьбе» с незаконной торговлей. В частности, необходимо было силами милиции и аппаратов «Заготзерно» изымать привезенные на продажу зерно и муку, тогда как другие продукты у колхозников не конфисковывать. В случае обнаружения хлеба у перекупщиков-спекулянтов, правонарушителей репрессировать на основании действующего законодательства, то есть деяние квалифицировать в соответствии с постановлением от 7 августа 1932 года ³⁶. Вместе с тем, в записке зампреда ОГПУ Г. Ягоды всем политическим представителям ОГПУ от 16 сентября 1932 г. отмечалось, что на 15 сентября операция по изъятию спекулянтов-перекупщиков проведена только по 14 краям ³⁷.

Согласно протоколу № 123 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 ноября 1932 г. «О борьбе с незаконной торговлей зерном, мукой, хлебом» ³⁸, в котором подчеркивалось, что торговля указанными продуктами может быть разрешена только после того, как край/область выполнят план по хлебозаготовкам, предписывалось ориентировать все политические представительства ОГПУ всех областей на всемерное усиление борьбы с продажей колхозниками и единоличниками зерна, муки и хлеба (больше одного пуда), а также на необходимость конфискации указанных продуктов на базарах, если они имеются у обозначенных категорий граждан в больших количествах. Правонарушение следовало квалифицировать как злостную спекуляцию. Основная работа возлагалась на органы милиции, которой предписывалось все вывозимые на рынки продукты в период до 15 января 1933 г. конфисковывать.

Однако несмотря на запрет правительства на продажу хлеба нового урожая до 15 января 1933 г., незаконная торговля зерном, хлебом и мукой продолжалась на базарах и рынках практически по всей стране.

Во всех территориальных органах милиции были приняты соответствующие решения, ориентировавшие сотрудников на борьбу с подобными явлениями. Например, в ленинградском УРКМ был издан циркуляр от 23 февраля 1933 г., в котором предписывалось выявлять спекулянтов-перекупщиков, в случае их появления на колхозных рынках немедленно привлекать к уголовной ответственности, а дела в отношении этих лиц расследовать в максимально короткие сроки, не превышающие двух недель. Циркуляром «Об усилении охраны общественно-социалистической собственности» предписывалось произвести проверку охраны социалистической собственности с привлечением к ответственности лиц, не обеспечивших сохранность, чьи действия повлекли за собой хищения социалистической собственности.

Марийский облисполком принял Постановление от 29 марта 1933 г. «Об усилении мер борьбы со спекуляцией хлеба», запрещавшее его вывоз за пределы области. Постановление «О воспрещении торговли хлебом» запрещало продажу хлеба вне специально отведенных мест. Причем обеспечение реализации этих постановлений возлагалось на милицию ³⁹.

Таким образом, можно констатировать, что органы ОГПУ-НКВД СССР в первой половине 30-х гг. XX в. стали важнейшим элементом советского социалистического государства, который обеспечивал проведение политики коллективизации и индустриализации страны. Основным направлением деятельности ОГПУ и милиции являлось осуществление противодействия преступлениям, тесно связанным с проводимой политикой в сельском хозяйстве и экономике, хищениям и спекуляции хлебом и иными продуктами питания. Органы ОГПУ и милиции осуществляли свою деятельность на основании и в рамках действовавшего законодательства и в пределах своих полномочий и компетенции, решали поставленную партией и правительством задачу, что в конечном итоге позволило сгладить напряженность с продовольственным обеспечением рабочих центров, обеспечило поступательное развитие отечественной экономики и заложило экономический фундамент для дальнейшего строительства социалистического государства и общества.

Примечания

1. БАДМАЕВА Е. Н. Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921—1933 гг.). Дисс. докт. ист. наук. Астрахань. 2011.; ИВНИЦКИЙ В. С. Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928—1933 гг.). М. 2000; КАЗЬМИНА М. В. Отечественная историография второй половины 1980-х годов — начала XXI века о политическом и социально-экономическом развитии СССР в 1930-е годы: дисс. докт. ист. наук. Кемерово. 2006; КОНДРАШИН В. В. Голод: 1932—1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара-Пенза. 2002; ОСОКИНА Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941 гг. М. 1999; ПАВЛОВА И. В. Механизм власти и строительство сталинского социализма: дисс. докт. ист. наук. Новосибирск. 2002.
2. ИВАНОВ В. А. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х — 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР): дисс. докт. ист. наук. СПб. 1998; КОЛОМИЕЦ К. А. Репрессивная политика советского государства в деревне в 1930-е гг.: дисс. канд. ист. наук. Пенза. 2005; МОЗОХИН О. Б. ВЧК-ОГПУ-НКВД на защите экономической безопасности государства. 1917—1941 годы. М. 2016; ПАПКОВ С. А. Репрессивная политика советского государства в Сибири (1928 — июнь 1941 г.): дисс. докт. ист. наук. Новосибирск. 2000; РАССКАЗОВ Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917—1941 гг.). Уфа. 1994; ЕГО ЖЕ. ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД в механизме формирования и функционирования политической системы советского общества (1917—1941 гг.): дисс. докт. юрид. наук. СПб. 1995.
3. Голод в СССР. 1929—1934 гг. Сб. документов. В 3-х томах. М. 2012; «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской СССР. 1937—1941 гг.: в 2-х томах. М. 2010.
4. ПЛЕТЕНЬ О. И. Деятельность правоохранительных СССР в период разработки и реализации политики сплошной коллективизации в 1928—1932 гг.: дисс. канд. ист. наук. М. 2003, с. 58.
5. Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917—1960 гг. Документы. М. 1997, с. 177—179.
6. Голод в СССР. 1929—1934 гг. Т. 2. Ч. 1. М. 2012, с. 159.
7. Там же, ч. 2, с. 599—601.
8. Там же, ч. 1, с. 161—162.
9. МОЗОХИН О. Б. Ук. соч., с. 383.

10. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1932, № 62, ст. 260.
11. Голод в СССР, т. 2, ч. 1, с. 189—190.
12. Там же, с. 198—199.
13. Там же, с. 185—186.
14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 7486, оп. 37, д. 237, л. 260.
15. Голод в СССР, т. 2, ч. 1, с. 211—213.
16. Там же, с. 217.
17. Там же, с. 87—92.
18. Там же, ч. 2, с. 516.
19. Там же, ч. 1, с. 249—250.
20. Там же, с. 290.
21. Там же, с. 298.
22. ПОПОВ В. П. Организационно-правые основы деятельности рабоче-крестьянской милиции Нижнего Поволжья. 1930—1934 гг.: дис. канд. юрид. наук. Волгоград. 2005, с. 147.
23. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918—1939. Документы и материалы в 4-х томах. Т. 3. Кн. 2. М. 2005, с. 170—171.
24. Там же, с. 174—175.
25. Голод в СССР, т. 2, ч. 1, с. 103—105.
26. Там же, с. 338.
27. МОЗОХИН О. Б. Ук. соч., с. 403.
28. Голод в СССР, т. 2, ч. 2, с. 425.
29. Там же, с. 425.
30. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5-ти томах. Т. 3. М. 2001, с. 788—789.
31. Там же. Т. 2. М. 2000, с. 734.
32. ПОПОВ В. П. Ук. соч., с. 131.
33. Голод в СССР, т. 2, ч. 1, с. 108.
34. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918—1939, т. 3, кн. 2, с. 167.
35. Там же, с. 169.
36. Трагедия советской деревни, т. 3, с. 481—483.
37. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918—1939, т. 3, кн. 2, с. 194.
38. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 ноября 1932 года «О борьбе с незаконной торговлей зерном, мукой, хлебом. <http://istmat.info/node/27084>.
39. КРАПИВИНА Н. С., МАКЕЕВ А. А. Деятельность региональных государственных органов по обеспечению общественного порядка (1917—1941 гг.). Исторические и правовые аспекты. СПб. 2007, с. 159—160.

С. П. Швецов о кочевничестве (на примере Казахстана)

Ш. Мухамедина

Аннотация. На рубеже XIX и XX вв. в научных и общественных кругах разгорелся спор почти по гамлетовскому вопросу: быть или не быть кочевничеству!? Эта проблема по сей день не теряет своей злободневности. Она как бы решена советской властью — кочевой мир казахов, равно как и бывших кочевых народов, канул в историческую Лету. Однако рецидивы сохранились. Объективное исследование исторического опыта казахского кочевого мира и особенностей его проецирования на современность предполагает обращение к научному наследию и эмпирическим наблюдениям сибирского ученого-практика Сергея Порфирьевича Швецова — свидетеля и очевидца имперской и советской практики обустройства кочевников. Именно он одним из первых ученых-практиков в историографии подробно вычислил исходные предпосылки кочевничества, считая его своеобразным культурно-историческим этапом, обусловленным природно-климатическими факторами.

Ключевые слова: С. П. Швецов, кочевничество, Казахстан, концептуализация, переселенческая колонизация, исследовательские задачи, историография, оседание кочевников, советская реальность, земледелие, традиционная структура.

Abstract. At the turn of XIX and XX centuries in scientific and public circles, a dispute broke out almost hamlet's question of to be or not to be nomadic!? And now this problem does not lose its relevance. The problem as if solved by the Soviet authorities, the nomadic world of the Kazakhs, as well as the former nomadic peoples, sank into historical Oblivion. However, relapses are preserved. An objective study of the historical experience of the Kazakh nomadic world and the features of its projection on the present day involves an appeal to the scientific heritage and empirical observations of the Siberian scientist-practitioner Sergey Shvetsov, a witness and eyewitness of the Imperial and Soviet practice of nomadic arrangement. It was he who was one of the first scientists-practitioners in historiography in detail calculated the initial prerequisites of nomadism, considering it a kind of cultural and historical stage, due to natural and climatic factors.

Key words: S. P. Shvetsov, nomadism, Kazakhstan, conceptualization, resettlement colonization, research tasks, historiography, settlement of nomads, Soviet reality, agriculture, traditional structure.

Сергей Порфирьевич Швецов (13 февраля 1858, Курск — 4 мая 1930, Ленинград) — ученый-статистик, этнограф, журналист и общественный деятель. Служил по вольному найму в статистическом отделе Главного управления Алтайского округа. В 1891—1894 гг. обследовал народное

Мухамедина Шамиша — доктор исторических наук, профессор Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: mukhamedina@mail.ru.

Mukhamedina Sh. — doctor of historical sciences, professor at the Ufa State Oil Technical University. E-mail: mukhamedina@mail.ru.

хозяйство округа, в том числе хозяйства местных крестьян, коренных народов и переселенцев, инициатор создания и бессменный секретарь Общества любителей изучения Алтая. По инициативе С.П. Швецова и при его активном содействии в 1902 г. был создан Алтайский подотдел Западносибирского отдела Русского Географического общества (РГО). За совокупность научных трудов в 1925 г. ученый был награжден большой золотой медалью РГО. Одним из важных периодов в жизни Швецова, как научного сотрудника, стало его участие в экспедициях и командировках по линии Академии наук СССР. Сергей Порфирьевич два года подряд (1926 и 1927) возглавлял статистико-экономический и экономический отряды Казахстанской экспедиции Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик (ОКИСАР). Параллельно с этим он был задействован и в Постоянной комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран (КИПС) ¹.

Вопрос о соотношении переселенческой колонизации и кочевого мира, обострившийся в годы революционных потрясений, раскалывал общество. Министру внутренних дел, впоследствии главе правительства П.А. Столыпину казалось, что кочевники имеют огромные земельные владения, которые не вводятся в хозяйственный оборот. Это стало решающим политическим аргументом в пересмотре казахского землепользования с позиции отчуждения «излишков» для обустройства переселенцев. Началась кампания статистического анализа хозяйств, в которой важное значение придавалось экономико-бюджетному исследованию казахского землепользования, которое провел Ф.А. Щербина.

По сути, Главное управление землеустройства и земледелия Российской империи приступило к разработке и реализации политики землеустройства индустриального типа с некоторым запозданием. В периодическом сборнике «Вопросы колонизации» в статье «Колонизационное дело при А.В. Кривошеине» автор В. Вошинин писал: «1908-й год, когда в управление ведомством Землеустройства и Земледелия вступил А.В. Кривошеин, являл собой время не вполне еще установившегося курса правительственной политики в отношении устройства земельного быта сельской России. С определенностью была признана лишь необходимость “предоставления крестьянам удобнейших способов пользования отведенными им надельными землями”. Но способы и средства осуществления этой задачи еще намечены не были» ².

Сложилась странная ситуация, обострившая вопрос о соотношении кочевничества и переселенческой колонизации. На самом деле обе формы способа производства были связаны с правом собственности в рамках общины. Как кочевничество, так и переселение были закономерными этапами в истории необъятной России в условиях перехода к индустриальной цивилизации. Лишь только кочевничество как бы выработало свои производительные ресурсы, внутренние переселенческие миграционные процессы, вышедшие из крестьянской общины, были призваны формировать новую хозяйственную среду капиталистического типа.

В этой связи нельзя не упомянуть высказывание одного из ведущих экономистов начала XX в. Б.Д. Бруцкуса. По его мнению, главной причиной аграрного кризиса был «медленный темп экономического развития России, не соответствующий ни международному положению ее, ни тем-

пу разрастания ее населения». Он также утверждал, что «современную экономическую культуру создали не народы общинников, а народы собственников. У последних оказался тот запас энергии, который нужен для экономического творчества»³. Старый земельный порядок, помноженный на обычное право, обострил конфронтацию между Центром и периферией империи.

После Октябрьской революции, на фоне общественно-политических перемен большевистское руководство страны выбрало наиболее иррациональный и жестокий курс на модернизацию кочевого образа жизни — форсированное принудительно-насильственное обобществление кочевых аулов, равно как и более 24 млн. крестьянских хозяйств.

В обстановке политического и социального накала под грифом Народного комиссариата земледелия Казахстана вышла книга «Казакское⁴ хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях». Ведомством был выбран системный подход к анализу казахского кочевого хозяйства. В книге представлены известные ученые и практики, единомышленники Швецова, и их сочинения: М.И. Сириус «Климат»; Л.И. Прасолов «Почва»; А.А. Козырев «Гидрологические особенности Казахстана»; И.М. Крашениников «Растительный покров и хозяйственное использование территории»; Т.И. Ануфриева «Казакское хозяйство по районам»; И.В. Ларин «Некоторые итоги анализа норм земельного надела, установленных экспедицией Ф.А. Щербины в Кокчетавском, Актюбинском и Каркаралинском уездах». Книгу отредактировал Швецов, ему же принадлежали очерки: «Территория», «Население», «Природа и быт Казахстана» и «Переселенческая колонизация». Все эти труды представляют собой вполне завершенную концепцию казахского кочевого мира с его природно-экологическими особенностями и своеобразным бытом. Совершенно справедливо Центральное Управление землеустройства Казахстана предварило книгу следующим замечанием: «При своих изысканиях по выяснению земельного положения казахского и русского сельского населения Казахстана в настоящем и прошлом, т. Швецову пришлось не только столкнуться с целым рядом вопросов, характеризующих его, но и систематизировать имеющийся по ним материал, освещающий с различных сторон как казакское хозяйство, так и быт казаков, историю их земельных отношений\...»⁵

Думается, Швецов при написании очерков опирался также на свой алтайский опыт, накопленный в предреволюционный период при исследовании хозяйственно-бюджетного состояния кочевых и переселенческих хозяйств на Горном Алтае. Социальные черты, этнокультура и хозяйственная этика алтайцев и их взаимодействие с природой в определенной мере походили на казахскую кочевую действительность.

Читая очерки Сергея Порфирьевича, не следует считать его апологетом кочевого мира, нужно понять его позицию — предостережения властей от необдуманной политики, могущей привести к драматическим исходам целого народа. В то же время он доказывал, что столетиями существовавшее кочевничество было закономерным культурно-историческим этапом в истории не только казахов, но и других кочевых народов.

Историография представленной проблемы неоднозначна. В годы Советской власти историческое академическое сообщество Советского

Казахстана расценивало труды Швецова и его соратников крайне отрицательно и односторонне. Общее мнение казахстанских историков можно представить высказыванием члена-корреспондента АН Казахской ССР Г.Ф. Дахшлейгера, который констатировал: «Вокруг оседания казахского кочевого и полукочевого крестьянства шла острая классовая борьба. Не рассматривая оттенков взглядов и течений уклонистского толка в казахстанской парторганизации..., заметим, что национал-уклонисты как в сторону великодержавного шовинизма, так и местного национализма (правда, с разных позиций) по вопросу об оседании по сути дела стояли, как это ни парадоксально, на одной точке зрения — защиты кочевого быта и кочевого скотоводческого хозяйства, обоснования их извечности не только в прошлом, но и в будущем»⁶.

Профессор А.Б. Турсунбаев, сторонник колхозного хозяйства, указывал, что «защитники баев нашлись и среди русских буржуазных экономистов, подвизавшихся в то время в земельных и планирующих органах республики. Наиболее деятельные из них — Швецов, Сириус, Дониц и другие в своих устных и печатных выступлениях пытались доказать, что в условиях Казахстана рентабельно и целесообразно только кочевое скотоводческое хозяйство. Они договаривались до такого вздора, что переход к оседанию должен якобы принести гибель казахам... “знатоки” казахского кочевого хозяйства утверждали, что в Казахстане земледелие не может иметь широкого развития по естественно-историческим условиям. В своей идеализации кочевого скотоводческого хозяйства они дошли до того, что провозгласили кочевое хозяйство казахов высшим достижением экономики, которое-де нужно всячески поощрять и развивать. Они заявляли, что кочевой быт и высокая культура не находятся в противоречии»⁷.

Основным посылом к такой интерпретации были политико-партийные установки, прозвучавшие в 1920—1930-е гг. из уст официальных руководителей Казахской АССР. Тогда редакционная политика казахстанских периодических изданий была нацелена на «идейно-теоретическое осуждение» так называемых буржуазных ученых, особенно Швецова. Статья В.Н. Семевского под названием «К критике буржуазных теорий экономического развития Казакстана» начиналась со сталинской цитаты, смысл которой заключался в том, что «только в борьбе с буржуазными предрассудками в теории можно добиться укрепления марксизма-ленинизма». Автор назвал Швецова и Сириуса идеологами великодержавной колонизаторской политики и обвинил их в нежелании видеть «новое качество казахстанской экономики», достигнутое в результате уничтожения традиционного хозяйственного устройства.

В критике так называемых буржуазных теорий и разных уклонов терялось чувство меры. Ярлыки «шовинист», «националист», «буржуазный специалист» навешивались на всех, кто не был согласен с царившим тогда беспределом в аулах и селениях. В докладе на собрании Алма-Атинского городского партактива (1 октября 1930 г.) ответственный секретарь Казахского крайкома ВКП(б) Ф.И. Голощёкин подчеркнул: «... сейчас для нас стала совершенно ясна роль и влияние на резолюцию по земельному вопросу алаш-ордынцев — Букейханова и Швецова, которые действовали через группировочных вождей» Здесь имелась в виду резолюция Пятой краевой партконференции (декабрь 1925 г.) о первоочередности землеу-

стройства кочевого населения. Как видно, в разоблачительной кампании нередко случались недоразумения. Например, если Голощёкин назвал Швецова казахским националистом, то Семевский — великодержавным колонизатором.

В исторической науке Казахстана долгое время сохранялась негативная оценка научно-практической деятельности Швецова, равно как и его единомышленников.

В период так называемой «оттепели» ученые в определенной мере отступили от политической ангажированности, применив научные подходы к изучению кочевничества. В историографии проблемы 1960-х гг. имя Швецова почти не упоминается, но зато освещаются отношения собственности в кочевом мире, особенности соотношения аула и общины и сущность имперской политики относительно казахского кочевничества. В этом контексте можно привести книгу В. Ф. Шахматова, написанную на богатом фактическом материале. Однако трудно согласиться с авторским выводом: «... политика царского правительства в земельном вопросе была направлена на сохранение прежних форм общины и общинного землепользования и против образования частной собственности на землю в Казахстане. В этом нашла свое проявление реакционная установка дворянско-помещичьего правительства России по отношению к крестьянству, в том числе и к казахскому скотоводческому крестьянству. Царизм, проводя такую политику, тормозил проникновение капитализма в сельское хозяйство Казахстана, консервировал патриархально-феодальные отношения в ауле»⁸. В Заклучении автор вскользь затронул столыпинскую аграрную политику, проецируемую на общинное землепользование. Несмотря на некоторые спорные обобщения, эта книга Шахматова представляет собой значительный вклад в исследование вопросов кочевничества.

Раскрепощение общественного сознания, начатое в 1980-е гг., сопровождалось пересмотром прежних необъективных методологических подходов в истории Казахстана — иначе говоря, устранением «белых пятен». обстоятельное и объективное освещение научного наследия Швецова сделал профессор Ж. Б. Абылхожин в своей книге «Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920—1930 гг.)». Автор, представляя основные положения уже упомянутого очерка «Природа и быт Казахстана», совершенно справедливо подмечает: «Как видим, смысл статьи С. П. Швецова оказывается на поверку совершенно иным, чем это подавалось его “идейными” противниками. Все это говорит о том, что он пытался вникнуть в существо проблемы отнюдь не с позиции “великодержавно-шовинистических колонизаторских интересов”. Такие пороки, исподволь навязываемые ему историографией, были Швецову абсолютно чужды»⁹.

Крупным достижением в исторической науке стало появление весьма оригинальных научных трудов, сопровождавшихся обстоятельной историографией. К ним относятся книги Н. Э. Масанова «Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевнического общества)» и Н. Н. Крадина «Кочевники Евразии». Масанов обосновал цель своего проекта необходимостью «комплексного исследования основ жизнедеятельности кочевнического социума, процессов взаимодействия природно-ге-

ографических и социально-экономических факторов в развитии кочевой цивилизации»¹⁰. Однако в обширной историографии (что является бесспорным достоинством книги) не нашлось места для Швецова, хотя его идеи являются первоосновой концепции природно-географической обусловленности кочевничества. Что касается книги Крадина, то в ней автор сформулировал свой подход к рассматриваемой проблеме так: «Вне всякого сомнения, кочевничество — это особый мир, отличный от мира аграрных цивилизаций, что многократно подчеркивалось представителями оседло-земледельческих цивилизаций, которые попадали в незнакомую и непривычную для них среду степных скотоводов»¹¹. Подчеркивая научно-аналитические достоинства представленных трудов, все же следует отметить их привязанность к определенным географическим параметрам. Остаются открытыми вопросы о том, как возникло кочевничество и что стало исходным фактором для кочевого образа жизни?

Весьма оригинальную новизну в исследование рассматриваемой проблемы внесли сибирские ученые Т. В. Иванова и В. В. Карлов. Иванова освещает вопросы традиций и новаций в историографии кочевой культуры. Автором выделены такие особенности, как мобильные системы коммуникации, суперэтничность и треугольник человек — природа — экономика. Она, в частности, пишет: «В исследовании культуры номадизма сегодня целесообразно актуализировать концепцию кочевничества как самобытного типа культуры, предложившего свой способ и метод видения мира, свои ценности и базовые характеристики»¹². Карлов выделяет нетрадиционные аспекты в изучении кочевничества, ставит вопрос о проблемах адаптации кочевых культур в условиях модерна и постмодерна¹³. Такого рода вопросы расширяют круг исследовательских интересов, особенно с точки зрения изучения этноинформации, заложенной в исторической памяти бывших кочевых народов

Научному творчеству и общественной деятельности Швецова посвящена публикация А. М. Курышева под названием «Ученый-сибиряк. С. П. Швецов и его научное наследие». Автор назвал Сергея Порфирьевича выдающимся статистиком, «фиксирующим экономическое состояние тех или иных территорий, — его интересует, в первую очередь, социальные аспекты быта; он не простой описатель жизни, но аналитик, пытающийся на основании экономико-статистических данных делать известные обобщения». Позитивно оценивая наследие Швецова, автор в то же время замечает: «Научные изыскания нашего героя не вылились в фундаментальные историко-экономические труды, которые могли бы стать точкой отсчета для последующих исследователей в методологическом плане»¹⁴. Можно оспорить такую постановку вопроса, поскольку если приводить труды Швецова к единому знаменателю, то не трудно убедиться в их фундаментальности. Следует отметить, что Курышев сделал достоянием научной общественности один из неопубликованных трудов Швецова под названием «Этнография и народное хозяйство» (февраль 1928 г.). По словам автора, рукопись хранится в Государственном архиве Иркутской области (ф. 565, оп. 1, д. 140). Благодаря Курышеву она была опубликована на страницах журнала «Историко-экономические исследования» (2011, т. 12. № 3, с. 114—128).

В статье Т.И. Тугай «Из опыта научной подготовки землеустройства казахского населения в 1920-е годы» дается развернутый анализ научно-практического творчества ученых и практиков, занимавшихся подготовкой условий для реконструкции народного хозяйства Казахстана. Одним из достоинств этой публикации являются обстоятельные биографические справки на ученых, задействованных в землеустройстве. Автор подчеркивает: «Так же как и другие “защитники кочевого быта”, Швецов выступал за постепенное эволюционное “наступление цивилизации” и при этом опровергал мнение об отсталости кочевого скотоводства. В процессе модернизации, по его убеждению, необходимо прежде всего учитывать природные закономерности Степи, ... материалы Швецова шли вразрез с правительственными директивами, что давало основание причислить ученого к противникам социалистического строительства»¹⁵. Надо сказать, что Тугай дополнила общую информацию о Швецове и его соратниках, выделила их научные концепты на переходный период в истории казахского кочевого скотоводства.

В мае 2018 г. исполнилось 160 лет со дня рождения Швецова, чьи научные идеи и практические рекомендации стали стартовой площадкой для исследователей кочевой экономики. В Горно-Алтайске с 15 по 18 мая 2018 г. состоялась Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная дню рождения «этнографа, экономиста и общественного деятеля Сергея Порфирьевича Швецова». Организация конференции и издание сборника осуществлены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант РФФИ — Республика Алтай, проект № 18—49—041003). На конференции отмечались научные и общественные заслуги Швецова, руководившего в «1897 г. статистико-экономической экспедицией по изучению коренного населения Алтая, которая была организована в связи с предстоящим землеустройством территории Горного Алтая. Впервые в истории этого региона экспедиция собрала статистические данные о численности и этническом составе алтайского народа, исследовала особенности хозяйственной деятельности, сложившейся на этой территории. По итогам результатов работ Швецов издал четырехтомный труд под названием “Горный Алтай и его население”»¹⁶.

В целом историография темы «С.П. Швецов о кочевничестве» обширна и показывает актуальность и перспективность изучения научно-прикладного наследия ученого-практика. Думается, что в будущем историки, этнографы и экономисты расширят рассматриваемое исследовательское поле.

При разработке концепции кочевничества Швецова опирался на свой дооктябрьский опыт по статистико-экономическим и этнографическим исследованиям быта алтайцев, калмыков и казахов, проживавших на Горном Алтае, Томской губернии, что позволило правильно ориентироваться в казахской среде. Ученый заметил и своеобразие «вольных казахов», кочующих из русских пределов в Китай и обратно¹⁷. Такой подход являлся системным, поскольку казахский кочевой мир был частью всего российского кочевничества.

Сергей Порфирьевич в своих очерках последовательно отслеживал базовые составляющие кочевничества, к которым он относил: определен-

ную территорию, население и способ производства. Осуждая необдуманные действия царских чиновников в отношении кочевников, он писал: «В истории переселенческого движения за Урал в царский период можно различать три главных периода: когда оно в Сибири правительством едва терпелось, а по ту сторону Урала органами того же царского правительства запрещалось или допускалось в качестве неизбежного зла, борьба с которым для него оказывалась непосильной, — так продолжалось до начала работ по проведению Сибирской железнодорожной магистрали и образования особого комитета этой дороги; когда в Сибири переселение поощрялось, а в Евро[пейской] России только терпелось, но не рассматривалось уже, как самовольство и преступление стремящихся улучшить свое безвыходное экономическое положение крестьян, — это продолжалось с половины девяностых годов до 1905 г; наконец, третий период, когда напуганное революцией и аграрным движением, правительство в переселении начало видеть единственный выход из положения: переселения за Урал, наряду с так называемой столыпинской земельной реформой, должны были если не разрешить, то надолго отодвинуть разрешение аграрного вопроса, смертельной угрозой надвинувшегося на помещичье сословие. Вот тут то и началось нечто такое, что иначе, как переселенческой вакханалией названо быть не может»¹⁸.

Правомерность автора можно подтвердить историческими фактами. В действиях и манерах отдельных чинов земельного ведомства по вопросам о переселении в Степной край наблюдались нервозность и цинизм. Вот лишь один пример. В 1907 г. состоялось межведомственное совещание, которое из-за сложности проблемы землеустройства казахов и переселенцев, а также старожилов и казаков, носило затяжной характер. Его заседания проходили 23, 30 марта, 4, 6, 11 и 17 апреля, 7, 12, 16 мая и 26 ноября 1907 года. Председательствовал товарищ министра внутренних дел, действительный статский советник (д. с. с.) Александр Иванович Лыкошин, а присутствовали представители всех заинтересованных министерств и главных управлений. Одним из вопросов в повестке дня был запрос депутатов Государственной думы II созыва А. Беремжанова, С. Каратаева, Т. Норокенова и Ш. Кошегулова. Они требовали «приостановить переселение и немедленно приступить к поземельному устройству как оседлых, так и кочевых [казахов]»¹⁹. В противовес прозвучало крайне реакционное, если не экстремистское, особое мнение директора Департамента земледелия д. с. с. Н. А. Крюкова. Он признался, что «на основании всех [его] личных наблюдений [может] решительно заявить, что единственный практический способ разрешения земельного вопроса именно тот, который применялся в Соединенных Штатах [Америки] и Новой Зеландии. Нам пора покончить с кочевым бытом. Мы пережили времена Чингисхана и Тамерлана. Мы должны отыскать землю нашим русским людям, нашим русским скотоводам и земледельцам; поэтому мы должны вдвинуть всех сибирских инородцев в известные границы...» Этот оратор в качестве образца для устройства привел пример «американского правительства, “вдвинув[шего] индейцев в Indianreservation”»²⁰. Безусловно, русский человек, тем более правительственный чин, не поддержал бы такое заявление, и совещание постановило, что «коренное население не должно видеть себя отщепенцем среди русских подданных, оно должно

видеть заботы государства — равные ко всем — в интересах прогресса и высшей культуры, должно видеть, что внесение этой культуры в их край имеет благотворное значение и для них; только при этих условиях колонизация края пойдет без осложнения — мирно»²¹.

Возникает вопрос, почему для переселения крестьян выбрали Степной край и Туркестан? Ответ самый простой: для царских чиновников внешне необъятные степи казались излишними в казахском землепользовании, и они считали, что на «излишках» можно обустроить несколько миллионов крестьян. Так полагали и некоторые ученые, в том числе экономист А. А. Кауфман, который недоучитывал особенности кочевого скотоводства и пропагандировал (односторонние) преимущества земледелия, утверждая, что «переселения должны происходить в огромных размерах, в несколько раз больших, нежели каких они достигали до сих пор, даже в годы их наибольшего развития»²². По его мнению, в результате перехода кочевников на оседлый образ жизни будут высвобождаться земли и появятся «излишки». Такой подход Швецов назвал «забежать вперед» или «скачком в природе», поскольку он противоречит естественным законам развития человечества, так как «при нормальных условиях, в каждую единицу времени на единице площади число случаев рождений среди ее обитателей будет больше числа смертных случаев. Отсюда: в каждую единицу времени происходит известный прирост численности населения по сравнению с предшествовавшей однородной единицей времени или, что то же, на каждой единице площади будет увеличиваться число ее жителей»²³.

На самом деле практическая реализация переселенческой политики была сопряжена с недовольством не только местного населения — казахов и старожилов (русских) — но и самих переселенцев. По подсчетам Швецова, с 1906 по 1915 г. на переселенческих участках было устроено 1 161 174 чел., а уехало обратно 110 тысяч²⁴.

Долгий путь, протяженностью несколько тысяч верст, непривычная историко-этническая и географическая среда, а также неготовность переселенческих участков — все это отрицательно повлияло на организацию хозяйственного быта новоселов. Самым сложным для переселенцев оказалось восприятие своеобразия социально-экономического уклада кочевников и старожилов-земледельцев. Более того, технология земледелия и выращивания зерновых культур отличалась от регионов, откуда прибывали новоселы. В этой связи Швецов писал: «Разоряя казахские хозяйства, нанося казахскому благосостоянию непоправимые удары, “переселенческая колонизация” не всегда “устраивала” и самих переселенцев... И теперь переселенческий вопрос — один из самых тяжелых в Казахстане: нужно серьезное исправление того, что так легкомысленно было делалось Переселенческим управлением и его “чинами”. Но исправить, как известно, даже и при большом желании не всегда и не все возможно»²⁵.

Швецов выступал не против переселенческой колонизации, он осуждал средства достижения колонизационных целей, выбранные царскими, а затем советскими чиновниками. Он признавал, что переселение — это глобальное явление с региональными особенностями. Возражения Швецова были обоснованными, что подтверждается учеными из Государственного научно-исследовательского института землеустройства и пере-

селений. В книге И. Л. Ямзина и В. П. Воцинина «Учение о колонизации и переселениях» целая глава посвящена Казахской АССР. Авторы констатируют: «Озабоченная только усилением землеотводных работ в районах, пригодных для чисто земледельческого хозяйства, землевладельческая власть старого режима была не склонна к производству массовых исследовательских работ на окраинах в целях выяснения потребностей всего местного хозяйства в целом и наилучших способов ближайшего и всестороннего развития производительных сил. Она ограничивалась главным образом тем, что необходимо было непосредственно для выяснения так называемых “излишков” землепользования у коренного туземного населения в целях возможно более полного и быстрого изъятия последних под переселенческие участки. Экономические и национальные интересы туземного коренного населения грубо при этом попирались, результаты же дореволюционных исследований форм и условий хозяйства ныне автономных окраин оказывались в виде общего правила неполными, односторонними и колонизаторски тенденциозными»²⁶. Авторы книги, как и Швецов, считали, что колонизация как мировое явление должна сближать, а не противопоставлять народы.

Советское руководство взяло курс на форсированную ломку традиционных социально-экономических отношений, считая их отсталыми. В этом русле кочевничеству предстояло исчезнуть навсегда. Швецов выступил против такого большевистского подхода, объяснив: «Кочевой быт, характеризующий большую часть Казахстана, сохранился до сегодняшнего дня здесь не потому, что сам казак и казакское хозяйство еще так примитивны, что они еще не доросли, в большей своей части, до культурного уровня оседлого состояния. С этим предрассудком, нелепым и вредным, давно и решительно следует расстаться». Автор уточнил, что «кочевое хозяйство не исключает высокую культуру»²⁷.

Эта мысль совпадает с научными идеями известных ученых. С. И. Руденко, член Особого комитета Академии наук СССР по исследованию союзных и автономных республик, ученый секретарь КИПС считал: «С научной точки зрения, быт казаков (казахов. — *Ш.М.*), равно как и кыргызов, представляет исключительный интерес, так как они, без сомнения, единственные из турков сохранили в наиболее чистом виде, вместе с исконным скотоводческо-кочевническим образом жизни, все те бытовые элементы, которые характерны для турков вообще. С другой стороны, с того момента, как предки казаков выделились из турецко-монгольской среды, как самостоятельная народность, ряд их элементов культуры продолжал неуклонно и неизменно развиваться дальше и к нашему времени достиг высоко совершенных форм»²⁸. Этот вывод был сделан на основе глубокого академического исследования. Руденко два года подряд (1926, 1927) возглавлял антропологический отряд Казахстанской экспедиции ОКИСАР. В этом отряде действовали этнологический и медико-антропологический подотряды. Так что Руденко хорошо знал кочевой быт, особенности кочевой культуры, этнопсихологию народа в условиях перехода от традиционной структуры к индустриальной цивилизации. Он обращался к правительству Казахстана со следующими словами: «За последнее десятилетие население (казахи. — *Ш.М.*) утратило свою былую экономическую мощь, и мы стоим перед задачей скорейшего восстановления

народного хозяйства. Это восстановление, которое займет многие годы, должно будет проходить в новой для казаков обстановке, в борьбе за существование не только внутри своей племенной группы, но и на периферии, при условиях все осложняющихся хозяйственно-экономических взаимоотношений и неуклонно эволюционирующего общегосударственного и мирового хозяйства... предстоит разрешить не легкую задачу. В какой мере в этой борьбе за лучшее будущее может быть использован многовековой хозяйственный опыт казаков, и в какой мере население должно будет перейти к новым более производительным и интенсивным формам хозяйства? Вопросы эти придется решать не теоретически, а практически, и по всей вероятности не одинаково в различных районах обширной казахской территории»²⁹.

Возможно Руденко и Швецов тесно общались, поскольку в одно и то же время работали в Казахской экспедиции ОКИСАР АН СССР. Под руководством Швецова были составлены экономические карты районов, велись работы по выяснению индивидуальной хозяйственно-экономической обстановки. Только в 1927 г. подотряд обследовал более 250 общин. Проводилось изучение общинного землепользования³⁰. Одновременно он занимал должность научного сотрудника в Постоянной Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран.

Деятельное участие Швецова в Казахской экспедиции АН СССР благоприятствовало дальнейшему творческому развитию сложившейся в единую систему концепции кочевничества. В 1928 г., как уже упоминалось, была написана одна из последних работ Швецова «Этнография и народное хозяйство». В ней он назвал первопричины возникновения кочевничества: «Кочевое хозяйство, кочевой быт возникают и развиваются под влиянием окружающей природы, своеобразной и скудной, вынуждающей человека вести подвижное хозяйство. И при этом условии он оживляет эту скудную природу, разводит обширные стада разнообразного скота, дающего возможность не только ему самому существовать, но и прокармливать других, не могущих заниматься скотоводством. Данная природа такова, что она требует подвижного хозяйства; подвижное хозяйство создает, в свою очередь, своеобразные, отвечающие ему формы общественных отношений, быта». Сергей Порфирьевич считал, «что скотоводство, как основа хозяйственной деятельности населения, даже в таких неблагоприятных естественно-исторических условиях, какие свойственны сухим степям, где возможно только скотоводство, связанное с постоянной переменой пастбищ, кочевки населения со всем его хозяйством, не являются неизбежными»³¹. При этом он, имея представление о разных географических моделях кочевого скотоводства, особенно швейцарской, допускал возможность «перекочевок» только стада или табуна с пастухами. Выделяя основные черты кочевничества, Швецов советует властям при переводе кочевников на оседлость учитывать их этническую специфику. При этом он не исключал модернизацию кочевого быта и перехода казахов на другой уровень цивилизации.

Кампания перевода казахов-кочевников на оседлый образ жизни началась в обстановке массовой коллективизации. «Без внимания» не остались старожильческие хозяйства, которые пережили насильственное обобществление. В 1930—1933 гг. общее число хозяйств в Казахстане со-

кратилось на 490 тыс., а численность аульно-сельского населения — на 2,6 млн. человек. За этот период поголовье скота уменьшилось с 33 млн. до 5 млн., а хлебозаготовки — с 9,5 млн. ц до 5,9 млн.³² В результате, ценой огромных человеческих жертв, финансовых и материальных затрат Советское правительство переориентировало экономику Казахстана на индустриально-аграрный путь. Очевидно, что при следовании научным и практическим рекомендациям Сергея Порфирьевича и его единомышленников о необходимости постепенного и плавного преобразования скотоводческо-кочевого хозяйства не было бы драматических страниц в истории Казахстана.

Конечно исторический процесс многомерен — большевики вместе с разрушением начали созидать. За короткий исторический срок Казахстан превратился в индустриально-аграрную республику. Распад СССР и крушение коммунистического режима «реанимировали» кочевничество. Во вновь образованных государствах Центральной Азии раздаются голоса о якобы колониальном прошлом народов региона. В Казахстане в определенной мере происходит идеализация кочевого прошлого казахского народа, и тогда возникает закономерный вопрос: почему казахская элита в лице ханов и общественных деятелей не смогла модернизировать кочевничество? Оно стало историческим прошлым, но ограниченные водные ресурсы, сухие степи, а также отсутствие океанической экономики в Казахстане могут послужить возрождению подвижного скотоводства, но не дореволюционного кочевничества.

Примечания

1. КОЛЕСНИКОВ А.А. Швецов Сергей Порфирьевич. Барнаул. 2000, с. 335; ЭШМАТОВА Г.Б. С.П. Швецов как общественно-политический деятель. В кн.: Алтай — Западная Сибирь в XIX — начале XX вв.: население, хозяйство, культура. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 160-летию со дня рождения этнографа, экономиста и общественного деятеля Сергея Порфирьевича Швецова. Горно-Алтайск. 2018, с. 77; Отчет о деятельности Академии Наук СССР за 1926 год, составленный непременным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 2 февраля 1927 года. Ч. II. Отчет о командировках и экспедициях. Л. 1927, с. 172—174; Отчет о деятельности Академии Наук СССР за 1927 год, составленный и. о. Непременного секретаря академиком А.Е. Ферсманом с приложением отчетов отдельных академических учреждений. Ч. II. Отчет о научных командировках и экспедициях. Л. 1928, с. 135.
2. ВОЩИНИН В. Колонизационное дело при А.В. Кривошеине. — Вопросы колонизации. Пг. 1915, № 18, с. 3—4
3. БРУЦКУС Б.Д. Аграрные вопросы России. Вып. I. К современному положению аграрного вопроса. Пг. 1917, с. 8; ЕГО ЖЕ. Обобществление земли и аграрная реформа. М. 1917, с. 29.
4. Пятый съезд Советов КАССР 19 апреля 1925 г. постановил: «... впредь именовать киргиз казаками». В соответствии с этим решением, Киргизская АССР стала именоваться Казакской АССР и Казакстаном. Президиум ЦИК КАССР 9 февраля 1936 г. установил более точное наименование — «казахи», «Казахская АССР», «Казахстан». См.: Систематическое собрание законов Казакской Автономной Советской социалистической республики на 1 января 1930 г. (6 октября 1920—31 декабря 1929). Алма-Ата. 1930, с. 19; Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских Социалистических республик. Сб. документов в семи томах. 1923—1937 гг. Т. IV. Ч. I. М. 1962, с. 777. В цитатах из источников сохранилось название «казаки».

5. Казакское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. Материалы к выработке норм земельного устройства в Казакской Автономной Советской Социалистической Республике. Под ред. С.П. ШВЕЦОВА. [Л.]: Народный Комиссариат земледелия Казакской Автономной Советской Социалистической Республики. 1926, с. VII.
6. ДАХШЛЕЙГЕР Г.Ф. Из опыта оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств (до массовой коллективизации сельского хозяйства). — Советская этнография. 1966, № 4, с. 10—11.
7. ТУРСУНБАЕВ А.Б. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата. 1957, с. 149—150.
8. ШАХМАТОВ В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община. Вопросы образования, эволюции и разложения. Алма-Ата. 1964, с. 114.
9. АБЫЛХОЖИН Ж.Б. Традиционная структура Казахстана: социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920—1930 гг.). Алма-Ата. 1991, с. 221.
10. МАСАНОВ Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (Основы жизнедеятельности nomадного общества). Алматы-М. 1995, с. 16.
11. КРАДИН Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы. 2007, с. 91.
12. ИВАНОВА Т.В. Традиции и новации в методике исследования кочевой культуры. — Вестник Бурятского государственного университета. 2011, № 6, с. 237—239.
13. КАРЛОВ В.В. Кочевники в мире модерна и постмодерна. Опыт и перспективы адаптации. — Сибирские исторические исследования. 2016, № 4, с. 149.
14. КУРЬШЕВ А.М. Ученый-сибиряк С.П. Швецов и его научное наследие. — Историко-экономические исследования. 2011, т. 12, № 3, с. 109—110.
15. ТУГАЙ Т.И. Из опыта научной подготовки землеустройства казахского населения в 1920-е годы. — Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017, № 3 (23), с. 238—239
16. ЭШМАТОВА Г.Б. С.П. Швецов как общественно-политический деятель. В кн.: Алтай — Западная Сибирь в XIX — начале XX вв.: население, хозяйство, культура, с. 77.
17. Горный Алтай и его население. В 4-х томах. Статистический отдел при Главном управлении Алтайского округа. Т. 1. Кочевники Бийского уезда. Вып. 1. Сост. С.П. ШВЕЦОВ. Барнаул. 1900, с. 32, 109.
18. Казакское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях..., с. 55, 109.
19. Журнал Сопещения о землеустройстве киргиз. СПб. 1907, с. 13.
20. Там же, с. 116—117.
21. Там же, с. 36.
22. КАУФМАН А. А. Община. Переселение. Статистика. Сб. статей. М. 1915, с. 212.
23. Казакское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях, с. 97.
24. Там же, с. 112.
25. Там же, с. 113.
26. ЯМЗИН И.Л., ВОЩИНIN В.П. Учение о колонизации и переселениях. Научно-политической секцией Государственного Ученого Совета допущено в качестве учебного пособия для высших учебных заведений. М.-Л. 1926, с. 283.
27. Казакское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях, с. 102.
28. РУДЕНКО С.И. Очерк быта казаков бассейна рек Уила и Сагыза. В кн.: Казаки. Антропологические очерки С.Ф. Баронова, А.Н. Букейхана и С.И. Руденко. Серия Казакстанская. 2 карты. 27 фотографий и 15 графиков. Вып. 3. Л. 1927, с. 29.
29. Там же, с. 30.
30. Отчет о деятельности Академии Наук СССР за 1927 год, составленный и.о. Непременного секретаря академиком А.Е. Ферсманом с приложением отчетов отдельных академических учреждений, ч. II, с. 135—136.
31. ШВЕЦОВ С.П. Этнография и народное хозяйство. — Историко-экономические исследования. 2011, т. 12, № 3. с. 125.
32. Государственный архив Российской Федерации, ф. 3316, оп. 26, д. 777, л. 102–103; ф. 6985, оп. 1, д. 80, л. 256.

К истории брачных отношений

Н.В. Занегина

Аннотация. В последние десятилетия наблюдается всплеск интереса исследователей к изучению института брака. Повышенное внимание ученых объясняется вполне очевидным кризисом, который претерпевают брачно-семейные отношения в развитых странах. Чтобы понять причины и оценить глубину современного кризиса, а также попытаться спрогнозировать возможные пути его развития, необходимо разобраться в том, что собою представляет сам феномен, который мы привыкли именовать термином «брак». Решение последней задачи во многом зависит от успешности исследования истории формирования брачных связей. В представленной публикации используется как генетический подход, так и компаративный анализ.

Ключевые слова: брак, семья, обычай, способы заключения брака.

Abstract. The history of marriage relations is a gigantic theme, when working on which it is required to answer a lot of various questions. Starting such a study, first of all, it is necessary to identify the differences in the notions of “marriage” prevailing in our time and generally prevalent in the previous period, which can be conditionally designated as “pre-industrial era”. As the boundary between the two “epochs”, the time of propagation of processes, commonly referred to as “modernization,” was chosen. The publication is devoted to the coverage of this problem.

Key words: marriage, family, custom, the ways of marriage.

Пожалуй, наиболее явным отличием взглядов наших современников от представлений предшественников является отношение к «добровольности» заключения супружеского союза. В наше время брак рассматривается как дело, безусловно, добровольное. Человек может вступить в брак, но в качестве альтернативы имеет полное право предпочесть холостяцкую жизнь. Никаких дискриминирующих санкций по отношению к нему никто применять не вправе. Иным было положение наших предшественников. Хорошо известно, что в далеком прошлом полными правами мог обладать лишь тот человек, который состоял в браке ¹. Более того, зачастую безбрачие

воспринималось как преступление. Например, М.М. Ковалевский сообщает, что традиция обязывала китайцев подвергать наказанию всех холостых мужчин, достигших тридцати лет, и незамужних женщин, которым исполнилось двадцать лет от роду, а в Древней Греции, по законам

Занегина Наталья Витальевна — кандидат исторических наук, доцент Тверского государственного технического университета. E-mail: nzanegina@rambler.ru.

Zanegina Natalia V. — candidate of historical sciences, associate professor of the Tver State Technical University. E-mail: nzanegina@rambler.ru.

Солона, безбрачных следовало предавать суду². В холостяках, не реализовавших потенциальные способности к деторождению, общество видело угрозу своему существованию. Считалось, что наличие неженатых и незамужних негативно воздействует на окружающий мир, провоцирует неурожай³.

Известно, что в различных европейских странах стремление социума охватить брачными отношениями максимально широкий круг молодых людей привело к распространению любопытной традиции среди незлитарных групп населения. Путем примитивной жеребьевки или аналогичных нехитрых действий девушки и юноши, не сумевшие своевременно определиться с брачным выбором, «в добровольно-принудительном порядке» распределялись на пары. Отказ от соблюдения общепринятой традиции воспринимался как нарушение социальных норм и мог обернуться для непокорного члена общества как общественным порицанием, так и весьма неприятным осмеиванием. Случалось, что «жених и невеста по жеребьевке» вступали друг с другом в близкие отношения, к чему в ряде регионов общественное мнение относилось с пониманием и сочувствием, а кое-где и с откровенным одобрением. Данная традиция сохранилась у части испанцев, французов, немцев, англичан, итальянцев, датчан, шотландцев, ирландцев, некоторых народов Швейцарии и Бельгии⁴. Схожий обычай был обнаружен новгородским архиепископом в XVI в. среди православных жителей Водской пятины. С традицией формирования брачных пар по жеребьевке в новое время была знакома и часть крестьян Смоленской губернии⁵. Таким способом социум оказывал стимулирующее воздействие на поколение, вступающее во взрослую жизнь, по сути, «подталкивая» молодежь к заключению брака.

Большинство наших современников и соотечественников воспринимают брак как добровольный союз мужчины и женщины, который является преимущественно их личным делом. Сегодня в результате заключения брака обязательства возникают только у тех двух индивидуумов, которые вступили в означенный союз. Между тем, ранее брачный союз воспринимался окружающими как новообразование, способное оказать самое непосредственное и весьма ощутимое влияние на широкий круг членов общества, имеющих взаимоотношения с брачующимися. В недавнем прошлом брак являлся не столько союзом индивидуумов, сколько альянсом семей, к которым относились жених и невеста⁶. В результате создания такого альянса обязательства возникали не только у молодоженов, но и у других членов семей, в которых они выросли. Например, общество признавало ближайших старших родственников обязанными обеспечить заключение первого брака подростка, в частности, «финансировать» проведение свадьбы, собрать «выкуп» за невесту для молодого человека и «приданое» девушке⁷. Общество же выступало гарантом незыблемости нового брачного союза⁸. Брак служил своего рода способом «регламентации социальных отношений»⁹. Собственно супружеский союз мужчины и женщины представлялся главным образом лишь внешним выражением и гарантией обоюдной взаимопомощи.

Господство подобных идей о сущности «отношений по браку» приводило к формированию представлений о действительности, отличающихся (с точки зрения наших современников) крайним своеобразием.

Например, в минувшие времена рождению детей в браке придавалось огромное значение¹⁰. Главным предназначением брака считалось обретение законнорожденного потомства. Дети — наследники имущества — объединяли в себе кровь представителей двух социальных групп. Именно дети, рожденные в браке, становились залогом будущего успешного сотрудничества двух «ячеек общества». В этих представлениях заключались основания для повышенного (с современной точки зрения) интереса общественности к личной жизни супругов, который проявлялся нежеланием общества в разных регионах мира, в различные эпохи признавать бездетные браки¹¹. Те же «установки сознания» приводили к частому пренебрежению жизнью, правами или социальным положением незаконнорожденных¹².

Особенности представлений о супружестве накладывали свой отпечаток на формирование традиций заключения брачного союза. Например, у наших ближайших соседей, викингов, в IX— I вв. женой считалась только женщина, выданная замуж «с согласия отца и совета родных по предварительному соглашению. Она называлась брачной и законной женой, а дети ее становились законнорожденными и имели преимущественное право на усадьбу и имущество отца»; в то же время «девушка, вышедшая замуж без обряда, сманенная, похищенная или военнопленная, считалась наложницей, каким бы ни было ее происхождение, и дети, прижитые в таком браке, назывались незаконнорожденными»¹³.

В нашем отечестве (как во время существования древнерусского государства, так и в последующие столетия) согласие родителей при заключении брака тоже было обязательным¹⁴. Известно, что и в XVI в. и позднее в знатных семьях брачный договор впервые вступающих в брак подписывали родители¹⁵. Подобное представление о «правильном» начале семейной жизни устойчиво передавалось от поколения к поколению и просуществовало вплоть до нового времени¹⁶. Свидетелями существовавшей в недалеком прошлом непоколебимой уверенности отца и матери в своем праве самостоятельно определять будущих членов родственной группы стали многочисленные мемуары позапрошлого века. Эти произведения донесли до нас душещипательные рассказы о конфликтах детей с родителями, принуждавшими молодых вступить в нежеланный брак или противившихся их сердечной склонности¹⁷.

Для брачных отношений «доиндустриальной эпохи» характерна широко распространенная убежденность родителей не только в своем праве, но и в обязанности иметь решающий голос при выборе кандидатуры на роль будущего супруга (или супруги) их отпрыска. Это представление давало родителям основание заключать так называемый «колыбельный сговор», в результате которого женихом и невестой становились только что родившиеся младенцы или даже еще не рожденные дети¹⁸.

Данный комплекс представлений нередко приводил к тому, что родители не считали нужным беспокоиться о согласии молодоженов на вступление в брак. В прошлом молодые зачастую впервые знакомились друг с другом либо после официального «сговора» о предстоящей свадьбе (как, например, у казахов¹⁹, черногорцев²⁰ или румын²¹), либо непосредственно по завершении финального свадебного праздника (как

у албанцев²²). Кстати, последний вариант, по утверждению Сигизмунда Герберштейна, был нормой на Руси в XVI веке. Жених мог увидеть невесту до свадьбы только в исключительных случаях, заручившись на то особым позволением ее родителей²³. По словам Адама Олеария, записанным в XVII в., «... жених видит невесту не раньше, как получив ее к себе в брачный покой»²⁴. Причем «свободное волеизъявление невесты при определении будущего мужа» было не только не обязательным, но даже нежелательным у наших предков вплоть до конца XVII века²⁵.

Особый интерес вызывает чукотская традиция, в соответствии с которой не только заключение, но и расторжение брака могло происходить по инициативе родственников молодоженов даже вопреки воле последних. По свидетельству В.Г. Богораза, еще в XIX в. у чукчей семья жены сохраняла «за собой право на женщину в течение пяти-шести лет, невзирая на то, что у женщины есть уже дети». В результате ссоры между семейно-родственными группами молодых «семья жены отбирает ее обратно», причем «если женщина любит своего мужа и отказывается уйти от него, ее связывают и увозят силой». По обычаю малолетних детей «увозят с матерью», в то время, как «старших детей оставляют отцу»²⁶.

Длительный, тщательно разработанный и строго соблюдаемый свадебный обряд был одним из способов, которые в прошлом эффективно использовали старшие родственники для контроля над брачным поведением молодежи. Н.П. Лобачёва, посвятившая свое исследование изучению роли свадебного обряда, отмечает, что «для признания брака в общественном мнении общины необходимо было выполнение всей обрядовой части свадьбы, утверждающей новый социальный статус вступающих в брак», а участие «в брачных церемониях рода или общины, семейно-родственной группы жениха и невесты» было обязательным²⁷.

Общественное признание брака находило видимое отражение на пиру, который в обязательном порядке устраивали заинтересованные стороны. Застолье являлось кульминационным этапом свадьбы²⁸. Похоже, в прошлом пир был чем-то вроде социального института, который служил для легитимизации всех значительных перемен. Присутствие родственника или соседа на пиру означало признание им действительности, законности того, в честь чего устроено обрядовое празднество²⁹. Примечательно, что приглашение на свадьбу во французской Швейцарии носило особое наименование — «ознакомиться с родством» (*gessona la parenta*), что свидетельствовало о высокой значимости предстоящей процедуры³⁰. Ближайшие родственники («члены патронимии») у хевсур — обитателей горной области Грузии — считали себя обязанными явиться на свадебное торжество³¹. Как приглашение на свадьбу, так и принятие данного приглашения считались строго обязательными у адыгов³². Столь же категорично были настроены австрийцы, среди которых отказ от приглашения на свадьбу воспринимался как нанесение оскорбления³³. В новое время печальной была судьба многих неимущих пар. Например, брак часто оказывался недостижимой мечтой юноши и девушки из числа андалусийских батраков в Испании. Если местный богач не брал на себя расходы по проведению их свадьбы, «то молодые люди вынуждены были “жениться” или неофициально сожительствовать... годами, а то и всю жизнь»³⁴. В разных концах ойкумены совместное сосуществование юно-

ши и девушки воспринималось как «брак» только при условии, если общественное мнение признавало его таковым³⁵.

Следовательно, в недавнем прошлом отсутствие договора между семьями, согласия родителей, проведения соответствующего свадебного ритуала с участием всех заинтересованных сторон означало отсутствие общественного признания союза мужчины и женщины. Такой союз не признавался браком, а воспринимался всего лишь как своеволие молодых людей, решивших бросить вызов обществу и начать совместную жизнь на свой страх и риск.

У некоторых народов этот комплекс представлений доведен до своего логического завершения. Ведь если отсутствие свадебного пиршества означало отсутствие брака, то наличие свадебного пира может фиксировать заключение брака вне зависимости от того, какие условия сопровождают этот пир. Проще говоря, признавалось возможным заключение брака в ходе свадебной церемонии, присутствие на которой молодых... не предусматривалось³⁶. Проведение свадебных обрядов без участия брачующихся (либо при отсутствии на свадебном торжестве одного из них) имело широкое распространение среди народов Кавказа. Наиболее полно этот обычай представлен в традиционном свадебном торжестве народов адыго-абхазской группы кавказской языковой семьи³⁷. Например, свадьбу без участия жениха и невесты проводили абхазы³⁸. Впрочем, и у других народов Северного Кавказа роль жениха и невесты была сведена к минимуму³⁹. У ногайцев невеста не присутствовала на свадебном пиру, а должна была в это время находиться в специальном помещении⁴⁰. Соответствующий обычай был распространен также на севере Словакии⁴¹ и у албанцев⁴². Впрочем, у ногайцев присутствия жениха на бракосочетании зачастую тоже не требовалось⁴³. Во время проведения праздничного действия жених был обязан скрываться и у мордвы⁴⁴. По обычаю албанцев, а также сербов и хорватов, распространенному в ряде местностей Боснии и Герцеговины, жених мог не присутствовать на свадьбе, а заниматься «своими повседневными делами, делая вид, что его не касается все происходящее в доме»⁴⁵. У ненцев жених и невеста в праздновании своей свадьбы практически не участвовали⁴⁶. Изоляция молодых во время свадебного торжества характерна как для тюркских, так и для монгольских народов, занимавших степи и лесостепи Южной Сибири⁴⁷.

Представление о том, что брак является не только, да, пожалуй, и не столько союзом мужчины и женщины, сколько союзом их семейно-родственных групп, естественным образом приводило к формированию убеждения, которое сознание человека XXI столетия воспринимает как немыслимое, невозможное. Однако эти взгляды являлись неотъемлемой частью картины мира, по крайней мере, многих из числа наших предшественников. Игнорируя их, мы сталкиваемся с риском составить искаженное представление о функционировании института брака в прошлом. Речь идет об убеждении, в соответствии с которым смерть одного из супругов далеко не всегда являлась веским основанием для прекращения брака.

Например, вера в существование между мужем и женой связи, способной преодолеть барьер смерти, была распространена среди предста-

вителей тюркских народов. Во всяком случае, до XIX в. среди казахов бытовало убеждение, в соответствии с которым вдова (как и разведенная женщина) после смерти будет женою своего первого мужа, даже если при жизни вступит в повторный брак⁴⁸. И. В. Стасевич отмечает, что у казахов «по традиции, брак рассматривался не просто как союз двух людей, а как долговременный союз двух семейно-родственных групп, сохраняющийся даже в случае развода или смерти одного из супругов»⁴⁹. По мнению Т. А. Бернштам, подобные взгляды на посмертное существование были характерны и для архаичных представлений русских: «вдовы соединялись со своими супругами, вторично вступившие в брак на земле обрета на “небе” первых супругов»⁵⁰.

Характерно, что данный комплекс воззрений оказывал влияние не только на формирование представлений о будущем, которое ожидает после смерти, но и на существование в пределах материального мира супруга, пережившего свою «вторую половину». Информацию, вынуждающую прийти к такому заключению, содержат различные источники. В частности, соответствующие представления имеются в кодексах и сводах норм обычного права народов, которые вплоть до нового времени, как принято говорить, «вели традиционный образ жизни». Например, в своде норм обычного права народов Кении отмечается, что у некоторых народностей, проживавших на территории, где теперь расположено данное государство, брачные отношения не заканчивались смертью мужа. У вдовы оставались обязанности перед семьей умершего супруга, причем в кодексе отмечалось, что если она примет решение «порвать свои отношения с семьей покойного мужа и вернуться в дом отца», то этот поступок «приравнивается к разводу» со всеми его малоблагоприятными следствиями, включая возвращение брачных платежей⁵¹.

Примечательно, что народности современной Кении были отнюдь не одиноки в своих воззрениях на действительность. Подобные взгляды обнаруживаются в традиционных представлениях народов, проживающих неподалеку от нас. Например, если казашка в недавнем прошлом после смерти супруга решала вернуться к своим родителям, то последние были вынуждены выплачивать родственникам покойного «калым», когда-то заплаченный за нее, поскольку «это действие приравнивалось к самовольному уходу от живого мужа без веских причин». Причем возврат «калыма» производился независимо от того был ли уход женщины самовольным или произошел по взаимной договоренности с родственниками покойного⁵².

В данных случаях в качестве возможного будущего вдовы, решившейся на продолжение столь своеобразных (с современной точки зрения) «супружеских отношений» с семейством покойного мужа, предусматривался так называемый «левиратный брак». «Левират» был широко распространен среди разных народов. Например, на Кавказе и Дальнем Востоке, в Африке, Центральной Азии, Сибири, Северной и Южной Америке⁵³. Следы его обнаруживаются даже в брачных обычаях обитателей Северной Европы⁵⁴.

Нормы, на основании которых функционировал «левиратный брак», были известны уже в древнеиранском и древнеиндийском обществах, свидетельства чего сохранились в Ригведе. В соответствии с нормами

«левирата», дети, рожденные женщиной в браке с родственником ее покойного мужа (древнеиранский «брак чакар»), считались законнорожденными детьми покойного! ⁵⁵ Повторное супружество вдовы не воспринималось в обществе как полноценный брак. «Смертью мужа ее первый брак не расторгался, и в религиозном, как и в правовом, отношении он сохранялся в силе и по вступлении женщины в брак чакар». Пожалуй, будет точнее охарактеризовать брак вдовы с родственником покойного как продолжение существовавших ранее супружеских отношений, в рамках которых левир являл собой что-то вроде «заместителя» умершего мужа. Соответственно, ни женщина, ни ее дети, рожденные в таком браке, не могли претендовать на долю в наследстве своего реального (с нашей точки зрения) мужа и отца. Для того, чтобы стать наследниками своего биологического отца, его дети должны были быть им... усыновлены. Правда, акт усыновления напрочь лишал их права наследования имущества первого (покойного) мужа их матери, равно как и права считаться его детьми.

Примечательно, что в минувшие века сходные воззрения на взаимоотношения «супругов» в «левиратном браке» были не чужды древним евреям ⁵⁶, а еще совсем недавно соответствующие идеи разделяли, по крайней мере, некоторые африканские народности. Нормы обычного права последних содержат недвусмысленное указание, живо напоминающее распоряжения древнеиранских законодателей: «Дети, рожденные от левиратного брака, получают имя покойного мужа и рассматриваются как дети покойного, а не дети левира» ⁵⁷. Если родственник покойного воспринимался в обществе как муж его вдовы, то все дети, рожденные бывшей вдовой (либо только сыновья), обретали статус родных детей и наследников своего биологического отца и второго мужа женщины. В последнем случае связь мужчины и женщины на африканском континенте считалась не «левиратным браком», а особой «формой брака» под названием «наследование вдовы» ⁵⁸. Возможно, «наследование вдовы» среди ряда африканских народностей было допустимо только при условии отсутствия детей от покойного мужа, поскольку, по крайней мере, в одном из сводов норм обычного права отмечается, что наличие детей у женщины является препятствием для заключения такой «формы брака» ⁵⁹.

В новое время термином «левират» было принято именовать любой брачный союз вдовы с родственником ее покойного супруга, вне зависимости от того, какие права обретали в браке муж и жена по отношению друг к другу и к совместному потомству. Так или иначе, очевидно, что значение «левиратного брака» заключалось в том, что он обеспечивал, по точному выражению И.Е. Сеницыной, «сохранение прежних условий соглашения, а для вдовы — ее юридического статуса и обязательств относительно семьи мужа (деторождение, хозяйственная деятельность и т.д.)». Фактически левират представляет собой форму продолжения коллективных брачных обязательств семей на протяжении жизни поколения — «пока живы мужчины в семье мужа» и «пока жива жена» ⁶⁰.

Не меньший интерес вызывает информация об изменениях во взаимоотношениях двух семейно-родственных групп, которые могли быть вызваны смертью супруги. Стремление сохранить тесные межгрупповые связи, подкрепленные супружеским альянсом, привело к развитию обычая так называемого «сорората», в соответствии с которым вдовец при-

знавался обязанным вступить в повторный брак с ближайшей родственницей скончавшейся супруги, а ее родные — обеспечить возможность заключения подобного союза.

Так, среди некоторых народностей Кении, практиковавших «сороратный брак», смерть жены, вслед за которой вдовцу не обеспечивалась возможность заключения такого супружества, приводила к возвращению всего «выкупа» как при разводе. Разница состояла лишь в том, что при таком «разводе брака смертью жены» «выкуп» порою возвращался с небольшими вычетами, которые в ряде этнических групп несколько увеличивались в случае, если смерть женщины произошла во время родов ⁶¹. В свете изложенного представляется, что в этнических группах Кении, практиковавших «сороратный брак», смерть жены, за которой он не последовал, являлась законным основанием для расторжения брачного договора. И в этом случае брак оказывается договором, длительность которого превышала продолжительность жизни одного из супругов! Предпочтительным был «сороратный брак» с младшей сестрой покойной, но иногда его заключали с племянницей или другой родственницей.

По-видимому, распространение подобных брачных альянсов было связано с тем, что в сложноструктурированном обществе как наиболее важные стали восприниматься брачные союзы преимущественно старших детей-наследников. Именно таким детям тщательно выбирали брачного партнера. Например, «сорорат» выполнял роль своего рода «страховки», обеспечивавший сохранение значимого для семейств брачного союза на случай смерти супруги. Характерно, что некоторые африканские народы (например, тсвана) в прошлом после смерти такой «социально значимой» супруги даже практиковали отбор младшей родственницы покойной у мужа, чтобы передать вдовцу в качестве «замещающей» жены. Последняя обретала более высокое положение и ранг скончавшейся родственницы. Дети, рожденные в таком «браке-замене», признавались «рожденными в браке, который повлек организацию нового», получали соответствующие права и ранг старшинства.

Примечательно, что предусмотрительные африканцы считали необходимым «застраховать» социально значимый брак не только от внезапной смерти, но и от потенциально возможного бесплодия супруги. Так, у некоторых африканских народностей практиковалась внебрачная связь мужа с младшей сестрой жены. Причем отец имел право признать рожденного ребенка своим, уплатив при этом установленное количество скота. Такой ребенок нередко воспитывался в семье отца его законной женой. А при замужестве зулусской женщины, у свази, у луо в Африке вместе с женой в дом мужа отправляли ее младшую сестру, которая жила в доме старшей как минимум до рождения ребенка. Причем если последнее событие так и не наступало, то младшая сестра также становилась супругой мужа старшей ⁶². Сведения о бытовании аналогичной традиции сохранились в источниках, информирующих о брачных обычаях иных народов. Например, «вместе с невестой в дом мужа ехала ее младшая сестра или племянница в качестве своего рода заместительницы жены» в среде высшей знати древнекитайского общества ⁶³.

Для овдовевшего мужчины (или мужа бесплодной женщины) стимулом продолжать брачные отношения с семейно-родственной группой

покойной жены путем «сороратного брака» являлась не только надежда сохранить уже заключенный альянс двух семейств, но и возможность обрести супругу, потратив на это мероприятие минимальное количество средств (а часто и вовсе без «выкупа») ⁶⁴. Родственники его жены также, среди прочего, могли руководствоваться вполне меркантильным желанием оставить в своем распоряжении «выкуп», полученный в ходе заключения первого брака. Ведь, как уже упоминалось, в обществе, где практиковался «сороратный брак», отказавшись предоставить «замещающую жену», родные покойной были вынуждены вернуть либо все «выкупные платежи», полученные ранее, либо их существенную часть. «Вычесть» из «выкупа» могли, например, «стоимость» детей, матерью которых являлась умершая женщина, как это было принято у некоторых африканских народностей ⁶⁵.

«Сороратные браки» получили меньшее распространение, чем «левиат». Причем, похоже, причина кроется не только в том, что подобрать вдовцу новую жену в соответствующем семействе было значительно сложнее, чем выбрать подходящего родственника-мужчину, способного выполнять обязанности «левира». С дальнейшим развитием социального неравенства оказалось, что бесплодная, но предусмотрительная жена в состоянии решить одну из проблем, вызвавшую распространение «сороратных браков», иным путем, не осложняя при этом сверх всякой меры жизнь ее ближайших родственников. Речь идет о способе, прямым развитием которого является метод, к которому сегодня прибегают супруги, решившиеся на использование суррогатного материнства. А именно, в дом брали «бедную родственницу», обладавшую, по сравнению с законной женой, более низким социальным статусом. Эта женщина рожала домовладыке детей, которые признавались законнорожденными детьми официальной супруги. Такой вариант «сороратного брака» был известен некоторым народностям Ботсаваны ⁶⁶. Очевидно, что развитием данного метода обретения законнорожденного потомства стала эксплуатация детородных способностей служанки или рабыни, хорошо известная разным народам. В частности, примеры несложно отыскать в источниках, которые содержат сведения о жизни древнееврейского общества ⁶⁷. Подобный способ решения проблем с чадородием практиковался супругами среди православного населения Черногории и Македонии еще на рубеже XIX—X вв.: «случалось, что бездетная жена сама выбирала вторую жену своему мужу, оставаясь для сельского общества “законной женой” (если не покидала дом своего мужа); дети, рожденные второй женой, официально считались ее детьми. В семье же ее роль менялась — она переходила на положение сестры или матери» ⁶⁸.

Таким образом, в недавнем прошлом, по крайней мере, у ряда народов, брак признавался союзом, длительность которого соответствовала продолжительности активной жизни супруга, пережившего свою «вторую половину». Для вдовца (или вдовы) детородного возраста нередко предусматривался механизм обретения нового полового партнера, принадлежавшего к семейно-родственной группе покойного супруга. Складывается впечатление, что все ухищрения распространившихся «левиатных и сороратных браков» как раз и были вызваны, главным образом, желанием минимизировать угрозу расторжения альянса двух семейно-родствен-

ных групп, сформированного и подкрепленного видимыми брачными узами. Несложно догадаться, что с развитием социальной дифференциации такая угроза становилась все более ощутимой, ведь в рамках довольно узкой семейно-родственной группы крайне нелегко подобрать «замену», предложив вместо покойного супруга (либо бесплодной жены) соответствующую по статусу кандидатуру на роль «второй половины».

Широкое распространение практики «исполняющих обязанности» покойного супруга; готовность социума пожертвовать менее значимым брачным союзом ради сохранения межгрупповых отношений, возникших в результате заключения приоритетного брачного альянса; стремление считать браком союз не столько людей, сколько семейно-родственных групп, «обремененных» совместным потомством; признание за социумом исключительного права утверждать «законность» сожительства мужчины и женщины; отсутствие свободного волеизъявления молодежи при выборе супруга — все, о чем шла речь в данной публикации, показывает, что в глазах наших предшественников брак далеко не всегда являлся лишь «регулятором половых отношений» в социуме. Получается, что в прошлом институт брака активно применялся для создания и обеспечения максимально слаженной и эффективной работы социальной структуры, являясь чрезвычайно значимым «винтиком» в ее механизме.

Вышеизложенная информация вызывает вполне закономерный вопрос: какими путями в сознании, по крайней мере, многих из числа наших предшественников сформировалось устойчивое представление о праве социума использовать организацию интимных отношений мужчины и женщины в интересах всей группы в целом, о приоритете сугубо прагматических соображений при выборе кандидатуры на роль будущего супруга подросткового члена общества? Представляется, что помощь в поисках ответа на этот вопрос способно оказать исследование трансформации, которую претерпели в прошлом обычаи заключения брака. Ограниченные рамки данной работы не позволяют здесь и сейчас всесторонне осветить поставленную проблему, вынуждая отложить решение данной задачи до следующей публикации.

Примечания

1. ФЮСТЕЛЬ ДЕ КУЛАНЖ Н.-Д. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима. М. 2010, с. 49—52; БОГОРАЗ В.Г. Чукчи. Ч. 1. Л. 1934, с. 113—114; КАШУБА М.С. Народы Югославии. В кн.: Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М. 1988, с. 84; ГРАЦИАНСКАЯ Н.Н. Чехи и словаки. Там же, с. 37; ИВАНОВА Р., МАРКОВА Л.В. Болгары. Там же, с. 136; РИКМАН Э.А. Румыны. Там же, с. 161; РУДЕНСКИЙ Н.Е. Венгры. Там же, с. 66—67; ЩАПОВ Я.Н. Брак и семья в Древней Руси. — Вопросы истории. 1970, № 10, с. 216; ВЛАСОВА И.В. Брак и семья у русских (XII — начало XX века). В кн.: Русские. М. 1999, с. 419—420; ТУЛЬЦЕВА Л.А. Календарные праздники и обряды. Там же, с. 626—627; ЛЕЩЕНКО В.Ю. Русская семья (XI—IX вв.). СПб. 2004, с. 244.
2. КОВАЛЕВСКИЙ М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М. 1939, с. 81.
3. АГАПКИНА Т.А. «Колодка» и другие способы ритуального осуждения неженатой молодежи у славян. В кн.: Секс и эротика в русской традиционной культуре. М. 1996, с. 354—390; ТУЛЬЦЕВА Л.А. Ук. соч., с. 626—627.

4. ИВАНОВА Ю.В., КРАСНОВСКАЯ Н.А. Некоторые итоги изучения брака и свадебной обрядности у народов зарубежной Европы. В кн.: Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы. М. 1990, с. 158; КОЖАНОВСКИЙ А.Н. Народы Испании. В кн.: Брак у народов Западной и Южной Европы. М. 1989, с. 136; ИВАНОВА Ю.В., ПОКРОВСКАЯ Л.В. Народы Франции. Там же, с. 185—186; ФИЛИМОНОВА Т.Д. Немцы. Там же, с. 11—12; ШЕРВУД Е.А. Англичане. В кн.: Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы, с. 110; КРАСНОВСКАЯ Н.А. Народы Италии. В кн.: Брак у народов Западной и Южной Европы, с. 112—113; АНОХИН Г.И. Датчане. В кн.: Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы, с. 72—73; РУДНЕВ В.В. Шотландцы. Там же, с. 132—133; ПАВЛЕНКО А.П. Ирландцы. Там же, с. 151—152; ТОКАРЕВ С.А., ШЕРВУД Е.А. Народы Швейцарии. В кн.: Брак у народов Западной и Южной Европы, с. 92—93; РЕШИНА М.И. Народы Бельгии и Нидерландов. Там же, с. 217—218.
5. ЛЕЩЕНКО В.Ю. Ук. соч., с. 162, 215.
6. ЛИТАВРИН Г.Г. Как жили византийцы. М. 1974, с. 155; ГИС Ф., ГИС Дж. Брак и семья в Средние века. М. 2002, с. 16; БРОДЕЛЬ Ф. Что такое Франция? Кн. 2. Люди и вещи. Ч. 2. «Крестьянская экономика» до начала XX века. М. 1997, с. 309, 413; СЕМЁНОВ Ю.И. Происхождение брака и семьи. М. 1974, с. 249; СИНИЦЫНА И.Е. Человек и семья в Африке. М. 1989, с. 40—46, 51, 64, 99; ЮРЛОВА Е.С. Женщины Индии. Традиции и современность. М. 2014, с. 205; ПУШКАРЁВА Н.Л. Женщины Древней Руси. М. 1989, с. 72.
7. Кодексы и своды норм обычного права народов Кении (далее — Кодексы). В кн.: СИНИЦЫНА И.Е. Человек и семья в Африке. М. 1989, с. 237; КИСЛЯКОВ Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л. 1969, с. 18; МАКАШИНА Т.С. Свадебный обряд. В кн.: Русские, с. 472; ЗОРИН Н.В. Русский свадебный ритуал. М. 2001. с. 22.
8. ЛОБАЧЁВА Н.П. Что такое свадебный обряд? (опыт изучения содержания брачно-свадебной обрядности). — Этнографическое обозрение. 1995, № 4, с. 59.
9. СТАСЕВИЧ И.В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб. 2011, с. 49.
10. МИТТЕРАУЕР М., КАГАН А. Структуры семьи в России и в Центральной Европе: сравнительный анализ. В кн.: Семья, дом и узы родства в истории. СПб. 2004, с. 54.
11. КОВАЛЕВСКИЙ М.М. Ук. соч., с. 81—82; ФЮСТЕЛЬ ДЕ КУЛАНЖ Н.-Д. Ук. соч., с. 49—50, 90; ПЕРИХАНЫ А.Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М. 1983, с. 82, 92; СМЕРНОВА Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX — X в.). М. 1983, с. 66; БЕРНШТАМ Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Л. 1988, с. 65; БЕЗГИН В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века). М.-Тамбов. 2004, с. 224.
12. КОВАЛЕВСКИЙ М.М. Ук. соч., с. 102—103, 133—134, 139; ФРЕЗЕР Дж. Дж. Фольклор в Ветхом завете. М. 1989, с. 319; ГИС Ф., ГИС Дж. Ук. соч., с. 200; КОШЕЛЕВА О.Е. Дети как наследники в русском праве с древнейших времен до петровского времени. — Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М. 1999, с. 196—197; МИРОНОВ Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства в 2-х томах. Т. 1. СПб. 2000, с. 206; БЕЗГИН В.Б. Ук. соч., с. 281—283; ЛИТВИНА А.Ф., УСПЕНСКИЙ Ф.Б. «Не хочу розути робичича...»: сватовство князя Владимира к Рогнеде в свете древнескандинавской правовой традиции. — Древняя Русь. 2011, № 3. с. 117—118; ЧЕРКАСОВА М.С. Брак и семья в Московской Руси в XVI—VII вв. — Вопросы истории. 2017, № 11, с. 52.
13. БУДУР Н.В. Повседневная жизнь викингов. IX—I века. М. 2007, с. 98.
14. ДЕМЕНТЬЕВА Т.Ю. Семейное и наследственное право в Киевской Руси (IX—II вв.). Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Казань. 2006, с. 18; КРЮКОВА С.С. Брачные традиции крестьян южнорусских губерний во второй половине XIX в. — Этнографическое обозрение. 1992, № 4, с. 45—46; Этнография русского крестьянства Сибири (XVII — середина XIX в.). М. 1981. с. 38; ВЛАСОВА И.В. Ук. соч., с. 417, 420; МАКАШИНА Т.С. Ук. соч., с. 473; ГРОМЫКО М.М. Традиционный нравственный идеал и вера. В кн.: Русские, с. 671; ПУШКАРЁВА Н.Л. «Слез ее ради...» (опыт микроанализа эмоциональных отно-

- шений семьи «новых русских» XVI столетия). — Социальная история. Ежегодник. 2000. М. 2000, с. 272; ЗОРИН Н.В. Ук. соч., с. 27—28; ЛЕЩЕНКО В.Ю. Ук. соч., с. 150—151, 162—163.
15. ПУШКАРЁВА Н.Л. Русская семья X—VII вв. в «новой» и «традиционной» демографической истории. — Этнографическое обозрение. 1996. № 3. с. 74.
 16. ЖИРНОВА Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М. 1980, с. 23, 35; МИРОНОВ Б.Н. Ук. соч., с. 295; МИХНЕВИЧ В.Л. Русская женщина XVIII столетия. Репринт. изд. М. 1990, с. 174; БЕЗГИН В.Б. Ук. соч., с. 209.
 17. КЕРН А.П. Из воспоминаний о моем детстве. В кн.: КЕРН А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М. 1974, с. 121; САБАНЕЕВА Е.А. Воспоминания о былом. Из семейной хроники 1770—1838 гг. СПб. 1914, с. 54—55.
 18. КИСЛЯКОВ Н.А. Ук. соч., с. 87—90; ВАСИЛЕВИЧ Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л. 1969, с. 159; АБРАМЗОН С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л. 1971, с. 223—226; СИНИЦЫНА И.Е. Ук. соч., с. 91—92; СМИРНОВА Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX—X в.). М. 1983, с. 46; Семейная обрядность народов Сибири: опыт сравнительного изучения. М. 1980, с. 32, 55, 62, 69, 74.
 19. СТАСЕВИЧ И.В. Брак и семья у казахов в конце XIX — начале XX вв. Время и традиция. в кн.: Центральная Азия: традиция в условиях перемен. СПб. 2009, с. 97.
 20. КАШУБА М.С. Ук. соч., с. 87.
 21. РИКМАН Э.А. Ук. соч., с. 161.
 22. ИВАНОВА Ю.В. Албанцы. В кн.: Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М. 1988, с. 201.
 23. ГЕРБЕРШТЕЙН С. Записки о московитских делах. В кн.: Россия XV—VII вв. глазами иностранцев. Л. 1986, с. 67.
 24. ОЛЕАРИЙ А. Описание путешествия в Московию. В кн.: Россия XV—VII вв. глазами иностранцев. Л. 1986, с. 347.
 25. ПУШКАРЁВА Н.Л. «Слез ее ради...» (опыт микроанализа эмоциональных отношений семьи «новых русских» XVI столетия). — Социальная история. Ежегодник. 2000. М. 2000, с. 274.
 26. БОГОРАЗ В.Г. Ук. соч., с. 132.
 27. ЛОБАЧЁВА Н.П. Ук. соч., с. 56, 59.
 28. АБРАМЗОН С.М. Ук. соч., с. 231; ИВАНОВА Р., МАРКОВА Л.В. Ук. соч., с. 150; РИКМАН Э.А. Ук. соч., с. 174; АНОХИН Г.И. Ук. соч., с. 81; ИВАНОВА Ю.В. КРАСНОВСКАЯ Н.А. Ук. соч., с. 161.
 29. ГУРЕВИЧ А.Я. Категории средневековой культуры. М. 1984, с. 241—242.
 30. ТОКАРЕВ С.А., ШЕРВУД Е.А. Ук. соч., с. 98.
 31. КОСВЕН М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М. 1961, с. 42.
 32. КОСВЕН М.О. Семейная община и патронимия. М. 1963, с. 203—204.
 33. ФИЛИМОНОВА Т.Д. Австрийцы. В кн.: Брак у народов Западной и Южной Европы. М. 1989, с. 50.
 34. КОЖАНОВСКИЙ А.Н. Ук. соч., с. 159.
 35. ШТЕРНБЕРГ Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск. 1933, с. 157; КАШУБА М.С. Ук. соч., с. 93.
 36. ЛОБАЧЁВА Н.П. Ук. соч., с. 56.
 37. СМИРНОВА Я.С. Культурное взаимодействие и семья. — Советская этнография. 1977, № 5, с. 82.
 38. КИСЛЯКОВ Н.А. Ук. соч., с. 224.
 39. ДУМАНОВ Х.М., СМИРНОВА Я.С. Старые и новые трактовки некоторых брачно-семейных обычаев народов Кавказа. — Этнографическое обозрение 1999, № 4. с. 24—25.
 40. КИСЛЯКОВ Н.А. Ук. соч., с. 217, 226.
 41. ГРАЦИАНСКАЯ Н.Н. Ук. соч., с. 35—37.
 42. ИВАНОВА Ю.В. Ук. соч., с. 200.
 43. ГАДЖИЕВА С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев (XIX — начало XX в.). М. 1975, с. 78—79, 96.
 44. КИСЛЯКОВ Н.А. Ук. соч., с. 220.

45. ИВАНОВА Ю.В. Ук. соч., с. 200; КАШУБА М.С. Ук. соч., с. 123.
46. ХОМИЧ Л.В. Элементы свадебного обряда у ненцев по материалам фольклора. В кн.: Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л. 1974, с. 217.
47. Семейная обрядность народов Сибири: опыт сравнительного изучения. М. 1980, с. 88.
48. СТАСЕВИЧ И.В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб. 2011, с. 83.
49. ЕГО ЖЕ. Брак и семья у казахов в конце XIX — начале XX вв. Время и традиция. В кн.: Центральная Азия: традиция в условиях перемен. 2. СПб. 2009, с. 96, 99.
50. БЕРНШТАМ Т.А. Ук. соч., с. 74.
51. СИНИЦЫНА И.Е. Ук. соч., с. 64—65, 73.
52. СТАСЕВИЧ И.В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность, с. 74.
53. ШТЕРНБЕРГ Л.Я. Ук. соч., с. 84, 354, 372; БОГОРАЗ В.Г. Ук. соч., с. 139—140, 191; СИНИЦЫНА И.Е. Ук. соч., с. 200; КИСЛЯКОВ Н.А. Ук. соч., с. 42, 90—94; ХОМИЧ Л.В. Ук. соч., с. 216; ГАДЖИЕВА С.Ш. Ук. соч., с. 130; Семейная обрядность народов Сибири: опыт сравнительного изучения. М. 1980, с. 24, 36—37, 62—63, 70, 75; КОТОВСКАЯ М.Г., ФАЙНБЕРГ Л.А. Индейцы Бразилии. В кн.: Семья у народов Америки. М. 1991, с. 267.
54. БЕРЕЗИНА Т.А., МОРОЗОВА М.Н. Шведы. В кн.: Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы, с. 39; ЛИТВИНА А.Ф., УСПЕНСКИЙ Ф.Б. Казус с Рогнедой: сватовство Владимира в свете дохристианской правовой традиции Скандинавии. В кн.: Древнейшие государства Восточной Европы. 2011: Устная традиция в письменном тексте. М. 2013, с. 302.
55. ПЕРИХАНЯН А.Г. Ук. соч., с. 94, 96.
56. Левират. В кн.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 17. СПб. 1896, с. 436.
57. Кодексы, с. 219, 250, 263.
58. Там же, с. 229, 235—236, 250, 257.
59. Там же, с. 219.
60. СИНИЦЫНА И.Е. Ук. соч., с. 65.
61. Кодексы, с. 245, 263.
62. СИНИЦЫНА И.Е. Ук. соч., с. 74—77.
63. ВАСИЛЬЕВ Л.С. Древний Китай. Т. 1. М. 1995, с. 340.
64. СИНИЦЫНА И.Е. Ук. соч., с. 77.
65. Кодексы, с. 234, 243—245, 263.
66. СИНИЦЫНА И.Е. Ук. соч., с. 76.
67. СТЕЛЛЕЦКИЙ Н. Брак у древних евреев. Киев. 1892, с. 342—343.
68. КАШУБА М.С. Ук. соч., с. 85.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201906Statyi07 УДК94(571.122)

Август 1991 г. в ХМАО-Югре

А. И. Прищепа

Аннотация. В публикации анализируются события, произошедшие 19—21 августа 1991 г. в Москве. Дается оценка экономической, социальной и политической программы провозгласившего себя высшим органом власти в стране Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). Показываются намечаемые им мероприятия по стабилизации положения в стране. Особое внимание уделяется характеристике отношения к московским событиям в ХМАО-Югре. Отмечается различие в рефлексии на них советского и партийного аппарата власти на севере Западной Сибири. Показывается, в частности, с одной стороны, крайнее неприятие «попытки переворота» высших советских органов власти и их лидеров, а, с другой, указывается на нейтральную, выжидательную позицию местной партийной элиты.

Ключевые слова: партийная номенклатура, государственный аппарат власти, переворот, программа, манифестация, политический кризис, перестройка, реформы, стабилизация, национально-государственное устройство.

Abstract. The publication analyzes the events that took place on August 19—21, 1991 in Moscow. It assesses the economic, social and political programme of the state Committee for emergency situations (GKCHP), which has declared itself the highest authority in the country. The planned activities of the GKCHP to stabilize the situation in it are shown. Special attention is paid to the characteristic of the attitude to the Moscow events in KHMАО-Yugra. There is a difference in the reflection on them of the Soviet and party apparatus of power in the North of Western Siberia. It is shown, in particular, on the one hand, the extreme rejection of the “coup attempt” of the Supreme Soviet authorities and their leaders, and, on the other, indicates the neutral, wait-and-see position of the local party elite.

Key words: party nomenclature, state apparatus of power, revolution, program, manifestation, political crisis, perestroika, reforms, stabilization, national-state structure.

К началу 1991 г. в партийной организации Ханты-Мансийского автономного округа, как и во всей КПСС, назревал кризис, вызванный негативными итогами пяти лет перестройки, нерешительностью руководства партии в обновлении политической системы и экономическом реформировании. На собраниях трудовых коллективов и в средствах массовой информации звучала острая критика партийной элиты, часто выходившая за пределы установленных ею прежде допустимых границ. Начался массовый выход из КПСС. К середине 1991 г. ее численность сократилась с 21 до 15 млн. чел., то есть на 25,2%. В нефтедобывающих центрах этот

Прищепа Александр Иванович — доктор исторических наук, профессор Сургутского государственного университета ХМАО-Югры, заслуженный деятель науки Ханты-Мансийского автономного округа-Югры. E-mail: aiprishepa@yandex.ru.

Prishchepa Aleksandr I. — doctor of historical sciences, professor at the Surgut State University of KHMАО-Yugra, honored scientist of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Ugra. E-mail: aiprishepa@yandex.ru.

процент был еще выше. В 1986—1990-х гг. из Ханты-Мансийской окружной партийной организации вышло более 38% коммунистов, а в самом крупном городе округа — Сургуте — 36,6% коммунистов сдали свои партийные билеты ¹.

Решающие последствия для развития политического процесса в стране и ее регионах были связаны с памятными событиями 19—22 августа 1991 г. в Москве. Они стали кульминацией кризиса перестройки. Провозгласивший себя высшим органом власти в стране Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), свою идеологическую, социально-экономическую и политическую программу представил в ряде первых коротких заявлений и пространном «Обращении к советскому народу». Сегодняшнее прочтение этих документов оставляет впечатление объективности содержащихся в них оценок обстановки в стране. Их составители справедливо указывали на «возникновение экстремистских сил, взявших курс на ликвидацию Советского Союза», «убогость практических дел и инфляцию власти», «растущую неуверенность граждан в завтрашнем дне», «разрушение единого народнохозяйственного механизма» и «падение уровня жизни подавляющего большинства советских людей» ².

Неприятие ГКЧП в обстановке формировавшегося гражданского общества в СССР, становления многопартийной политической системы и нетерпеливого ожидания отмены монополии КПСС на власть вызвали заявления его участников о приостановке деятельности политических партий, запрете общественных организаций, митингов, уличных шествий и манифестаций, ограничении перечня выпускаемых центральных, московских, городских и областных общественно-политических изданий, установлении контроля над средствами массовой информации и возложении его на специально создаваемый орган при ГКЧП СССР, а также решение о введении с 19 августа в Москве и на некоторых других территориях Советского Союза чрезвычайного положения ³.

Августовские события сразу после их завершения получили в исторической литературе различные оценки. В эйфории либеральных перемен начала 1990-х гг. в официальных изданиях присутствовало негативное отношение к ним. Они трактовались как антиконституционная попытка захвата власти силами, выступавшими за возврат к тоталитарной системе. В соответствии с этой оценкой, утратившая в годы перестройки власть партийно-государственная бюрократия попыталась взять реванш у опиравшегося на поддержку демократических сил президента М.С. Горбачёва. Сам «инициатор перестройки» так оценивал действия ГКЧП: «Нет никакого сомнения в том, что была не простая перемена лиц у власти, и вовсе не попытка переворота, а самый настоящий переворот» ⁴.

Эта точка зрения на августовские события как на «путч» консервативно-номенклатурных кругов, направленный на отказ от социально-экономических и политических реформ, утвердилась и в учебной литературе. Согласно этому мнению, инициаторы «путча», занимавшие крупные государственные и партийные посты, выражали волю консервативных кругов, стремившихся восстановить власть партийной номенклатуры и сохранить Советский Союз в прежнем виде с помощью силы. Провал попытки переворота привел к краху КПСС ⁵.

Именно так оценило действия ГКЧП и руководство Ханты-Мансийского автономного округа, без колебания выступив против «путчистов». Находившийся в эти дни в Москве первый секретарь окружного комитета КПСС, а в 1991 г. — председатель Ханты-Мансийского окружного совета народных депутатов, народный депутат РСФСР В. А. Чурилов уже 19 августа 1991 г. в 13.00 по местному времени вышел в эфир окружного радио и решительно осудил ГКЧП, призвав жителей округа к соблюдению Конституции и гражданского правопорядка. После выступления он и председатель Ханты-Мансийского окрисполкома, депутат Тюменского областного Совета народных депутатов А. В. Филипенко сразу вылетели в Тюмень, где на заседании президиума областного совета смело высказали свою позицию. Ее разделили начальник УВД окрисполкома и начальник КГБ по Тюменской области. 22 августа 1991 г. окружная газета «Новости Югры» опубликовала телефонное сообщение Чурилова, в котором говорилось: «...я трижды заклинаю вас: не преступайте закон мудрости, не преступайте терпения и спокойствия» ⁶.

«Мятеж» был подавлен. Профессор А. П. Бутенко так объяснил рассматриваемые события. По его мнению, в 1991 г. в советском обществе развернулась борьба за власть двух антинародных сил: подорвавшей свои позиции, но не сдавшейся партийно-государственной бюрократии и рвавшейся к господству, еще только формировавшейся буржуазии. Противоречие между народом и партийно-государственной бюрократией, так и не получив разрешения в силу того, что народ не смог одолеть бюрократию, сменилось в 1991 г. властью адептов новой буржуазии ⁷.

Весьма любопытным является тот факт, что, если высшие представители «советской власти», «решительно осудили ГКЧП», то партийная номенклатура в Ханты-Мансийском округе вела себя иначе. Партийные руководители заняли выжидательную позицию и никак не проявили своего отношения к событиям в столице.

В соответствии с решениями Ханты-Мансийского горсовета, после подавления выступления ГКЧП была создана комиссия, изучавшая деятельность окружного и городских комитетов КПСС в период попытки государственного переворота. В ходе проверки было установлено, что окружной и сургутский аппараты партии не предпринимали «никаких шагов ни в поддержку, ни против действий ГКЧП, равно как и не высказывались в защиту конституционного строя» ⁸.

Как известно, сразу после упразднения ГКЧП президент России Б. Н. Ельцин приостановил деятельность КПСС на территории Российской Федерации, а в ноябре 1991 г. она было запрещена. В городах округа этот процесс прошел в целом безболезненно. Председатель окружного Совета народных депутатов Чурилов говорил о том, что, по его мнению, ни в одном совете округа партийные органы практически не имели влияния, поэтому «у нас эффект от приостановления деятельности компартии будет меньше, чем он будет, например, в России, Краснодаре или Пскове» ⁹.

Он оказался прав. 25 августа в 9.00 кабинеты партаппарата в Ханты-Мансийске были опечатаны. Сургутский горком КПСС прекратил свое существование 26 августа 1991 года. «В тот день были опечатаны все горкомовские кабинеты, а на лестнице дежурили милиционеры с на-

ганами. Над Домом Советов развевалось два флага — привычный красно-синий флаг РСФСР и новый — трехцветный», — вспоминал об этих днях известный краевед И.П. Захаров ¹⁰.

Примечания

1. Очерки истории Тюменской области. Тюмень. 1996, с. 185.
2. www.agitclub.ru
3. Там же
4. URL: [http:// biofile.ru/ his/ 24835.html](http://biofile.ru/his/24835.html).
5. СУСЛОВ А.Б. История Советского государства. 1917—1991. Пермь. 1995, с. 118.
6. Новости Югры. 1991. 22 августа.
7. Новейшая история. XX — нач. XXI века. Кн. 2. М. 2008, с. 427.
8. Новости Югры. 1991. 29 августа.
9. URL.: [http:// biofile.ru/ his/ 24835.htm](http://biofile.ru/his/24835.htm)
10. ЗАХАРОВ И.П. Моя земля Сургут. Сургут. 1990, с. 212.

«Сельское хозяйство без всяких научных схем само себя поднимет...»

А.В. Рычков

Аннотация. В публикации на основе сибирских материалов рассматриваются проблемы научно-производственной интеграции в сельском хозяйстве в России в условиях перехода к рыночной экономике. Автор приходит к выводу, что реализация упрощенно-рыночной модели привела к тяжелейшему кризису в аграрной отрасли, разрушению научно-производственных структур, ограничению процессов научно-производственной интеграции. В этих условиях в научной среде стали формироваться новые представления о развитии сельского хозяйства и его научном обеспечении, в которых государство призвано было выступить в роли главного координатора и стратега развития сельского хозяйства, а рыночным механизмам отводилась важная, но все-таки вспомогательная роль.

Ключевые слова: аграрная наука, сельское хозяйство, научно-производственная интеграция, рыночная экономика, Сибирь, Россия.

Abstract. The work on Siberian materials deals with the problems of research and production integration in agriculture in the Russia during the transition to a market economy. The author comes to the conclusion that the implementation of the simplified-market model has led to a grave crisis in the agrarian sector, the destruction of research and production structures, and the limitation of the processes of research and production integration. In these conditions, new ideas about the development of agriculture and its scientific provision are formed in the scientific environment, in which the state was called upon to act as the main coordinator and strategist of agricultural development, and market mechanisms were given an important but still auxiliary role.

Key words: agrarian science, agriculture, research and production integration, market economy, Siberia, the Russia.

В процессе аграрного научного строительства в СССР большое внимание уделялось организационно-внедренческим проблемам. В целях ускоренного насыщения производства новыми сортами сельскохозяйственных культур и породами животных в стране была организована разветвленная сеть семеноводческих и племенных хозяйств. В экстренных случаях для решения неотложных хозяйственных проблем мобилизовывался весь научно-производственный потенциал страны. Так,

Рычков Александр Васильевич — кандидат исторических наук, доцент Омского государственного технического университета. E-mail: alex-rychkov@mail.ru.

Rychkov Aleksandr V. — candidate of historical sciences, associate professor at the Omsk State Technical University. E-mail: alex-rychkov@mail.ru.

например, произошло с разработкой и внедрением в целинных районах почвозащитной системы. Одновременно шли активные поиски наиболее универсальной модели, призванной оперативно обеспечивать освоение производством научных рекомендаций. В этих целях создавались опытно-показательные и базовые хозяйства, научно-производственные объединения и производственные системы. Однако ориентация преимущественно на административные методы существенно ограничивала масштабы воздействия науки на развитие аграрного производства. Исследователи, изучавшие проблемы научно-производственной интеграции в сельском хозяйстве СССР, констатировали: «Сроки внедрения научных открытий, изобретений растягиваются на многие годы, иногда десятилетия (в передовых зарубежных странах они составляют, как правило, от нескольких месяцев до полутора лет)»¹.

Поэтому к началу 1980-х гг. на повестку дня встал вопрос о формировании более гибкой системы производственных отношений, отвечающей задачам ускорения научно-технического прогресса в сельском хозяйстве. По мысли ученых-экономистов, «назрела острая необходимость перевести систему внедрения достижений науки, техники и передового опыта в сельскохозяйственное производство на принципы хозяйственного расчета, повысить материальную заинтересованность ученых и производственников в результатах научных исследований и их реализации, в получении фактического экономического эффекта»². Логика развития ситуации привела к тому, что в перестроечные годы представление о рынке как единственном средстве осуществления научно-технического прогресса в сельском хозяйстве стало восприниматься как безальтернативное и единственно верное. Согласно мнениям ученых-аграрников Сибирского отделения Российской академии сельскохозяйственных наук (СО РАСХН), «переход к рыночным отношениям и многоукладной экономике... должен усилить восприимчивость агропромышленного производства к достижениям научно-технического прогресса, сформировать новые экономические отношения в цепи “наука — производство”»³.

Однако переход к рынку, как оказалось, не решил проблем научно-производственной интеграции в сельском хозяйстве. Историки же аграрную организационно-внедренческую проблематику эпохи смены социальных ориентиров страны обходят стороной, вероятно, считая ее менее значимой и важной в сравнении с поисками новой идентичности страны в современных условиях. Увы, это заблуждение. Прежде всего, важно понять, что без научной составляющей невозможно обеспечить продовольственную безопасность северной и холодной страны в современном глобальном мире. «Создать конкурентоспособное и эффективное агропромышленное производство в условиях рынка и соблюдения экологической безопасности, с учетом ресурсных ограничений возможно только на основе развития науки и широкого использования научных достижений в практике», — писал академик А. А. Никонов (в 1984—1992 гг. он занимал пост президента ВАСХНИЛ)⁴. К тому же рассмотрение этого сложного и противоречивого периода через призму научно-производственной интеграции в сельском хозяйстве позволит избавиться от идеализированных представлений о рынке как «волшеб-

нике», способном «автоматически» отрегулировать отношения между наукой и производством. Следует напомнить, что аналогичные представления применительно к советской экономической системе сыграли с ней злую шутку: считалось, что в обществе, стремящемся к преодолению отчуждения труда, наука опять-таки «автоматически» станет непосредственной производительной силой. Поэтому важно проанализировать издержки процессов научно-производственной интеграции в условиях рынка, чтобы, выявив болевые точки и узкие места, добиться положительного результата.

В рамках представленной работы анализируется преимущественно сибирский материал, поскольку ведение сельского хозяйства в Сибири без научной составляющей весьма затруднительно, поэтому все недостатки в области научно-производственных связей здесь немедленно отражаются на практических результатах.

При формировании новой модели взаимоотношений науки и сельскохозяйственного производства в нашей стране важно было исходить из методологического посыла об ограниченности действия рыночных механизмов в аграрной сфере. Это связано с тем, что наряду с проблемами экономической эффективности, при развитии аграрной сферы необходимо было руководствоваться и нерыночными целями сельского хозяйства: поддержка экологического равновесия, сохранение агробиологического разнообразия, обеспечение качества продукции. Важное место следовало отводить и «культурническим» задачам сохранения национальных культур и традиций, что, по мнению ученых, лучшим образом осуществлялось в сельской местности⁵. В силу этих причин к началу 1990-х гг. в развитых странах осуществлялась активная государственная поддержка сельскохозяйственного производства. В странах, имеющих оптимальные для ведения сельского хозяйства природно-экономические условия, государственные субсидии составляли около 10% от цены производства. В странах с более сложными условиями — от 70 до 80%⁶. Государственное субсидирование одновременно преследовало цель поддержания конкурентоспособности собственной сельскохозяйственной продукции на мировом рынке.

В силу указанных выше причин в развитых странах безусловное право частной собственности на землю, используемую под сельскохозяйственные нужды, все более и более приобретало условный характер. Это связано с тем, что земля является первой предпосылкой и естественной основой всякого сельскохозяйственного производства и не может быть заменена другой. Поэтому государство ставит жесткие условия перед собственниками земли, суть которых, — сохранение плодородия почв и предотвращение их разрушения. В США, например, с этой целью, в соответствии с Сельскохозяйственным законом 1985 г., ежегодно консервировалось, то есть выводилось из сельскохозяйственного оборота на 5—7 лет, от 15 до 17 млн. га пашни⁷. Широко использовались за рубежом и другие формы землепользования, в частности такие, как аренда государственных земель.

Научное обеспечение сельского хозяйства в развитых западных странах также является преимущественно заботой государственных органов. Активная роль государства в создании и распространении на-

учных знаний в сельском хозяйстве осуществляется через систему научно-исследовательских учреждений, а также специализирующихся на пропаганде и внедрении научно-технических достижений агентств и организаций. Эти структуры, как правило, представляют собой правительственные организации, принадлежащие министерствам сельского хозяйства или являющиеся их составной частью (например, Консультативная служба и Служба сельскохозяйственных исследований в Англии и Уэльсе, консультативные службы южных земель ФРГ, Объединенная служба сельскохозяйственной пропаганды в США)⁸. «В целом трудно назвать сложившуюся систему в полном смысле рыночной экономикой. В сельском хозяйстве государственное вмешательство достигает особенно больших масштабов», — считает специалист в области аграрной экономики в западных странах Майкл Трейси⁹.

В нашей стране осуществление в сельском хозяйстве реформ, призванных обеспечить научно-технический прогресс в отрасли, осуществляли рыночники-романтики и идеалисты. Причем эта «романтика» была характерна не только для высших руководителей страны, но и для ученых-аграрников. «Наука должна опираться на своего рода бизнес-сферу, которая, стремясь к прибыли, будет перекачивать законченные разработки из лабораторий в экономику, обеспечивая на этой основе научно-технический прогресс и эффективность агропромышленного производства», — так представляли «идеальную» модель научно-производственной интеграции в условиях рынка сибирские ученые¹⁰. По их мнению, научные разработки, став объектом купли-продажи, будут использованы «свободными предпринимателями», уступающими часть прибыли владельцу товара, то есть ученым¹¹. Сомнений в применимости данной «рыночной модели» к аграрной экономике страны практически не высказывалось, опыт передовых стран не изучался и во внимание по этой причине не принимался. В мае 1991 г. последний советский министр-аграрник В. И. Черноиванов в обращении в вышестоящие инстанции предупреждал, что оставленный без государственного внимания, «разрушается созданный в стране научно-технический потенциал»¹². Предупреждение министра услышано не было.

Тем печальней для научно-производственной интеграции в сельском хозяйстве оказались последствия рыночных реформ. В сельскохозяйственном производстве Сибири сократились посевные площади сельскохозяйственных культур, уменьшилось поголовье всех видов скота, значительно устарел и сократился парк тракторов и комбайнов, намного снизилось применение минеральных и органических удобрений, мелиорантов и пестицидов. Сложилось тяжелое экономическое и финансовое положение сельских товаропроизводителей, предприятия стали убыточными, имеющими высокую кредиторскую задолженность. Состояние экономики сельскохозяйственных предприятий быстро ухудшалось вследствие неэквивалентности цен на сельскохозяйственную продукцию и промышленные средства производства. Селу не только не был предоставлен приоритет в развитии, о чем мечтали и чего ждали от реформаторов, но и, наоборот, сельское хозяйство стало служить источником получения дополнительных прибылей для многих промышленно-производственных агросервисных и коммерческих структур.

Падение экономических показателей отрасли резко ограничило количество возможных потребителей научной продукции. Проведенное в 2003 г. обследование сельскохозяйственных предприятий на предмет их возможностей по освоению научных рекомендаций выявило следующую картину: первому уровню — высокоинтенсивным технологиям — соответствовало 2% всей совокупности хозяйств, второму уровню — интенсивным технологиям — 8% хозяйств, третьему уровню — нормальным технологиям — около 11%, остальная часть хозяйств — четвертая группа — включала 79% хозяйств¹³.

Одновременно шло разрушение научно-внедренческих структур, опытно-производственных и базовых хозяйств. В 2005 г. в системе СО РАСХН имелось 42 опытно-производственных хозяйства, из них реструктуризация кредиторской задолженности была оформлена в 21 хозяйстве, процедура банкротства возбуждена в 12 ОПХ, в том числе: внешнее наблюдение — в двух ОПХ, внешнее управление — в трех и конкурсное производство — в семи ОПХ¹⁴. Ухудшалась материально-техническая база ОПХ, старели производственные фонды, выбытие сельскохозяйственной техники не компенсировалось ее приобретением, снижалось плодородие земельных угодий из-за крайне низкого уровня применения органических и минеральных удобрений.

Попытки решить проблему интеграции науки и производства административными средствами в новых, «рыночных», условиях сменились кампанейским введением хозрасчета, и наука оказалась в плачевном состоянии. Для чиновников данная «модель» была самой удобной, поскольку позволяла выступать в роли пассивного наблюдателя со стороны за положением дел в отрасли, ссылаясь на действие «объективных» законов рынка. Вот как вспоминал о ситуации того времени один из известных советских и российских ученых-аграрников, вице-президент ВАСХНИЛ Н.З. Милащенко: «В начале 90-х гг. я неоднократно приезжал в Омскую область, вынашивал мечту возродить славные традиции в сельском хозяйстве на основе новых, уже рыночных технологий. Я предлагал уже опробованную в других регионах схему взаимодействия всех участников процесса — от государственных институтов и банков до поставщиков техники, удобрений, до самого крестьянина. Меня вежливо выслушали и ответили примерно так: нам ничего этого не нужно. Сельское хозяйство без всяких научных схем само себя поднимет...»¹⁵.

Ученые, брошенные на произвол стихии, в свою очередь вынуждены были совершать массовые паломничества в хозяйства для решения сиюминутных задач по спасению терпящих бедствие сельскохозяйственных предприятий. Однако ориентация аграрной науки на решение задач по выживанию отрасли приводила к мелкотемью, снижению методологического и методического уровня исследований. В отчете о работе Сибирского отделения РАСХН за 2001—2005 гг. отмечалось: «Разработаны сценарии воспроизводства продовольственных ресурсов Сибири до 2015 г. с учетом платежеспособности населения и реальных возможностей развития АПК»¹⁶. Поскольку «платежеспособность населения и реальные возможности развития АПК» находились на нижайшем уровне, то речь в данном случае шла об изменении парадигмы ис-

следовательской деятельности, когда ученые предлагали не прорывные разработки на будущее, а своего рода «адаптивные» решения, позволяющие хозяйствам выжить в условиях финансовой недостаточности. Следует заметить, что подобное не являлось чем-то новым в истории отечественной аграрной науки. Например, содержанием научных исследований в период Великой Отечественной войны стала разработка тем, носивших характер «скорой помощи» аграрной практике. В военное время, в силу объективных причин, проходили процессы архаизации и примитивизации сельскохозяйственного производства. И данные процессы имели соответствующее «научное обеспечение». В условиях сокращения поголовья лошадей ученые в целях уменьшения их утомляемости предложили производству усовершенствованный конный привод, были также разработаны рекомендации по использованию упряжных коров и быков, особое внимание обращалось на разработку способов повышения производительности сельскохозяйственного инвентаря простейшего типа. Сельскохозяйственные предприятия Сибири стали широко применять простейшие уборочные машины и инвентарь, которые восстанавливались и ремонтировались на предприятиях местной промышленности. В ход были пущены десятки тысяч жаток, лобогреек и других конных машин, которые годами не применялись. Однако изменение содержания исследований в сторону упрощения в годы Великой Отечественной войны было понятным и оправданным, вызывалось чрезвычайными условиями.

Неоправданно, что аналогичные по содержанию процессы, но со своей временной спецификой проходили на рубеже XX—XI вв. в мирное время, в период реформ, призванных сделать экономику страны более современной. Возврат в прошлое выражался тогда не столько в архаизации производства, сколько в отказе от внедрения комплексных научно-технических рекомендаций и ориентации на насыщение производства местными сортами сельскохозяйственных культур, выведенных, как правило, в дореформенные годы — это был самый доступный и дешевый путь нормализации ситуации в аграрной отрасли. Кстати, именно тогда в сибирском регионе практически произошла сортосмена инорайонных сортов на сибирские по таким ведущим культурам, как озимая рожь, яровая пшеница, овес, ячмень, кормовые травы и др.¹⁷

Правда, имели место и «успехи», вызванные к жизни именно формированием новой системы экономических отношений в стране, когда рынок выступает в роли заказчика по отношению к науке. Так, большое внимание селекционеры СО РАСХН уделили созданию пивоваренного ячменя. Сорта Сигнал и Бахус местной сибирской селекции позволили решить проблему сырья для пивоварения в регионе. Работе по организации крупномасштабного производства пивоваренного ячменя на Алтае была присуждена премия Алтайского края в области науки и техники 2003 года¹⁸. Исторические питейные традиции нашей страны, отложенный пивной спрос, связанный с дефицитом советского времени, сулили предпринимателям немалые прибыли. Но этот частный случай никак не отменяет в целом плачевную ситуацию в области научно-производственной интеграции в сельском хозяйстве.

Предложения ученых по улучшению положения посредством регулирования эквивалентности межотраслевого обмена, установления ценового паритета сельскохозяйственной продукции с другими отраслями с помощью энергетического эквивалента не привели к положительному результату.

Ситуация в сельском хозяйстве осложнялась также усиливавшейся деградацией сельскохозяйственных угодий¹⁹. Известно, что одной из важнейших задач науки является сохранение почвенного плодородия, что обеспечивает производство продукции сегодня, завтра и в отдаленном будущем. Однако эта важнейшая задача в условиях ослабления регулирующей роли государства и господства рынка с его «волшебной рукой» оказалась нерешенной. По мысли ученых-почвоведов, «современный период реставрации капитализма в отделившейся и вновь огосударственной России, вернувшей частную собственность на землю, характеризуется глубоким кризисом сельского хозяйства, развалом четко отлаженной инвентаризации почв, уничтожением Гипроземов с их многолетними бесценными архивами, необходимыми для мониторинга, крушением или резким сокращением научно-исследовательских программ теоретического или прикладного характера, удалением из Земельного кадастра одной из главных его составляющих — качественной оценки почвенного покрова на базе объективных критериев, потерей целой армии специалистов-почвоведов, научных кадров, прозябанием без поддержки государства мощных, авторитетных на мировом уровне научно-исследовательских институтов»²⁰. Таким образом, господство рынка привело к тяжелейшему кризису в аграрной отрасли, серьезно ограничив научно-технический прогресс. В этих условиях в середине нулевых годов текущего столетия в научной среде формировались новые представления о развитии сельского хозяйства и его научного обеспечения. В основе этих представлений был отказ от «всесилия» рынка как главного регулятора научно-технического прогресса в сельском хозяйстве, признание «роли государства как координатора и стратега развития сельского хозяйства, экологической оптимизации природной среды и здоровья населения»²¹, а также необходимости обеспечения общего уровня доходности отрасли путем дотирования эффективных и перспективных сельскохозяйственных предприятий как важнейшего фактора развития сельского хозяйства²².

Были предложены следующие основные направления государственной поддержки производителей сельскохозяйственной продукции: компенсация 30—50% затрат на приобретение сельскохозяйственной техники и оборудования, минеральных удобрений и средств защиты растений, на внесение органических удобрений, проведение мелиорации земель, осуществление противоэрозионных мероприятий; компенсация 50% затрат на покупку семян высоких репродукций и племенных животных, осуществление мероприятий по развитию семеноводства и племенного дела; поддержка лизинговой деятельности — увеличение лизингового фонда, расширение номенклатуры средств в лизинге, установление более благоприятных условий лизинга и пр.²³

Исследуемая проблема высветила вопрос о роли историков и исторической науки в научно-техническом развитии страны, о важности

и необходимости использования прошлого опыта. В частности, поучителен пример использования хозрасчетных отношений в аграрной научно-производственной сфере в первой половине 1960-х годов. В декабре 1959 г. Министерством сельского хозяйства СССР был издан приказ «О порядке финансирования научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству». Согласно этому документу, ассигнования на научные исследования по сельскому хозяйству должны были поступать, во-первых, из областных, краевых, и республиканских бюджетов на разработку тем, имеющих региональное значение; во-вторых, за счет доходов от реализации производимой в опытных хозяйствах продукции; в-третьих, за счет средств, получаемых научно-исследовательскими институтами и опытными станциями от колхозов, совхозов, сельскохозяйственных органов за выполнение для них внедренческих работ по хозяйственным договорам; наконец, в-четвертых, за счет отчислений из союзного и республиканского бюджетов на разработку теоретических проблем, имеющих общесоюзное значение. Опытные станции должны были обеспечивать себя средствами за счет договоров и реализации товарной продукции опытных хозяйств на 50—60% от общих расходов на научную работу. Для зональных институтов этот показатель должен был составлять 30—40%. В несколько льготных условиях оказались всесоюзные и республиканские отраслевые институты, обязанные зарабатывать самостоятельно 15—20% от общей суммы расходов. Новый порядок финансирования аграрной науки преследовал цель повышения заинтересованности научных учреждений и ученых в результатах научной работы, их ответственности за рекомендованные производству приемы, приближение науки к конкретным нуждам сельскохозяйственной практики, сосредоточение финансовых средств на важнейших научных проблемах. Однако «хозрасчетная» реформа провалилась. Это произошло в силу целого ряда причин, но главная из них — плачевное состояние сельского хозяйства в СССР на рубеже 1950-х — 1960-х годов. Например, в Сибири в результате бессистемного освоения целины, насаждения так называемой пропашной системы земледелия резко сократилась урожайность, упали доходы в хозяйствах. В результате оказались невозможными необходимые выплаты по хозяйственным договорам. Безусловно, предшествующий хозрасчетный опыт мог бы насторожить ученых, и тогда бы переход к рыночным отношениям имел более осторожный и продуманный характер.

Таким образом, реализация упрощенно-рыночной модели привела к тяжелейшему кризису в аграрной отрасли, процессы научно-производственной интеграции были значительно ограничены, разрушались научно-производственные структуры, ученые были вынуждены заниматься не столько формированием новых горизонтов научно-технического развития отрасли, сколько оказывать «скорую помощь» сельскохозяйственным предприятиям в целях их «выживания». В этих условиях в научной среде формировались новые представления о развитии сельского хозяйства и его научного обеспечения, в которых государство призвано было выступить в роли главного координатора и стратега развития сельского хозяйства, а рыночным механизмам отводилась вспомогательная роль.

Примечания

1. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960—1980-е гг. Новосибирск. 1991, с. 213.
2. ТАРАСОВА М.Н., ЛАПТЕВА В.А. Внедрению научных достижений — четкую организацию. — Вестник сельскохозяйственной науки. 1980, № 6, с. 51.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГА НО), ф. 2076, оп. 1, д. 1631, л. 76.
4. НИКОНОВ А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII—X вв.). М. 1995, с. 550.
5. ТРЕЙСИ М. Сельское хозяйство и продовольствие в экономике развитых стран: Введение в теорию, практику и политику. СПб. 1995, с. 190.
6. Там же, с. 319.
7. Сельскохозяйственная практика: противоречия перестройки. М. 1989, с. 253.
8. МУРАЯ Л.С. Организация консультационного обслуживания фермеров за рубежом. Обзорная информация. М. 1995, с. 2.
9. ТРЕЙСИ М. Ук. соч., с. 274.
10. ГА НО, ф. 2076, оп. 1, д. 1631, л. 77.
11. Там же.
12. Российский государственный архив экономики, ф. 698, оп. 1, д. 24, л. 41—42.
13. Краткий отчет о работе Сибирского отделения РАСХН за 2003 год. Новосибирск. 2004, с. 102.
14. Краткий отчет о работе Сибирского отделения РАСХН за 2001—2005 гг. Новосибирск. 2006, с. 236.
15. Время Манякина. Воспоминания. М. 2011, с. 216.
16. Краткий отчет о работе Сибирского отделения РАСХН за 2001—2005 гг., с. 151.
17. Краткий отчет о работе Сибирского отделения РАСХН за 2003 год, с. 141.
18. Там же, с. 174.
19. МАМАЕВА Г.Г. Деградация сельскохозяйственных угодий России. — Аграрная наука. 1998, № 2, с. 10.
20. Материалы международной научно-практической конференции «Научное обеспечение развития агропромышленного комплекса стран Таможенного союза». 8—9 апреля 2010 года. Т. 1. Астана. 2010, с. 129.
21. Там же, с. 130.
22. Краткий отчет о работе Сибирского отделения РАСХН за 2001—2005 гг., с. 262.
23. Отчет о работе Сибирского отделения Россельхозакадемии за 2007 г. Новосибирск. 2008, с. 21.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201906Statyi05 ББК 63.3(2Р-6Д)5 / УДК
94/470(67/08)

Дагестанское общество после Кавказской войны: интеграция в общероссийское пространство

М. И. Абдулаева, Э. М. Далгат

Аннотация. В публикации предпринята попытка правильно расставить акценты и подвести баланс в соотношении положительных и отрицательных моментов сложного процесса складывания российского общеимперского пространства на примере вхождения Дагестана в состав Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, Дагестан, Кавказская война, интеграция, реформы, модернизация.

Abstract. There is an attempt in order to correctly place the accents and balance in the positive and negative moments in the complex process of the Russian imperial space with the example of Dagestan entry into the Russian Empire in this publication.

Key words: Russian empire, Dagestan, Caucasian war, integration, reforms, modernization.

Изучение и осмысление опыта интеграции отдельных областей Северного Кавказа в состав Российской империи представляет не только научный, но и практический интерес. Сегодня, как и в прошлом, регион, в силу своих природно-географических характеристик, находится в геополитическом фокусе различных государств, что требует от политики России особой гибкости, взвешенности и конструктивизма, а этого трудно достичь без опоры на положительный опыт многовекового взаимодействия.

Абдулаева Мадина Изамутдиновна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала. E-mail: mady.62@mail.ru; *Далгат Эльмира Муртазалиевна* — доктор исторических наук, заведующий отделом Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала. E-mail: elmira.dalgat@yandex.ru.

Abdulaeva Madina I. — candidate of historical sciences, senior researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center RAS. Makhachkala. E-mail: mady.62@mail.ru; *Dalgat Elmira M.* — doctor of historical sciences, professor, chief researcher of Department the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center RAS. Makhachkala. E-mail: elmira.dalgat@yandex.ru.

Складывание русско-дагестанских взаимоотношений представляет собой длительный и непростой процесс, с периодами взаимного притяжения и отторжения в зависимости от конкретной исторической ситуации.

Одним из важных, судьбоносных этапов в истории русско-дагестанских отношений является вхождение региона в состав Российской империи, которое юридически было оформлено Гюлистанским мирным договором в 1813 году. Однако фактически это стало реальностью после окончания многолетней Кавказской войны, когда в Дагестане появились и постепенно утвердились имперские институты управления, которые стали регламентировать практически все сферы жизнедеятельности дагестанского общества. Началась унификация всех структурных элементов управления в рамках единого пространства. Отныне все, что происходило в Дагестане, стало внутренним делом Российской империи.

Как справедливо отмечает ряд исследователей: «При включении крайне сложного в социокультурном и политическом отношении региона в состав Российской империи возникали неизбежные проблемы, связанные с организацией управления, культурным взаимодействием и др., которые разрешались с помощью комплекса мер, путь к осуществлению которых был непростым и порой драматическим»¹. Все это осложнялось еще и тем, что интегрировать надо было общество, только что вышедшее из состояния многолетнего кровавого противостояния.

Горные аулы, бывшие ареной боевых действий, особенно пострадали и нуждались в восстановлении, были нарушены экономические связи между ними, не говоря уже о производстве сельскохозяйственной продукции. Кавказская война оказала негативное влияние на социально-экономическую жизнь горцев, их морально-психологическое состояние, демографию.

Если в 1860 г. население Дагестана составляло, по официальным данным, 513 265 чел.², то спустя 26 лет оно увеличилось всего на 77 тыс. чел., то есть воспроизводство составляло 3 тыс. чел. в год³.

Впрочем, на уменьшение прироста численности населения оказала влияние не только Кавказская война, людские потери в которой до сих пор не получили должного освещения в исторической литературе, но и последовавшие за ней массовые миграционные процессы, которые охватили весь Северный Кавказ. Горцы покидали родину и отправлялись на постоянное жительство в Османскую империю. Особенно эти процессы затронули Западный Кавказ, где имело место насильственное выселение, и количество эмигрантов доходило, по разным подсчетам, до нескольких миллионов. Дагестанцы насильно не выселялись, поэтому цифры здесь значительно скромнее. По данным турецких авторов, из Дагестана в Османскую империю переселилось порядка 20 тыс. чел.⁴, большая часть которых эмигрировала на завершающем этапе Кавказской войны и после окончания военных действий.

Помимо прочих факторов, большую роль в миграционных настроениях сыграли причины нравственно-психологические, вытекающие из поражения в войне и связанные с неопределенными перспективами. Население будоражили слухи о предполагаемых рекрутских наборах, христианизации Кавказа, выдаче горянок замуж за русских, разоружении

всех горцев и т. п. Одним словом, общество находилось в состоянии фрустрации.

Важно помнить также, что во второй половине XIX в., когда закончилась Кавказская война и в Дагестане воцарилась русская администрация, он представлял собой традиционное общество. Все его население, кроме жителей г. Дербента, обитало в сельской местности, занималось сельскохозяйственным трудом и ремеслом. Во всех жизненных сферах доминировало религиозное сознание. В феодальных владениях господствовала авторитарная власть, в союзах сельских общинах управляла общинная верхушка.

Таким был Дагестан после окончания Кавказской войны — со своим жизненным укладом, сформировавшимся на протяжении веков, со своим представлением о том, что справедливо, а что нет, побежденный могущественным противником, но не утративший чувства собственного достоинства, поскольку на протяжении длительного времени мужественно отстаивал свою независимость.

В край, еще не остывший после войны, пришла новая власть — русская администрация. Перед ней стояла сложная задача — интегрировать вновь завоеванные земли Восточного Кавказа в империю. Но далеко не все высокопоставленные российские чиновники понимали, что длительная и кровопролитная Кавказская война оставила глубокие раны, для заживления которых требовалось время. Еще больше времени необходимо было, чтобы два мира, две культуры пришли к взаимопониманию, к компромиссу. У многих русских чиновников сложилось стойкое убеждение, что горцы упорно отказываются от навязываемых им новой властью порядков в силу своей дикости, они не признавали за этими народами права на свой особый, не похожий на русский, способ существования.

Во время Кавказской войны военными действиями был охвачен не весь Дагестан, а в основном только его горная часть, заселенная аварцами, и часть Чечни. «После войны, — пишет Л.С. Гатагова, — Россия проникла повсюду, население во всех участках Кавказа проявляло нервозность по поводу своей дальнейшей судьбы. Многие жители региона испытывали страх перед будущим, поскольку не понимали сути происходивших перемен. Традиционное, патриархальное сознание горцев подвергалось серьезным испытаниям»⁵.

Задачи, которые русская власть ставила перед собой на Кавказе, Александр II определил так: «После покорения, — говорится в его собственноручной записке, — остается лишь упрочить владычество 1) введением сколько возможно правильной справедливой администрации во вновь покоренных племенах, 2) прочным укреплением важнейших пунктов стратегических и 3) проложением надежных и во всякое время года удобных путей сообщения»⁶.

Комментируя эту записку А. А. Тахо-Годи писал: «Александр II предлагает в отношении горцев, подданных России, ту же политику, что была во время войны в отношении горцев-неприятелей... Ведь вся политика военная, во время борьбы, состояла в прокладке дорог, в укреплении стратегических пунктов. Неужели новая обстановка не могла внушить правительству новой мысли для умиротворения, внесения спокойствия и мирного порядка среди горцев»⁷.

К сожалению, большинство представителей русской власти в Дагестане — чиновники, военные, администраторы — своей политикой, обращением с народом затормозили его сближение с русскими государственными началами. «Дагестан, — отмечал писатель-публицист В.Л. Величко, — особенно при условии недостаточно вдумчивого и добросовестного управления им, надолго еще будет одним из опасных в политическом отношении мест нашей южной окраины»⁸. Эти слова во многом объясняют антиправительственные выступления дагестанцев в 60-е гг. XIX в. и особенно восстание 1877 года.

У дагестанцев накопилось много причин быть недовольными русской властью. Это и грубое, высокомерное отношение победителей к побежденным, и введение новых налогов, и захват общинных земель. Недовольство народных масс подогревалось агитацией духовенства, лишившегося при русских прежнего влияния и доходов, а также феодальной верхушки, отстраненной русской администрацией от управления феодальными владениями.

Как пишет Л.С. Гатагова, «восстание 1877 г. представляло собой отчаянную попытку части чеченцев и дагестанцев повернуть события вспять; изгнать со своей земли русскую власть, восстановить прежний уклад жизни. Эта была защитная реакция на навязываемые извне правила»⁹.

Но попытка была неудачной, восстание было подавлено. Наступил новый, относительно мирный этап в развитии Дагестана. Россия настойчиво интегрировала завоеванные земли в экономическое и культурное пространство империи. Дагестанцам пришлось адаптироваться к жизни в новых условиях. Постепенно они стали осознавать преимущества нахождения в составе большого, сильного государства. Из разноплеменных и разобщенных общин сформировался полиэтничный дагестанский народ, осознававший свое историческое родство и ценность собственного единства. Впервые дагестанцы оказались объединенными в рамках одной административной единицы — Дагестанской области, образованной российскими властями в 1860 г. в составе России.

Одним из важных векторов интеграции региона в состав России стала провозглашенная Петербургом политика, направленная на сближение русских с горцами. Ярким ее проявлением стало создание милиционных частей и конно-иррегулярных полков из горцев, которые принимали участие во всех внешних войнах, которые вела Российская империя.

В Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. непосредственно в боях на Кавказском фронте участвовало около 5 тыс. дагестанцев¹⁰. За проявленную доблесть дагестанские иррегулярные полки получили Георгиевское знамя «За взятие Карса 6 ноября 1877 г.» и знаки на головные уборы всадников с надписью «За отличие в Турецкую войну»¹¹.

Сотни горцев дагестанского конного полка принимали активное участие в Русско-японской войне 1904—1905 гг., откликнувшись на указ Николая II, в котором император призывал к сотрудничеству «желающих идти на войну с Японией из числа кавказских горцев, не несущих воинской повинности и из Дагестанского конного полка». Многие дагестанцы были удостоены различных орденов и медалей, особо отличившиеся стали георгиевскими кавалерами.

Вместе с другими россиянами дагестанцы в составе двух полков участвовали и в первой мировой войне 1914—1918 годов. Признав себя частью России, они не считали эту войну чужой. Дагестанские конные полки, один из которых находился в составе знаменитой «Дикой дивизии», с начала и до конца войны находились на самых сложных и ответственных боевых участках.

Надо сказать, что русская армия, насчитывавшая в своем составе разные рода войск и являвшаяся одной из сильнейших в Европе, не очень нуждалась в непрофессиональных формированиях. Однако инкорпорация горцев в российскую военную структуру демонстрировала единство империи, неразрывную связь Кавказа и России. К тому же горцы шли на военную службу вполне осознанно, защищая интересы того государства, в составе которого они находились, и их религиозные чувства не играли определяющей роли.

В процессе совместного нахождения в составе воинских формирований представителей различных этносов и конфессий укреплялся процесс их взаимного познания, культурного влияния друг на друга. Этому способствовало и военное образование. Горцы учились в кадетских корпусах и других военных учебных заведениях России. Дети из знатных семей служили в Собственном Его Императорского Величества Конвое — самом элитарном воинском подразделении царской России. Возвращаясь на родину, они занимали посты в различных управленческих структурах и оказывали сильное влияние на своих земляков. Стала формироваться местная интеллигенция, которая преимущественно была военной.

Происходил процесс взаимного обогащения в области материальной культуры, быта, языка и т. д. Причем этот процесс стихийно складывался и во время Кавказской войны. Русские офицеры, служившие в конных полках вместе с горцами, привнесли в их жизнь элементы европейской и русской культуры. В свою очередь русские и казаки много позаимствовали у горцев в процессе военного, а затем мирного взаимодействия. «Многие казаки переняли у горцев форму одежды, архитектуру домашних построек, хозяйственную практику и даже психологию. Близкое соседство сблизило их обоюдными заимствованиями (военные игры: скачки, джигитовка, выправка и многие другие приемы наездничества)»¹².

Процесс взаимного познания и заимствования усилился в мирное время, чему в большой степени способствовала проводившаяся царизмом политика переселения русского населения на Кавказ, которое принесло с собой более усовершенствованные орудия труда, методы обработки земли, новые сельскохозяйственные культуры, элементы капиталистического хозяйствования, сделав все это достоянием местного населения. «Влияние в сфере производства, — отмечал известный кавказовед В. Г. Гаджиев — неизбежно вызывало сдвиги в культуре народов Дагестана, сказывалось на всем образе жизни горцев. В результате общения с русским народом вместо векового очага, низкого трехножного стола постепенно в доме горца стали появляться русская печь, кровать, высокий стол, стулья, самовар, фарфоровая и фаянсовая посуда, зеркала, часы, керосиновая лампа и другие бытовые предметы»¹³.

Мощный прорыв в развитии образования и культуры в Дагестане связан с открытием светских школ, вниманием к местным языкам, про-

никновением изделий фабрично-заводской промышленности. В обиходе городских жителей все большее распространение получала русская городская одежда. Как резонно отмечал В.В. Черноус: «В результате трансплантации в Северокавказскую культуру российского просвещения и русской национальной культуры усложняется структура горской культуры, в которой наряду с традиционалистским ядром развивается образование, наука, литература, искусство и другие отрасли модернизационной культуры, пришедшие из России и оттеснившие влияние восточного культурного накала на второй план»¹⁴.

Став частью Российской империи, горный край активно включился в систему общероссийского капитализма. Большие изменения происходили во всех сферах жизни дагестанцев: экономической, социальной и культурной. Развитию модернизационных процессов в экономике Дагестана способствовали реформы, приспособлявшие край к нуждам метрополий. Были ликвидированы независимые феодальные владения, отменено рабство, получили свободу несколько десятков тысяч зависимых крестьян. Именно в этот период, как отмечают северокавказские ученые, «проявилась историческая роль России на Северном Кавказе»¹⁵.

Огромное значение для модернизации экономики области имела коренная перестройка транспортных путей, позволившая организовать вывоз из Дагестана местной продукции и привоз в область фабрично-заводских товаров. В пореформенный период интенсивно шло строительство грунтовых, шоссеиных дорог, мостов. Активно функционировали морской порт в Петровске, гавань в Дербенте. В 90-е гг. XIX в. через приморскую часть Дагестана прошла Владикавказская железная дорога, послужившая мощным толчком для развития товарных отраслей сельского хозяйства, в частности, хлебопашества. Этот процесс активнее всего шел в Темир-Хан-Шуринском округе, где крестьянская реформа 60-х гг. XIX в. была проведена более последовательно: крестьяне получили землю и были освобождены от феодальной зависимости. В Темир-Хан-Шуринском и Хасавюртовском округах в крестьянских хозяйствах широко использовались фабричные сельскохозяйственные орудия труда. Зерно, произведенное в этих округах, реализовывалось на внутреннем рынке Дагестана, а излишки хлеба из Хасавюртовского округа вывозились за пределы Северного Кавказа.

Товарный характер приобрела и другая отрасль сельского хозяйства — животноводство. С каждым годом увеличивалось количество продаваемого скота и продукции животноводства — сырое и сушеное мясо, масло, сыр, шерсть, шкуры. Продукция животноводства вывозилась из Дагестана в 18 губерний России. Если в 1902 г. скота и животноводческой продукции было продано на сумму 708 821 руб., то в 1909 г. — уже на 1 076 252 руб., то есть на 52% больше.

Статус городов получили русские военные укрепления Петровск и Темир-Хан-Шура. Наряду с древним Дербентом они стали играть большую роль в торгово-экономическом развитии Дагестана. В городах появились промышленные предприятия. Первой из них стала краповая фабрика, открывшаяся в Дербенте в 1863 г., на которой перерабатывали корни красящего растения марены. Она проработала до середины 70-х гг. XIX в. и закрылась после распространения в Европе химического кра-

сителя ализарина, конкурировать с которым не смогла. В самом конце XIX в. в Петровске начала работать крупнейшая на Северном Кавказе хлопчатобумажная фабрика «Каспийская мануфактура». На ней из среднеазиатского хлопка изготовляли бязь, которая пользовалась большим спросом в Иране, Средней Азии, поскольку была дешевой и прочной.

В городах области в начале XX в. насчитывалось несколько десятков небольших заводов. Это были табачные фабрики, пивоваренные, гвоздильный, винокуренные, консервные заводы, бондарные мастерские и т. д.

Определенное развитие получила горнодобывающая промышленность. В Кайтаго-Табасаранском округе около селений Берикей, Джемикент, Башлы добывали нефть. Разрабатывались также месторождения серы, ртуты. Однако развитию горнодобывающей промышленности мешали слабая геологическая изученность недр и нерешенность земельно-правового вопроса.

В Дагестане в озере Турали, принадлежавшем шамхалу Тарковскому, и в селениях Конхидатль и Нижнее Энхело Андийского округа добывали соль.

Проведение через территорию Дагестана железной дороги способствовало бурному развитию рыбной промышленности, появлению большого количества бондарных мастерских. Крупными рыбопромышленниками, арендовавшими промыслы на дагестанском побережье Каспийского моря, были астраханский купец К. П. Воробьев, бакинский предприниматель Г. З. Тагиев и др. На сельдяных промыслах в сезон собирались тысячи рабочих. Рыба по железной дороге отправлялась в другие регионы страны.

Модернизационные процессы затронули и такую традиционную отрасль экономики Дагестана как кустарные промыслы. В конце XIX — начале XX в., с появлением фабрично-заводской продукции, спрос на некоторые виды кустарных изделий падал, другие пользовались большим спросом. С расширением рынка сбыта увеличился спрос на дагестанские ковры, холодное оружие, бурки для кавказской армии и т. д.

Присоединение к России дало толчок развитию культуры. В городах и крупных селах были открыты светские школы, в вузах империи появились вакансии для горцев. В Дагестане формировалась светская интеллигенция — врачи, юристы, инженеры.

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. во всех отраслях экономики, а также в сфере культуры Дагестана наблюдались модернизационные процессы. Где-то они шли энергично, где-то медленно. Наряду с традиционными сферами экономики — сельским хозяйством, ремесленным производством — возникли новые отрасли промышленности: рыбная, консервная, текстильная, табачная, винокуренная и т. д. Этому способствовали мероприятия российских властей в Дагестане: крестьянская и административная реформы, строительство дорог и мостов, морского порта в Петровске, Владикавказской железной дороги, открытие светских школ.

«XIX век вошел в историю Кавказа как век величайших исторических драм, духовных исканий и нравственных переживаний его народов, как век России, время кардинальных перемен политических ориентаций

и внутреннего переустройства края»¹⁶. Вхождение в состав России свело на нет многовековые претензии Турции и Ирана на обладание регионом, избавив его народы от внешней угрозы, и дало шанс на мирное, стабильное развитие, модернизацию во всех сферах жизни, сделав Кавказ органичной и неотъемлемой частью Российской империи.

Примечания

1. ДУДАРЕВ С.А., ДУДАРЕВ Д.С., КТИТОРОВА О.В., ЦЫБУЛЬНИКОВА А.А. Проблемы интеграции этнических сообществ в состав Российского государства и пути их решения. Армавир. 2014, с. 8.
2. КОЗУБСКИЙ Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура. 1895, с. 50.
3. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией (К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России). Махачкала. 2009, с. 160.
4. НАВИСОГЛЫ В. Kafkasyadan Anadolya göçler. Istanbul. 1993, s. 85.
5. ГАТАГОВА Л.С. Северный Кавказ в период поздней империи: природа насилия 1860—1917 гг. М. 2016, с. 130—131.
6. ТАХО-ГОДИ А.А. Восстание Чечни и Дагестана в 1877 году. В кн.: Научное наследие А.А. Тахо-Годи. Махачкала. 2006, с. 220
7. Там же.
8. ВЕЛИЧКО В.П. Кавказ, русское дело и междуплеменные вопросы. СПб. 1904, с. 233.
9. ГАТАГОВА Л.С. Ук. соч., с. 248.
10. АКИЕВ Х.А. Участие дагестанских конно-иррегулярных полков и пеших дружин в русско-турецкой войне 1877—78 гг. В кн.: Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Махачкала. 1999, с. 114
11. КОЗУБСКИЙ Е.И. История Дагестанского конного полка. Петровск. 1909, с. 290.
12. АКИЕВ Х.А. Народы Северного Кавказа в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Магас. 2009, с. 104.
13. ГАДЖИЕВ В.Г. Роль России в истории Дагестана. М. 1965, с. 319.
14. ЧЕРНОУС В.В. Российская идентичность на Кавказе: вызовы и ответы XXI в. В кн.: Россия и Кавказ: история и современность. Владикавказ. 2005, с. 133.
15. ГАПУРОВ Ш.А., БУГАЕВ А.М., ГАЦИЕВА Т.И. Социально-экономическое развитие Северного Кавказа в последней трети XIX в.: основные тенденции. В кн.: Социально-экономическое и политическое развитие народов Северного Кавказа XIX — начала XX вв. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию д.и.н. проф. А.И. Хасбулатова. Грозный. 2017, с. 13.
16. ОГАНЕСЯН А.Ж., МАГОМЕДХАНОВ М.М. Кавказский дом: история и реалии. — Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015, № 4, с. 70.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201906Statyi16 ББК 63.3(2)5

Изменение экономического положения крестьян Воронежской губернии в конце XIX — начале XX в.

ЯНГ СЫН ЧЖО

Аннотация. В публикации рассматривается экономическое положение крестьянства Воронежской губернии с применением анализа государственных и земских статистических данных. Отмечается, что с 1877 по 1905 г. в Воронежской губернии крестьяне страдали от нехватки земли, поэтому для решения этой проблемы им необходимо было брать в аренду частные земли, большинство которых были дворянскими.

Ключевые слова: крестьянство в Российской империи, Воронежская губерния, крестьянское землевладение, крестьянское землепользование, дифференциация крестьянства.

Abstract. The purpose of this publication is to examine the economic situation of the Russian peasantry in the Voronezh province in the late 19th — early 20 centuries. In this study we analyzed various types of statistical data and consequently reached several conclusions as follows. In 1877—1905 peasants in the Voronezh province suffered from land hunger, and therefore to solve this problem they had to lease land from landowners, many of which owned by nobility.

Key words: peasantry in the Russian Empire, Voronezh province, peasant land tenure, peasant land use, differentiation of the peasantry.

О проблеме, как определять крестьянское общество России конца XIX — начала XX в., активно говорят не только в бывших советских и российских, но и в западных научных кругах. В советское время изучение крестьянства, в основном, было ориентировано на раскрытие темы капитализации деревни и аргументацию дифференциации среди крестьян. В этих исследованиях утверждалось, что экономическое положение большинства крестьян было неудовлетворительным, части из

Янг Сын Чжо — кандидат исторических наук, доцент Института гуманитарных наук Университета Сунгсиль. Сеул. Республика Корея. E-mail: igory21@gmail.com.

Yang Seung Jo — PhD (History), assistant professor at the Institute of Humanities at Soongsil University. Seoul. Republic of Korea. E-mail: igory21@gmail.com.

них — более или менее стабильным, и лишь некоторые успешно управляли хозяйством по капиталистическому методу ¹. Что касается западных исследователей, то до 1980-х гг. они также считали, что для крестьян период индустриализации являл собой процесс обнищания ². С конца 1980-х гг. для работ по аграрной истории стала характерна более сдержанная оценка уровня развития капитализма в сельском хозяйстве России конца XIX — начала XX в., и выводы советских авторов в настоящее время подвергаются критическому анализу и переосмыслению ³.

Несмотря на то, что в конце XIX в. в России промышленность быстро развивалась, она оставалась сельскохозяйственной страной. Даже в конце XIX в. к городскому населению принадлежало не больше трех десятых всех жителей страны. По данным переписи 1897 г., крестьяне составляли 77,1% населения империи и 84,2% населения Европейской России ⁴.

С XVIII в. в стране старались развивать и распространять новые агротехнические приемы в земледелии, но без особых успехов. В сельском обществе требовались коренные изменения. И как следствие этих требований, согласно Манифесту от 19 февраля 1861 г., крепостное право было отменено. В результате около 20 млн. крестьян освободилось от крепостной зависимости, и в деревне начались новые отношения.

Однако несмотря на то, что после крестьянской реформы возник новый порядок и в конце XIX в. промышленность стала стремительно развиваться, жизнь и социальный статус крестьян не слишком изменились. В данной публикации будет проанализирована статистика, связанная с экономическим положением крестьянских хозяйств Воронежской губернии в конце XIX — начале XX века.

Для того, чтобы объяснить это положение, необходимо учитывать такие факторы, как распределение земли по категориям пользования, система земледелия и наличие рабочего скота.

Таблица 1 ⁵

Распределение земли в Воронежской губ. по угодьям (в десятинах)

Категории земли	1866*	1877	1881	1887
Пахотная	3 675 000	3 836 198	4 046 024	4 086 405
Лес	556 000	—	510 632	461 582
Луг, выгон и т.п.	1 120 000	—	949 933	961 389
Неудобная	750 000	—	358 364	344 480
Итого	6 101 000	—	5 864 953	5 853 856

* 1866 г.: неудобная — это усадебная, выгонная, сенокосная земля.

Прежде всего, следует отметить, что общая площадь пахотной земли увеличивалась, а площадь земель, определяемых, как лес, луг, выгон и т.п. уменьшалась. Так как в Воронежской губ. еще до 1866 г. большинство лесов было распахано, то увеличение пахотной земли означало уменьшение лугов, сенокосов и выгонов. По сравнению с данными 1866 г. площадь пастбищ в 1887 г. сократилась на 14,5%. Кроме того, в данных 1866 г. в площадь неудобной включена выгонная земля. Следовательно, доля сокращения пастбищ в 1887 г., по сравнению с данными 1866 г., была еще

больше. Постоянный земельный голод заставлял крестьян искать всевозможные источники расширения посевных площадей. В сферу активно используемых сельскохозяйственных угодий вовлекались имевшиеся в наделах неудобные, нераспаханные, целинные и заброшенные земли, луга, пастбища, лесные массивы. Рассматривая более детально эту ситуацию, можно увидеть, что в Воронежской губернии площадь пахотной земли постоянно увеличивалась, а площадь пастбищ и лесов постоянно уменьшалась.

Таблица 2 ⁶
Распределение частных земель* в Воронежской губ. (в десятинах)

Категория земли	1877	1881	1887
Пахотная	830466	1 130 852	1 105 917
Лес	—	152 407	121 352
Луг, выгон и т.п.	—	346 600	326 728
Итого	1 642 433	1 629 859	1 553 997
Неудобная	—	118 070	92 048
Всего	—	1 747 929	1 646 045

* Сюда не включены земли крестьянских обществ и товариществ.

Как показывает Таблица 2, с 1877 по 1887 г. общая площадь частных земель в Воронежской губ., исключая земли, отмеченные как «неудобные», уменьшалась, однако количество пахотных земель у землевладельцев увеличивалось. Кроме того, в течение 10 лет сокращалась площадь пастбищ. В результате, в Воронежской губ. с 1877 по 1887 г. доля пахотных земель у землевладельцев постоянно росла, а лугов и выгонов в общей площади земли была более или менее ровной.

Главной причиной уменьшения площади лесов являлся демографический взрыв второй половины XIX века. Увеличение населения привело к уменьшению средней площади пахотных земель и пастбищ на один крестьянский двор и на душу населения. Как следствие, многие десятины лесов были распаханы. Кроме нехватки пахотных земель и пастбищ, рост населения привел к необходимости вырубки лесов для нужд строительства жилья и его отопления. Поэтому крестьянам пришлось арендовать не только земли для земледелия, но также и лесные угодья.

Таблица 3 ⁷
Расположение частных земель по сословиям (в десятинах)

Кат. земли	1877 г.				1887 г.			
	дворяне	купцы	мещ.	крест.	дворяне	купцы	мещ.	крест.
Пашня	687 672	77 484	9 559	52 226	863 711	127 242	12 153	9 4207
Лес	—	—	—	—	89 701	22 474	1 910	6 362
Луг, выгон	—	—	—	—	195 474	33 054	1 772	8 566
Ост. удобн.	—	—	—	—	71 791	5 467	467	8 480
Всего	1 378 937	177 660	13 386	67 530	1 220 677	188 237	16 302	117 615
Неуд.	—	—	—	—	71 135	12 502	1 094	6 821
Итого	—	—	—	—	1 291 812	200 739	17 396	124 436

Таблица 3 показывает структуру земельного состава частных земель. Прежде всего, площадь пахотной земли во всех сословиях увеличивалась, особенно у дворян, несмотря на уменьшение общего количества земель. Однако это не означает увеличения доли непосредственно обрабатываемых пахотных площадей во всех сословиях. В 1887 г. в Воронежской губ. из общего количества частной земли в 1 646 045 дес., 565 947 дес. (30,7%) были сданы в аренду: у дворян — 506 018 дес. (39,2%), у купцов — 27 445 дес. (14,6%), у мещан — 5158 дес. (31,6%), у крестьян — 24 358 дес. (20,7%)⁸.

Следует отметить, что структуры землепользования у дворян и у купцов были разные. Другими словами, дворяне из 100 дес. своих собственных земель сдавали в аренду 30—35 дес., а купцы — меньше 15 десятин. Это означает, что по сравнению с дворянством купечество более активно управляло своими земельными фондами. Кроме того, учитывая то, что площадь дворянских земель составляла более двух третей частных земель, можно сделать вывод, что большинство сдаваемых в аренду земель принадлежало дворянскому сословию. В Воронежской губ. из общей площади сдаваемой в аренду земли дворянский земельный фонд составлял 77,9%⁹.

Таблица 4¹⁰
Распределение надельных земель (в десятинах)

Категория земли	1877	1881	1887	1893***
Пахотная	2 934 794	2 867 275	2 883 506	2 638 096
Лес	—	230 553	202 858	—
Луг, выгон и т.п.	—	594 698	586 001	487 906
Итого 1*	—	3 461 973	3 469 507	3 126 002
Итого 2**	3 766 228	3 692 526	3 672 365	—
Неудобная	—	231 386	244 351	—
Всего	—	3 923 912	3 916 716	—

* без площади лесов

** с площадью лесов

*** без земель крестьянских обществ и товариществ

Изучая сведения, представленные в Таблице 4, можно увидеть, что в Воронежской губ. общая площадь использовавшейся крестьянами земли постоянно уменьшалась. Тем не менее, доля пахотной земли увеличивалась, и, следовательно, доля лугов, выгонов и лесов сокращалась.

В 1893 г. площадь пахотной земли и пастбищ заметно уменьшилась. Причиной этого явления стал неурожай 1891 года. В том году в Воронежской губ. недобор всех хлебов достиг 69% против среднего урожая 1883—1887 годов. Вследствие этого среди 50 губерний Европейской России Воронежская губ. по этому показателю заняла второе место после Оренбургской¹¹. В Воронежской губ. даже зажиточные крестьянские семьи с трудом пережили этот год. Например, хозяйство М. А. Конопкина из села Старая Тойда Бобровского уезда было довольно стабильным и даже зажиточным, но, тем не менее, «по случаю плохих урожаев хлеба в 1891 и 1892 годах подати не вносились совсем, почему и образовалась недоимка, погашавшаяся потом с каждым годом»¹².

Не только в XVIII, но и во второй половине XIX в. в черноземной полосе «господствующей» являлась «паровая система земледелия в ее варианте трехпольного севооборота»¹³. В 1876 г. А. В. Советов обратил внимание на то, что «черноземная полоса, несмотря на совершившиеся в ней в последние годы перемены, в общем еще удержала прежние формы земледелия, а именно: в центральных губерниях трехпольную, а на юге переложную»¹⁴. Трехпольную систему составляли «два действующих поля — озимое и яровое — и поле “отдыхающее”, где почва прела, т. е. парилась и, подвергаясь обработке пахотными орудиями, умягчалась (поскольку после зерновых культур земля “твердела”), освобождаясь от “дикой травы”. Период пара использовался и для внесения удобрений — в народной практике XVIII в. это был по-прежнему навоз. В условиях последовательной смены функций каждого из трех полей размеры их должны были быть примерно равными»¹⁵. По сравнению с перелогом, залежью и подсекой, трехпольная система, поддерживая плодородие почвы, позволяла обрабатывать больше земель, однако, тем не менее, значительное количество пашни не использовалось. Кроме того, для сохранения плодородия почвы, паровое поле требовало удобрения, что могло сделать не всякое хозяйство.

В Воронежской губ. доля посева в площади пахотных угодий у крестьян составляла 65,2% в 1887 г. и 58,1% в 1893 г.; доля пара, залежи и т. п. — 31,6% в 1887 г. и 37,6% в 1893 г., а доля сенокоса — 3,3% в 1887 г. и 4,3% в 1893 году¹⁶. Эти данные подтверждают, что: во-первых, до конца XIX в. земли обрабатывали по паровой системе с трехпольным севооборотом, вследствие чего 30—40% пахотных угодий оставались под паром. Во-вторых, крестьяне страдали от нехватки сенокосов, с помощью которых можно было содержать скот, в том числе рабочих. Так как «для хозяйства Конопкина общественных пастбищ мало и корма их неудовлетворительны», то «сенокос всегда берется в аренду за недостатком общественного»¹⁷.

Уже в XVIII в. предлагались более прогрессивные системы земледелия, то есть так называемые 4-польная и 7-польная системы разделения полей, которые в дальнейшем были модернизированы травосеянием¹⁸. Однако несмотря на отдельные попытки развития земледелия путем перехода к более рациональной системе с использованием травосеяния, обдуманного чередования сельскохозяйственных культур с учетом их химического состава и влияния на почву, в крестьянском хозяйстве черноземных районов во второй половине XIX в. трехполье преобладало, а внедрить новые методы земледелия еще не удалось.

Главной причиной этого являлся консерватизм крестьян. Л. В. Милов характеризует его так: «Русское крестьянство, осваивая бескрайние земельные просторы Восточноевропейской равнины, на каждом этапе развития общества получало в области земледелия уровень урожайности основных сельскохозяйственных культур, явно несоизмеримый с громадной массой вложенного труда. Это издавна побуждало крестьянина к максимальной осторожности в “технологии” сельскохозяйственной практики, т. е. делало его еще более приверженным традиции и обычаю в области агрикультуры, заставляло его в стремлении к росту прибавочного продукта идти преимущественно лишь по пути постоянного расшире-

ния производственных площадей. В этом, на наш взгляд, кроется объективная обусловленность преобладания экстенсивного пути в развитии земледелия, которое в период феодализма в конечном счете приводило к освоению и вовлечению в орбиту агрикультуры громадных земельных пространств, что само по себе имело исторически прогрессивное значение. В этом состоит противоречивая диалектика развития русского земледелия»¹⁹. Дело в том, что консервативный взгляд русского крестьянства на сельскохозяйственную технику продолжал существовать и в XIX веке. Отличие состояло в том, что раньше «русское крестьянство постоянно сталкивается с необходимостью более или менее регулярного забрасывания старых, выпаханных, и освоения новых земель»²⁰, а в XIX в., когда уже не было свободных земель, крестьянам пришлось пользоваться другими способами, то есть арендой земли²¹.

Ф.А. Щербина, анализируя экономическое положение крестьян Воронежской губ., разделил крестьянские хозяйства на 5 групп: бедные, малоимущие, средние, зажиточные и богатые. К первой группе он отнес безземельные хозяйства, ко второй — имеющие на двор до 5 дес., к третьей — от 5 до 15 дес., к четвертой — от 15 до 25 и к пятой — свыше 25 дес. (по Острогожскому уезду к четвертой — от 15 до 30 дес. и к пятой — свыше 30 дес.)²². Из 316 405 крестьянских хозяйств Воронежской губ. первая группа составляла 11 610 хозяйств или 3,7%, вторая — 73 573 хозяйства или 23,3%, третья — 153 602 хозяйства или 48,5%, четвертая — 56 809 хозяйств или 18,0% и пятая — 20 811 хозяйств или 6,6%²³. Иначе говоря, согласно данным Щербины, в Воронежской губ. дворы бедных крестьян составляли меньше 30%, почти половина дворов относилась к средним крестьянам и почти 25% — к зажиточным и богатым.

Щербина анализирует изменение экономического положения крестьян за предшествующие переписи 10 лет по четырем уездам Воронежской губ.: Бобровскому, Новохоперскому, Бирюченскому и Валуйскому. В этих уездах бедные крестьянские дворы составляли 3,9%, малоимущие — 30,3%, средние — 48,3%, зажиточные — 13,3%, богатые — 4,2%. То есть доля бедных была больше, чем в общем по губернии, а зажиточных и богатых — меньше. Автор смог проследить экономические изменения для 77 447 дворов или 68,2% из общего числа крестьянских хозяйств четырех уездов.

Прежде всего следует сказать, что в течение 10 лет доля хозяйств, чье положение ухудшилось, достигала более половины от общего числа, а тех, чье положение улучшилось, — меньше 10%. Переходя к бедным, заметим, что доля тех, чье положение ухудшилось, увеличилась, а тех, чье положение улучшилось, — сократилась, а вот среди богатых ситуация была противоположной. Таким образом, можно предположить, что в конце XIX в. большинство крестьянских дворов страдало от ухудшения своего экономического положения.

Более того, ситуация с крестьянами была еще хуже, чем предполагает Щербина. К. Каутский, изучая аграрный вопрос в России конца XIX в., указывал, что хозяйства, имевшие 8—9 га (приблизительно 7,3—8,2 дес.), не могли сохранить свою самостоятельность и стать рентабельными, не занимаясь промыслами²⁴. По мнению Ю. Янсона, в черноземных районах средней крестьянской семье из 6 чел. для про-

живания нужно было иметь 10 дес. наделных земель²⁵. Однако согласно данным Щербины, к средним относятся хозяйства, располагавшие 5—15 дес. наделных земель. Следовательно, часть хозяйств, которые Щербина определяет как «средние», могли принадлежать к группе бедных или «малоимущих».

Надельный фонд земель составлял главную материальную основу крестьянского хозяйства. В рассматриваемый период наблюдался значительный рост дворов крестьян-домохозяев, число которых с 1858 по 1897 г. по Воронежской губернии увеличилось в среднем более, чем на 100%²⁶. Крестьяне расширили распашку сенокосов, пастбищ, залежей и истребление лесов. Поскольку количество земель, которыми они могли пользоваться, было ограничено, а население и число дворов крестьян постоянно увеличивались, процесс обезземеливания крестьянства Черноземья был масштабным.

По данным подворных земских переписей 80-х гг. XIX в., малоземельных крестьянских дворов, имевших наделы меньше 5 дес., в Воронежской губернии насчитывалось 85 183 или 26,9%, в том числе 11 610 безземельных, или 3,7% от общей численности хозяйств земледельческого сословия²⁷. Крестьяне этой категории держали также недостаточное для жизни семьи количество наделных земель. Кроме того, для большинства малоземельных крестьянских хозяйств становилась недоступной и аренда частновладельческой земли, потому что «благодаря громадному спросу на аренду земли арендная плата на столько повышена, что арендаторы не всегда выручают даже затраченные суммы, не говоря уже о времени и труде»²⁸. В такой ситуации основными средствами существования и выживания бедных крестьянских семей становились батрачество и поденщина. Беднейшие представители земледельческого сословия, сдавая свои наделы в аренду частями или полностью, уходили на заработки.

Крестьяне искали работу у зажиточных односельчан или землевладельцев. Но возможность найма в зажиточных крестьянских хозяйствах региона оставалась ограниченной, а количество крестьян, желавших стать батраками и поденщиками, росло. Следовательно, цена рабочих рук падала. С 1883 по 1892 г. в Воронежской губ. средняя поденная плата рабочим была ниже, чем в остальных 50-и губерниях Европейской России²⁹. Для того, чтобы остановить тенденцию падения цены наемной рабочей силы, крестьяне в Тамбовской губ. действовали двумя способами: фиксировали цены работ и прогоняли соперников из других сел³⁰.

В таких обстоятельствах многие крестьяне уходили на заработки на юг. Иногда они доходили до «Черноморской губернии», то есть «от Новороссийска до Сухума и далее в Батум»³¹.

Уровень сельскохозяйственного производства во многом был обусловлен количеством и качеством живого инвентаря, состоявшего из рабочего и крупного рогатого скота. Для анализа вопроса о численности поголовья лошадей в изучаемый период можно обратиться к материалам всеобщей конской переписи. Поскольку целью этой переписи было обследование числа лошадей как военного ресурса, их исчисление производилось по спискам не только крестьян, но и землевладельцев³³.

Таблица 5 ³²

Число владельцев и лошадей, кол. лошадей на 100 чел. и на кв. версту

Гг.	Владельцы лошадей		Лошади				Число лош. на 100 чел.	Число лош. на кв. версту *
			Рабочие (5 л. и старше)		Всего			
	Число	% к 1888	Число	% к 1888	Число	% к 1888		
1856	—	—	—	—	491 304	81,4	26,7	8,5
1864	—	—	—	—	562 000	93,1	29,0	9,7
1882	—	—	378 983	91,2	561 370	93,0	23,1	9,7
1888	238 308	100,0	415 361	100,0	603 929	100,0	22,7	10,4
1893	199 537	83,7	291 356	70,1	418 318	69,3	15,1	7,2
1899	265 193	111,3	367 638	88,5	619 780	102,6	23,2	10,7
1900	—	—	—	—	566 000	93,7	—	9,8
1905	284 230	119,3	381 192	91,8	658 211	109,0	21,4	11,4

* Воронежская губ.: 57 902 кв. версты.

Таблица 6 ³⁴

Число владельцев и лошадей

Сословия	1888		1893		1899		1905	
	влад.	лошади	влад.	лошади	влад.	лошади	влад.	лошади
Дворяне	1275	23 226	1073	20 121	1147	22 813	966	22 637
Духовенство	1896	4596	1437	3279	1728	4091	1480	3372
Купцы	653	7905	572	6998	598	6414	318	5828
Мещане	1625	4037	975	2649	1238	3373	773	2661
Крестьяне	1086	3958	820	3847	1591	6132	2209	10 804
Общество и учреждение	113	1483	67	2147	152	3676	385	2194
Прочие сословия	608	1762	537	2090	637	3713	3198	8256
Всего	7256	46967	5481	41 131	7091	50 212	9329	55 752

Абсолютные значения общего числа лошадей в Воронежской губ. в течение второй половины XIX — начала XX в. существенно колебались в отдельные годы. До 1893 г. число лошадей обнаружило легкую тенденцию к росту, а потом резко упало. После 1893 г. их количество, возмещая потери, увеличивалось. Число лошадей рабочего возраста (старше пяти лет) находилось в такой же тенденции. То есть из-за неурожая 1891 г. в 1893 г. число владельцев и лошадей значительно уменьшилось, тем не менее, основная тенденция в Воронежской губ. с конца XIX до начала XX в. была в сторону увеличения числа владельцев и лошадей.

Еще одной характеристикой, которую дает таблица 6, является то, что число владельцев и лошадей у духовенства, купечества и мещанства постоянно уменьшалось. Структура владения лошадьми у дворян отли-

чалась от других сословий. Число владельцев у дворян уменьшалось так же как в первых трех сословиях, а число лошадей не сокращалось. Только у крестьян число владельцев и лошадей постоянно росло.

Наконец, в 1905 г. количество как владельцев, так и лошадей у прочих сословий неестественно резко выросло. Это произошло потому, что был наплыв из внешних источников. Можно предположить, что наплыв был или из других сословий той же губернии, или из сословий других губерний. Последнее предположение можно считать маловероятным, потому что, с одной стороны, резкое увеличение произошло не только в Воронежской, но и в других черноземных губерниях. С другой стороны, общее число владельцев и лошадей в Воронежской губернии увеличилось сравнительно естественно. Таким образом, остается внутренняя причина. В Воронежской губ. уменьшение числа владельцев у купечества и мещанства в 1905 г. было более стремительным, чем уменьшение числа лошадей. Кроме того, в дворянстве число владельцев сокращалось, но количество лошадей росло. Это говорит о том, что в этих сословиях число малолошадных владельцев снижалось, а число многолошадных росло. В сущности, среднее число лошадей на одного владельца у дворян с 1888 по 1905 гг. увеличивалось, особенно сравнительно резко оно выросло в 1905 году. В отличие от этого, можно считать, что в 1905 г. число малолошадных владельцев в остальных сословиях увеличивалось. Это свидетельствует о том, что, во-первых, пропорция увеличения числа владельцев в остальных сословиях была меньше, во-вторых, с 1888 по 1899 г. среднее число лошадей на одного владельца увеличивалось, а с 1899 по 1905 г. резко уменьшалось. То есть, какие-то малолошадные группы, которые раньше принадлежали к дворянству, купечеству и мещанству, в 1905 г. перешли в категорию прочих сословий.

Таблица 7 ³⁵

Число крестьянских дворов и лошадей в них в Воронежской губ.

Годы	Число хозяйств				Число лошадей	
	Лошадных	Безлошадных	% безлош.	Всего	Раб.	Всего
1882	212 960	—	—	—	—	525 061
З.П.П.	243 294	73 111*	23,1	316 405	418 021	559 490
1888	231 052	79 914	25,7	310 966	382 892	556 962
1893	194 056	133 139	40,7	327 195	265 020	377 187
1899	258 102	99 601	27,8	357 703	337 164	569 568
1905	274 901	98 227	26,3	373 128	348 950	602 459

* Число хозяйств без рабочего скота, т. е. без лошадей и волов.

Таблица 7 показывает, что в конце XIX — начале XX в. в изучаемых губерниях бедность была широко распространена среди крестьян. Не говоря о данных 1893 г., в остальные годы в Воронежской губ. 23—30% крестьянских дворов в общем числе было безлошадными. Иными словами, почти одна треть или одна четверть крестьянских дворов не имела ни одной лошади. Кроме этого, в то время как общее число лошадей в 1905 г. достигло показателей 1888 г., количество рабочих лошадей в 1905 г. было намного ниже, чем в 1888 году.

Нельзя утверждать, что экономическое положение однолошадных крестьянских дворов было лучше, чем безлошадных, потому что в то время для содержания своего хозяйства крестьянским семьям нужно было больше двух лошадей. В своей работе В. И. Ленин, анализируя несколько уездов Воронежской губернии, разделил крестьянские хозяйства на четыре группы по числу лошадей: безлошадные, имеющие одну лошадь, имеющие 2—3 лошади и имеющие более 4 лошадей. Он считал, что для того, чтобы крестьянская семья продолжала стабильно содержать свое хозяйство, необходимо иметь в хозяйстве 2—3 лошади³⁶. Щербина также, когда исследует воронежскую деревню 1884—1891 гг., разделяет крестьянские хозяйства на четыре группы и полагает, что хозяйств, «... имеющих от 15 до 25 дес. земли, 2 работников и 2—3 лошади или пар волов...», составляющих третью группу, можно признать сравнительно устойчивыми³⁷. Следовательно 2 лошади в одном крестьянском хозяйстве в черноземных районах в конце XIX столетия считались минимальным числом, необходимым для обеспеченной жизни семьи.

Таблица 8³⁸

Процентное отношение крестьянских дворов по числу лошадей к общему числу по годам в Воронежской губ.

Годы	0—1	2—3	4—5	6—10	Более 10
1888	53,9	32,0	9,9	3,7	0,4
1893	70,9	22,8	4,7	1,4	0,1
1899	58,1	31,0	8,1	2,6	0,2
1905	57,1	32,0	8,0	2,6	0,2

Рассматривая Таблицу 8, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, до начала XX в. в России стихийные бедствия оказывали большое влияние на жизнь крестьян. Как показывают данные 1893 г., после неурожая 1891 г. в Воронежской губ. доля безлошадных и однолошадных дворов достигла двух третей, и, соответственно, доля остальных категорий значительно уменьшалась. Сравнивая положение владельцев лошадей среди крестьян с положением у землевладельцев, можно увидеть, что влияние бедствий на жизнь крестьян было более явным.

Во-вторых, несмотря на то, что до 1905 г. крестьяне не смогли достичь прежней пропорции (1888 г.) по числу лошадей, они пытались их сохранить. Это означает что до начала XX в. главным фактором для земледелия являлась лошадь, а не какие-то современные орудия или машины.

В-третьих, следует сказать, что количество крестьянских дворов увеличивалось. Даже по данным 1893 г. в Воронежской губ. число крестьянских дворов к 1888 г. выросло на 105,2%. Поскольку это явление произошло без увеличения населения, это означает рост малолошадных дворов.

И последнее, в таких обстоятельствах почти 60% крестьянских хозяйств не смогли держать двух лошадей. Другими словами, в конце XIX — начале XX в. в центрально-аграрных районах из 10 крестьянских дворов 6 страдали от нехватки рабочего скота.

В Воронежской губ. кроме лошадей в качестве рабочей силы использовались вола. Вол и лошадь являлись главными в хозяйствах малороссов — украинцев. По данным Земских подворных переписей, в 1884—1891 гг. в Воронежской губ. было 194916 волов. По словам Щербины, одна лошадиная сила равна силе одной пары волов³⁹, а в Воронежской губ. число крестьянских хозяйств «с 1 лошастью или 1 парами волов» составляло 100929 дворов, то есть 31,9% к общему числу⁴⁰. Следовательно, в данной губернии доля дворов, не имевших минимального числа лошадей или волов, достигала 55%.

Хозяйства безлошадных крестьян старались сохранить за собой надел. Тяга к земле была еще очень велика. Таким образом, для крестьян черноземной деревни, не лишенных трудолюбия, но не имевших возможности самостоятельно работать на земле ввиду потери рабочего скота, уменьшения надела и т.п., работа по найму в соседних хозяйствах становилась естественным продолжением предшествующих занятий на земле в качестве хозяина надела. Так, например, хозяйство Ф.А. Куценкова из с. Николаевка Павловского уезда Воронежской губ. было «безлошадное и поддерживается исключительно на счет заработков». Чтобы быть самостоятельным хозяином, надо было экономить деньги, расходовать их на приобретение скота, инвентаря, строительство хозяйственных построек⁴¹. Иногда эта цель для безлошадных крестьянских хозяйств была недостижимой. По сообщению учителя М.В. Зеленева, в одной крестьянской семье из с. Волоконовка Бирюченского уезда Воронежской губ. никакого скота не было, поэтому они свои наделы сдавали в аренду⁴².

Нельзя утверждать, что хозяйственное положение у однолошадных семей было лучше, чем у безлошадных. Прежде всего, с одной лошастью они не могли выполнять все земледельческие работы. Например, у А.Ф. Огнева из с. Казинка Задонского уезда Воронежской губ. была одна лошадь. «В 1882 году пала лошадь и с тех пор он никак не может купить другую»⁴³. Семья П.Е. Обушникова из с. Сергиевка Бобровского уезда не могла прожить без аренды земли. Но «два года назад пала лошадь и аренда была прекращена»⁴⁴.

В черноземных районах России конца XIX — начала XX в. не только безлошадные крестьянские хозяйства, лишенные возможности самостоятельно обрабатывать свой надел, но и однолошадные также для обработки земли нанимали скот у многолошадного соседа или забрасывали свое хозяйство, отправляясь на работу по найму в соседние деревни или на предприятия в город. В лучшем случае они становились батраками, в худшем — пауперами-нищими.

Многолошадные крестьянские хозяйства — середняцкие с 2—3 лошадьми на двор и зажиточные, где насчитывалось 4 и более голов рабочего скота — также участвовали в промыслах. Батрачество и поденщина — основные промысловые занятия для безлошадных и однолошадных крестьянских хозяйств — для средней и зажиточной части крестьянства являлись дополнением к земледелию. Иногда для них промысел носил торгово-промышленный характер, то есть распространялся от мельниц и маслобоен до трактиров, лавок и т.п. Например, члены хозяйства М.А. Конопкина в течение года имели 34 р. 30 к. от сдельных работ, 57 р. 90 к. — от извоза и 18 р. — от поденных работ⁴⁵.

Анализ различных статистических данных свидетельствует о том, что в конце XIX — начале XX в. в Воронежской губ. наблюдалось расслоение общества. Рассматривая распределение земли у крестьян, можно увидеть, что общая площадь пахотной земли и пастбищ уменьшалась. Постоянный земельный голод заставлял крестьян искать всевозможные источники расширения посевных площадей и пастбищ, арендуя дворянские земли, составлявшие более чем две трети от общей площади частных земель. Что касается перехода к более рациональной системе земледелия с использованием травосеяния и чередования сельскохозяйственных культур, то крестьянам не удалось внедрить новые методы из-за консервативного взгляда на сельскохозяйственную технику. В конце XIX — начале XX в. в центрально-аграрных районах из 10 крестьянских дворов 6 страдали от нехватки рабочего скота, и число малолощадных хозяйств, как и не имевших ни одной лошади, из года в год увеличивалось. Эти факты свидетельствуют о том, что в черноземных районах в эти годы хозяйственное положение крестьян было сложнее, чем полагают некоторые российские и западные историки и экономисты. Они упускают из виду бедность, от которой страдали многие крестьянские семьи, и процесс дифференциации крестьянства. В Воронежской губернии в конце XIX — начале XX в. существовала тенденция к обнищанию и углублению расслоения крестьянского общества на бедных и богатых.

Примечания

1. ЯНСОН Ю. Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. С приложением: «Очерк правительственных мер по переселению крестьян после издания Положения 19 февраля 1861 года». СПб. 1881; ЩЕРБИНА Ф. А. Крестьянские бюджеты. Воронеж. 1900; АНФИМОВ А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России, 1881—1904. М. 1980; КОВАЛЬЧЕНКО И. Д. Аграрный строй России второй половины XIX — начала XX в. М. 2004 и др.
2. ROBINSON G. T. Rural Russia under the Old Regime. Berkeley & L.A. 1972; SHANIN T. The Awkward class: Political sociology of peasantry in a developing society: Russia, 1910—1925. Oxford. 1972 и др.
3. GREGORY P. R. Russian national income, 1885—1913. Cambridge. 1982; Peasant economy, culture, and politics of European Russia, 1800—1921. Princeton. 1991; МИРОНОВ Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В кн.: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х томах. СПб. 2003.
4. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 Января 1897 года. Т. I. СПб. 1905, с. 1, 161.
5. Сост. по: Статистический временник Российской империи. Сер. I. СПб. 1866, с. 158; Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. По данным обследования, произведенного статистическими учреждениями Министерства внутренних дел, по поручению статистического совета. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области. СПб. 1880, с. 2—3, 136—137; Сборник сведений по Европейской России за 1882 год. СПб. 1884, с. 25, 28; Статистика Российской империи. XXII. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. Вып. IX. Воронежская губерния. СПб. 1896, с. 7. Подсчитано автором.
6. Сост. по: Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. По данным обследования, произведенного статистическими учреждениями Министерства внутренних дел, по поручению статистического совета. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области, с. 2—3, 136—137; Сборник сведений по Евро-

- пейской России за 1882 год, с. 25, 28; Статистика Российской империи. XXII. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. Вып. IX. Воронежская губерния, с. 8—9.
7. Сост. по: Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. По данным обследования, произведенного статистическими учреждениями Министерства внутренних дел, по поручению статистического совета. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области, с. 20, 153; Статистика Российской империи. XXII. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. Вып. IX. Воронежская губерния, с. 6—7. Подсчитано автором.
 8. Статистика Российской империи. XXII. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. Вып. IX. Воронежская губерния. СПб. 1896, с. 2, 6—7.
 9. Статистика Российской империи. XXII. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. Вып. IX. Воронежская губерния, с. 1—7.
 10. Сост. по: Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. По данным обследования, произведенного статистическими учреждениями Министерства внутренних дел, по поручению статистического совета. Вып. 1. Губернии центральной земледельческой области, с. 2—3, 136—137; Сборник сведений по Европейской России за 1882 год, с. 25, 28; Статистика Российской империи. XXII. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. Вып. IX. Воронежская губерния, с. 8—9; Статистика Российской Империи. XL. Сборник сведений по России, 1896. СПб. 1897, с. 166—167. Подсчитано автором.
 11. Неурожай и народное бедствие. СПб. 1892, с. 20.
 12. ЩЕРБИНА Ф.А. Ук. соч., с. 253.
 13. МИЛОВ Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. 2001, с. 38.
 14. СОВЕТОВ А. Краткий очерк агрономического путешествия по некоторым губерниям центральной черноземной полосы России в течение лета 1876 года. СПб. 1876, с. 3.
 15. МИЛОВ Л.В. Ук. соч., с. 38.
 16. Статистика Российской империи. XXII. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. Вып. IX. Воронежская губерния, с. 16—17; Статистика Российской Империи. XL. Сборник сведений по России, 1896, с. 166—167.
 17. ЩЕРБИНА Ф.А. Ук. соч., с. 251—252.
 18. МИЛОВ Л.В. Ук. соч., с. 62.
 19. Там же, с. 32—33.
 20. Там же, с. 35.
 21. Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. I. Воронежский уезд. Воронеж: Издание Воронежского губернского земства. 1884, с. 129 (Отдел I).
 22. Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Статистические материалы подворной переписи по губернии и обзор материалов, способов по собиранию их и приемов по разработке. Воронеж. 1897, с. 278—279.
 23. Там же, с. 8, 10.
 24. КАУТСКИЙ К. Аграрный вопрос. Обзор тенденций в современном сельском хозяйстве. Харьков. 1899, с. 216.
 25. ЯНСОН Ю.Э. Ук. соч., с. 70—71.
 26. Статистические таблицы Российской Империи, издаваемые, по распоряжению Министерства внутренних дел, Центральным статистическим комитетом. Выпуск второй. Наличное население Империи за 1858 год. (С картою населенности Европейской России). СПб. 1863, с. 160, 172, 272—273; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. IX. Воронежская губерния. Тетр. 1. СПб. 1901, с. 4—5; Тетр. 2. (последняя). СПб. 1904, с. 2—3, 220—221, 232—233.
 27. Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Статистические материалы подворной переписи по губернии и обзор материалов, способов по собиранию их и приемов по разработке, с. 8, 10.
 28. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 102, оп. 226, д. 9, ч. 27, л. 5.

29. Статистика Российской Империи. X. Сборник сведений по России, 1890. СПб. 1890, с. 130—131; Статистика Российской Империи. XL. Сборник сведений по России, 1896. СПб. 1897, с. 156.
30. Государственный архив Тамбовской области (ГА ТО), ф. 4, оп. 113, д. 102, л. 773—774. Цит. по: Крестьянские движения 1905—1907 гг. в Тамбовской губернии. Сб. документов. Тамбов. 1957, с. 108—109.
31. ГА РФ, ф. 102, оп. 226, д. 9, ч. 27, л. 7.
32. Сост. по: Статистические таблицы Российской Империи, за 1856-й год, составленные и изданные, по распоряжению Министра внутренних дел, Статистическим Отделом Центрального статистического Комитета. СПб. 1858, с. 26—27, 134—135; Статистический временник Российской Империи. Серия I, с. 242; Сборник сведений по Европейской России за 1882 год, с. 138—139; Статистика Российской Империи. XX. Военно-конская перепись 1888 года. СПб. 1891, с. 1; Статистика Российской Империи. XXXVII. Военно-конская перепись 1893 и 1894 г.г. СПб. 1896, с. 2; Статистика Российской Империи. LV. Военно-конская перепись 1899—1901 гг. СПб. 1902, с. 2; Временник Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел. № 50. Сведения о количестве скота в 1900 году по данным волостных правлений и уездной полиции. СПб. 1901, с. 1; Статистика Российской Империи. LXV. Военно-конская перепись 1905 года. СПб. 1907, с. 1. Подсчитано автором.
33. Статистика Российской Империи. XX. Военно-конская перепись 1888 года. СПб. 1891, с. VI.
34. Сост. по: Статистика Российской Империи. XX. Военно-конская перепись 1888 года, с. 200—207; Статистика Российской Империи. XXXVII. Военно-конская перепись 1893 и 1894 г.г., с. 234—241; Статистика Российской Империи. LV. Военно-конская перепись 1899—1901 гг., с. 216—223; Статистика Российской Империи. LXV. Военно-конская перепись 1905 года, с. 84—87. Подсчитано автором.
35. Сост. по: Статистика Российской Империи. XX. Военно-конская перепись 1888 года, с. 3, 8, 191; Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Статистические материалы подворной переписи по губернии и обзор материалов, способов по собиранию их и приемов по разработке, с. 119—120; Статистика Российской Империи. XXXVII. Военно-конская перепись 1893 и 1894 г.г., с. 4, 7; Статистика Российской Империи. LV. Военно-конская перепись 1899—1901 гг., с. 4, 7; Статистика Российской Империи. LXV. Военно-конская перепись 1905 года, с. 2, 5. Подсчитано автором.
36. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. М. 1971, с. 109—110.
37. Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Статистические материалы подворной переписи по губернии и обзор материалов, способов по собиранию их и приемов по разработке, с. 339.
38. Сост. по: Статистика Российской Империи. XX. Военно-конская перепись 1888 года, с. 40—41, 80—81; Статистика Российской Империи. XXXVII. Военно-конская перепись 1893 и 1894 г.г., с. 40—41, 62—63; Статистика Российской Империи. LV. Военно-конская перепись 1899—1901 гг., с. 42—43, 62—63; Статистика Российской Империи. LXV. Военно-конская перепись 1905 года, с. 16—17, 36—37. Подсчитано автором.
39. Там же, Таблица VII (с. 42—47) и XXVIII (с. 322—329).
40. Там же, с. 45.
41. ЩЕРБИНА Ф. А. Ук. соч., с. 222.
42. Там же, с. 224.
43. Там же, с. 210.
44. Там же, с. 219.
45. Там же, с. 252—253.

Осетинский нартовский эпос в творческом наследии художника М. С. Туганова

И. Т. Цориева

Аннотация. В работе прослеживается эволюция темы героического нартовского эпоса в творчестве осетинского художника Махарбека Сафаровича Туганова. Отмечается влияние на формирование творческого мировоззрения мастера новаторских тенденций в европейском изобразительном искусстве конца XIX — начала XX века. Подчеркивается увлечение Туганова романтическим направлением стиля модерн, которое пробудило в нем интерес к древним пластам традиционной культуры, устному народному творчеству, героическому нартовскому эпосу. При написании работы использованы опубликованные и неопубликованные (архивные) источники.

Ключевые слова: культура кавказских народов, устное народное творчество, нартовский эпос осетин, нартовские сказания, Махарбек Туганов, художник, фольклорист, этнограф.

Abstract. The publication deals with the evolution of the theme of the Nart epos of Ossetians in the work of Ossetian artist Maharbek Tuganov. It is noted the influence of the newest trends in European art of the late XIX — early XX century on formation of the creative worldview of the master. In particular, the romantic trend in modernism aroused in Tuganov an interest in the ancient strata of traditional culture, folklore, and the heroic Nart epic. The process of formation of the author's style, the stages of the development of techniques and methods for depicting the plots and characters of the heroic epos are traced. In the article published and unpublished (archival) sources are used.

Key words: the culture of Caucasian peoples, folklore, Nart epic of Ossetians, Nart legends, Makharbek Tuganov, artist, folklorist, ethnographer.

Среди исследователей героического нартовского эпоса народов Кавказа, знатоков и почитателей народного творчества осетинский художник Махарбек Сафарович Туганов (1881—1952) имеет репутацию истинного подвижника. Вся его жизнь служит образцом отстаивания

Цориева Инга Тотразовна — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева. Владикавказский научный центра РАН. E-mail: tsorin@mail.ru.

Tsorieva Inga T. — doctor of historical sciences, associate professor, leading researcher at the North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies named after V.I. Abaev. Vladikavkaz Scientific Center of RAS. E-mail: tsorin@mail.ru.

трудной и последовательной позиции самобытно мыслящего человека, творца и гражданина, которого не смогли сломить драматические события первой половины XX в. — эпохи войн и революций. С юности искатель справедливости, представитель привилегированного сословия, «непонятый» своими сородичами Махарбек Туганов избрал нелегкий путь не только в жизни, но и в искусстве. Представитель «малого» народа многонациональной России, он достиг на избранном пути настоящих профессиональных высот. Его творческое наследие, частью потерянное в водовороте лихолетья, нашло признание в народе.

Талант художника, исследователя и просветителя определил в XXI в. место Туганова в осетинской культуре как одного из основоположников национального профессионального искусства. Оригинальность мировосприятия сформировала его подлинным реформатором, глубоко освоившим и преломившим в своем творчестве достижения академической школы русской живописи, выдающиеся образцы европейской художественной традиции и сокровища национальной культуры.

Творческий диапазон Туганова всегда впечатлял современников и всех тех, кто обращался к нему в разные периоды истории Осетии. Его дарованию были подвластны живопись, станковая и книжная графика, театрално-декоративное искусство, педагогика, этнография, фольклористика, искусствоведение. По мнению специалистов, во всех этих областях художник демонстрировал уверенное и чеканное мастерство, разностороннюю образованность, гармоничное сочетание интеллектуального и эмоционального начал, строгую дисциплинированность мышления, постоянное стремление к познанию и совершенствованию ¹.

Мечта стать художником владела воображением Туганова с юных лет. Однако консерватизм осетинского традиционного общества, принадлежность к высшему сословию являлись серьезными препятствиями на пути к заветной цели и требовали большого упорства, настойчивости, даже мужества в ее достижении. «Сказать в то время молодому осетину, что он хочет быть художником, было бы равносильно тому, чтобы его объявили кандидатом в сумасшедший дом все его родные и родственники. Такой был удельный вес художника на окраине», — вспоминал позднее Туганов ².

Будущее юноши из богатого, знатного рода, казалось, было определено. Родные желали видеть его горным инженером. Эта профессия гарантировала материальный достаток, почет и уважение в обществе. И в 1900 г. после окончания Владикавказского реального училища Махарбек поступал в Горный институт в Санкт-Петербурге, но «провалил» один из экзаменов.

После этой неудачи, следуя внутреннему побуждению, он записался в подготовительные классы художника Я.С. Гольдבלата, в которых давали знания в объеме, необходимом для поступления в Императорскую Академию художеств. Через год, успешно пройдя вступительные испытания, он был зачислен в Академию ³. Наставниками Туганова стали выдающиеся русские художники и педагоги Григорий Мясоедов, Илья Репин, Павел Чистяков. Сложился и круг друзей-однокашников — Исаак Бродский, Моисей Тоидзе, Акоп Коджоян — в будущем извест-

ных советских художников. Со всей страстностью творческой природы юноша включился в познание законов живописи, увлеченно занимался в рисовальных классах. Однако завершить академический курс ему не удалось. Довольно скоро в его настроении наступил перелом. Об этом впоследствии свидетельствовал его друг, художник А. Коджоян: «Когда Махарбек поступил в Академию, мы горячо обсуждали методы преподавания в ней, которыми Махарбек был очень недоволен и резко критиковал их»⁴.

Критические настроения среди академистов в то время были весьма широко распространены. Их питали кризисные явления в реалистическом искусстве рубежа XIX—X вв. и новаторские тенденции в европейской художественной культуре. В поисках новых знаний многие выпускники и студенты Императорской Академии художеств уезжали в Европу.

Особой популярностью пользовалась художественная школа в Мюнхене словенского живописца и педагога Антона Ашбе, который видел своей задачей «готовить художников, свободно и сознательно использующих свое умение, а не ремесленников, скованных заученной манерой, каких выпускали современные академии и отдельные мастерские художников модернистов»⁵.

Среди учеников этой школы был и Игорь Грабарь — впоследствии знаменитый русский советский живописец, искусствовед, один из основоположников реставрационного дела и охраны памятников искусства и старины в СССР. Впечатленный царившей в школе творческой атмосферой, неординарным методом преподавания педагога-новатора, он писал своему товарищу и коллеге по искусству В. Борисову-Мусатову: «Мне совестно думать о том, как я мало, как я ровно ничего не знал, и подлость со стороны Академии держать учеников, надувать их. Академия должна была сказать всем: вот вам деньги, уезжайте скорее за границу, пока в Вас не угасла искра и любовь, а мы Вас все равно ничему не научим...»⁶

Недовольство консервативными порядками и методами преподавания в Академии, увлечение новаторскими течениями в европейском искусстве, «стремление к исканию не только новых сюжетов, но и новых принципов живописи, основанных на ощущениях чисто художественных»⁷, закономерно привели Туганова, подобно многим молодым художникам, в Мюнхен, в школу-мастерскую А. Ашбе. А затем наступил этап самостоятельного изучения истории искусства и революционных новаций в художественной жизни Европы начала XX века. Несколько лет художник увлеченно занимался в музеях Вены, Парижа и других европейских культурных центров. Он с огромным интересом наблюдал расцвет стиля модерн в архитектуре, изобразительном и декоративном искусстве.

В рамках этого стиля, получившего распространение в большинстве стран Европы и Нового Света в силу космополитизма и всеобщности художественной формы, отдельное, пристальное внимание художника привлекло романтическое направление, которое опиралось на национальные традиции, использовало элементы народного творчества. Именно в этом направлении искусства Махарбек Туганов нашел свое

творческое предназначение. Интуиция повела его в сферу, где многие художники — русские Николай Рерих, Иван Билибин, финн Аксели Галлен-Каллела, литовец Микалоюс Чюрлёнис и др. — также искали творческое вдохновение, обратившись к уходящим в глубокую древность историческим и культурным памятникам, к мифологии, обнаруживая и утверждая ее духовную связь с новыми культурными процессами. Результатом этих поисков для Туганова стало соединение в создаваемых им художественных произведениях опыта народной культурной традиции и новаторского духа искусства импрессионистов и постимпрессионистов. При этом манерой письма в тот период художник явно склонялся к экспрессионизму, который в дальнейшем окажет значительное влияние на развитие эстетических вкусов и художественного почерка мастера.

Культура кавказских народов оставалась неиссякаемым источником творческого вдохновения на протяжении всей жизни художника. Его родители принадлежали к знати осетинского общества, но исповедовали идеи служения своему народу. Полученное в семье воспитание с малых лет формировало в нем интерес к просвещению, любовь к устному народному творчеству. С подросткового возраста и позднее — уже состоявшимся мастером — каждое лето Махарбек отправлялся в горные аулы и равнинные села Центрального Кавказа, где записывал народные сказания, песни, предания, делал зарисовки старинных башен, утвари, горского дома-сакли. Особенное впечатление на него производили люди, являвшиеся носителями ярких образов, цельных характеров ⁸.

Гражданское возмужание и творческие поиски художника постепенно сформировали жизненное и профессиональное кредо Туганова — служить своему народу средствами искусства. Его творческие интересы были весьма разнообразны. Он обращался к древней истории своей родины, времени революционных потрясений и созидательного труда народа, но центральной темой его творчества стал нартовский эпос — выдающийся памятник устного творчества кавказских народов.

Создавая образы эпических нартовских героев, Туганов сам представлялся как рассказчик, сказитель, считающий своим долгом «поведать миру о народе своей маленькой страны, о его преданиях, о его прошлом и настоящем» ⁹. Нартиада была не только постоянным предметом его творческих исканий. Она из года в год открывала мастеру новые пласты истории и культуры осетинского народа, его нравственно-этических и эстетических идеалов.

Преданность однажды избранной теме превратила Туганова в серьезного исследователя. С научной скрупулезностью фольклориста и историка он собирал, систематизировал, исследовал тексты эпических героических сказаний, участвовал в их издании и популяризации. В опубликованной в 1925 г. статье «Кто такие нарты?» он так метафорически обосновал свою точку зрения: «Характер передачи сказаний и обрисовка действующих героев, их обычаи, жизнь нартов от колыбели и до смерти, с их радостями и горем, комизмом и трагедией — все это чисто осетинское. Фантазия осетина их родила, с ними жила и им же дала соответствующий конец. По внутреннему содержанию сказания о нартах философски глубокомысленны, по внешности они монотонно

таинственны, напоминая широкий разлив морей и бесконечную ширь степей. Каждый стих, начавшись широко и гладко, заканчивается как бы глухим ударом, словно ветер широких степей, разгулявшись, ударился и разбился о груды скал. Не такова ли история осетинского народа, начавшего жизнь в широких степях на берегу Дона и Азовского моря, а, может быть, Днепра и Днестра, развившего некогда свою самобытную культуру и загнанного затем в тущобы гор, разбитого и раздробленного вконец среди скал Алагирского, Куртатинского, Тагаурского, Дигорского и Туальского ущелий»¹⁰.

Туганов был одним из первых интерпретаторов героических нартовских сказаний в изобразительном искусстве. Художник на протяжении многих лет кропотливо работал над образами эпических героев — нартов. Он воспроизводил их на бумаге, картоне и холсте. Прототипов находил среди соотечественников. Созданные им собирательные образы были столь узнаваемы, что его картины воспринимались былинными лишь отчасти. Неудивительно, что обычные зрители зачастую отождествляли себя с создаваемыми воображением художника героями, пусть и жившими в несколько иных социально-исторических условиях.

Исследователи творчества Туганова отмечают его огромное влияние на развитие художественного нартоведения. В частности, писатель и литературовед Н. Джусойты замечал: «Воображение и талант Туганова максимально приблизили к нам нартский эпический мир. Он дал его нам не только зрительно, но и заставил нас общаться с этим миром эмоционально, ввел нас в напряженный психологический и нравственный контакт с ним. Прошлое не только ожило и вошло в нашу современность, но стало активной силой, оказывающей формирующее влияние на наше сознание, характер, на наше нравственное и эстетическое чувство. Ныне мы уже не можем представить героев эпоса — Урузмага, Батразда, Ацамаза, Сырдона, Сослана и других — вне тугановской трактовки. Мы невольно стали смотреть на нартский эпический мир глазами художника»¹¹.

Действительно, для каждого персонажа сказаний, будь то небесный кузнец Курдалагон или красавица Дзерасса, булатнорожденный Батраз или кривой уаиг-великан Афсадон, хитроумный Сырдон или могучий Уырызмаг, Туганов находил такие меткие образные характеристики, что героев было уже трудно представить иными, чем они вышли из-под кисти художника. В картинах и графических листах Туганова передавались пафос, сила и мощь героических народных сказаний. Он убедительно обрисовывал мифическую среду, в которой жили и действовали нартовские герои: «И необычные игры нартов, когда они шутя перебрасываются обломками скал, и стремительный полет Батраза на огромной стреле к крепости Хиз, и пребывание Сослана в загробном мире, — все в листах настолько реально, естественно, словно все это на самом деле имело место в жизни, будто художник все это мог видеть воочию»¹².

Сегодня, в начале XXI в., тугановская живописная и графическая коллекция «Нартов» является, по мнению многих историков, искусствоведов, нартоведов и рядовых любителей искусства, образцом художественной интерпретации героического эпоса осетин. Она стоит в одном ряду с лучшими произведениями русских и советских художни-

ков-иллюстраторов, обращавшихся в своем творчестве к осмыслению уникального эпического наследия народов России и СССР. При этом работы художника не только признаны выдающимся явлением национальной культуры, они также служат фактором развития национального самосознания и национальной памяти. Однако при жизни способ воспроизведения мастером образов эпических героев, как и его творческий стиль, воспринимались в кругах коллег «по цеху» и культурных кураторов далеко не столь однозначно и одобрительно.

На протяжении своей творческой биографии Туганов перенес немало критики, как за выбор тематики, так и за настораживающий отход от общепринятых канонов исполнения художественных замыслов. Уже первая попытка интерпретации эпоса живописными средствами, представленная на вступительных испытаниях в Императорскую Академию художеств, крайне озадачила приемную комиссию. Эскиз «Пир нартов» изображал людей в черкесках, с кинжалами, среди которых на столе танцевали герои нартов. Инспектор академии Белякович выразил свое недоумение в весьма нелицеприятной форме: «А что это такое? Они с ума сошли, чего они на столе танцуют?»¹³

Однако неудача лишь подстегнула творческое самолюбие и человеческое упорство начинавшего художника в стремлении отстоять свою позицию в изображении мира эпических героев. Начался этап внимательного и всестороннего изучения опыта выдающихся русских мастеров — Виктора Васнецова, Ивана Билибина, Михаила Врубеля, Николая Рериха и других авторов известных полотен, посвященных древнерусской истории и культуре, интерпретации народных былин и сказок. В их работах Туганов обращал внимание, прежде всего, на глубокое знание материальной и духовной культуры предков, точное воспроизведение предметов быта, оружия, одежды, позволяющее воссоздать исторический и мифологический контекст изображаемых образов, мастерское владение техникой живописи, в частности, русской иконописи. Это были по существу уроки самообразования. Они продолжались и тогда, когда художник приезжал на каникулы домой, в Осетию. Туганов бывал в самых отдаленных горных аулах, снова искал сказителей, певцов и знатоков устного народного творчества, записывал тексты эпоса, много рисовал. Он познакомился с седельными и оружейными мастерами, лудильщиками и ювелирами. Впоследствии Туганов писал: «По орнаментам и по технике они читали мне целые лекции. Часто я у них находил куски материи с древнейшими рисунками и оружие — шашки, железные шлемы и др. ... Медь, серебро, железо — все это меня переносило в древнейшую страну нартов, где небесный старый кузнец Курдалагон в своей кузнице закалял Нарта Батраза»¹⁴.

В поисках новых знаний и оригинального живописного языка прошли годы, прежде чем Туганов как художник-иллюстратор вновь обратился к сюжетам героического народного эпоса. Судя по сохранившимся документальным свидетельствам и результатам творческой деятельности, он работал увлеченно, кропотливо, всецело погружаясь в глубины любимой темы. В 1910 г. во Владикавказе состоялась выставка местных художников. Туганов представил на ней портреты трех нартовских героев: Сослана, Урузмага и Хамыца¹⁵. Публика их отметила,

и на следующей выставке в 1913 г. его работы, в том числе иллюстрации к нартовскому эпосу, исполненные акварельными красками в стиле модерн(!), заняли часть экспозиции. Их неординарность, впечатляющая динамичность образов вызвали неподдельный интерес знатоков искусства и рядовых зрителей.

Внимание к творчеству художника было значимо для него особенно потому, что еще в 1911 г. он на собственные средства издал небольшую книгу «Дигорское сказание»¹⁶. Самым ярким и значительным среди фольклорных текстов, представленных в ней, являлось сказание «Песня нарта Ацамаза». По мнению языковеда и фольклориста В. И. Абаева, она является «одной из жемчужин осетинской народной поэзии»¹⁷. Для истории Нартиады издание интересно также потому, что представляет собой первый пример книжной иллюстрации текста нартовского сказания. Так, опираясь на разносторонность своего дарования, не только кистью, но и пером Туганов заявил о себе на родине как о самобытном творце и новаторе в национальной культуре.

Извлеченный из фондов Научного архива Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева материал дает представление о кропотливой работе художника над образами и сюжетами Нартиады. К началу 1910-х гг. им была создана серия графических работ по мотивам нартовского эпоса, включавшая 50 листов акварельных иллюстраций. Законченную серию Туганов накануне первой мировой войны (точная дата не установлена) лично отвез в Вену с целью издания иллюстраций отдельным альбомом¹⁸. Оставив папку с акварельными листами в снятой им мастерской с намерением приехать за ними позднее, он возвратился домой, в Осетию. Однако начавшаяся война закрыла границы между воюющими государствами.

В первые годы после революции 1917 г. художник еще надеялся вернуть свои работы. В начале 1920-х гг. в заявлении в Осетинское историко-филологическое общество он писал: «Прошу выписать на имя Историко-филологического общества мои рисунки в красках, иллюстрирующие почти полностью нартовские сказания, из гор. Вены, куда я их перед войной 1914 г. отвез с целью издать, но война не дала мне этого сделать...»¹⁹ Однако попытки Общества и самого автора вернуть альбом с иллюстрациями оказались безуспешными.

В последующем художник уже сознательно отказался от дальнейших поисков, видимо опасаясь обвинений в политической неблагонадежности и «связях с заграницей». Косвенным подтверждением этому служат свидетельства близкой знакомой художника В. К. Плиевой. Она вспоминала, что накануне второй мировой войны, встретившись с Тугановым в Москве, сообщила ему, что его разыскивает хозяин мастерской в Вене. Все эти годы он не знал, что делать с картинами, ждал Туганова и просил, чтобы он забрал свои работы. В ответ на вопрос о том, что намерен предпринять художник для возвращения своих иллюстраций, она услышала неожиданный для нее ответ: «Ничего». Тем не менее по окончании войны Плиева еще раз через своего знакомого, служившего в Вене, попыталась навести справки об оставленных «Нартах». Знакомый обещал помочь, но попросил дать адрес и фамилию хозяина мастерской. Было направлено письмо художнику с сообщением, что

есть возможность вывезти картины, и просьбой срочно выслать адрес и фамилию хозяина. «Вообразите тот ужас, — вспоминала Плиева, — когда пришел ответ: “Забыл фамилию, адреса не помню за давностью лет”»²⁰. Так закончилась история одной из многих потерь в творческом наследии художника.

Советский период создал качественно отличные от прежде действовавших условия художественной интерпретации народного творчества, традиции обращения к эпическому наследию. В частности, для воплощения в жизнь планов форсированной социально-экономической и культурной модернизации страны в 1920-е — 1940-е гг. Советское государство сформулировало ясный и открытый запрос на новый социальный тип героя — прочной закалки, равного былинным богатырям. Сложившийся к этому времени в огромной многонациональной, социально разнородной стране литературно-плакатный продукт Пролеткульта в образе сознательного пролетария был явно недостаточно мобилизующим субъектом. Поэтому в новых политических реалиях для формирования общественных умонастроений одним из наиболее востребованных направлений культурной политики стало привлечение возможностей традиционной культуры, богатого эпического наследия многочисленных народов СССР. Главной задачей искусства социалистического реализма было воспитание сильных духом людей, пассионариев, патриотов, борцов, готовых на любые жертвы ради достижения высоких идеалов социализма.

Туганов искренне и с энтузиазмом откликнулся на этот социально-политический запрос времени. На наш взгляд, объяснение такой позиции художника видится в том, что обращение новой, советской власти он воспринял как знак судьбы для «малых» народов, который откроет им широкие просторы творчества, освободит от предрассудков и косности сословных запретов, ограничений традиционного общества.

В 1920-е — 1940-е гг. главным героем его картин, графических работ, иллюстраций стал сильный, бесстрашный человек, стойкий к жизненным невзгодам, готовый к любым трудностям, к преодолению всех преград на пути к благородной цели. Он создал многочисленные образы крестьян-повстанцев XIX в., боровшихся с царским самодержавием, участников революционных боев начала XX в. на Кавказе, героев Великой Отечественной войны. И все они казались подобны героям-исполинам, наделенным огромной силой и мужеством. Влюбленность художника в героическое начало в человеческом характере, в особенности в характере родного народа подмечал Н. Джусойти: «Люди на полотнах Махарбека наделены такой физической и духовной энергией, что невольно убеждаешься — героическое в человеческом характере есть черта ведущая, оно в нем неиссякаемо. И что бы ни случилось с человеком, перед каким бы тягчайшим испытанием не поставила его судьба, он все одолеет, как эпический богатырь, и станет еще более могучим и прекрасным...»²¹

Именно такими — «могучими и прекрасными» — изображались и нартовские герои в графических листах, созданных в 1920-х — начале 1950-х гг., в книжных иллюстрациях, украсивших затем многие издания героических сказаний, в художественном оформлении спекта-

клей по сюжетам нартовского эпоса, которые шли на театральных сценах Осетии. Живописные и графические произведения «Уастырджи и Дзерасса», «Игры нартов», «Бой Сослана с великаном», «Балсагово колесо», «Нарт Сырдон», «Клятва нартских женщин», «Батраз в борьбе с небом», «Переход Батраза через мост Рду», «Нарт Суасса убивает маликов», «Гибель нартов» представляли гордый свободолюбивый народ, его жизнь, полную отваги, мужества, необычайной силы и красоты.

По всеобщему признанию, самым масштабным по замыслу и исполнению произведением тугановской Нартиады стало живописное полотно «Пир нартов». Исследователи считают его вершиной творческой биографии мастера и подчеркивают важность этой темы для сознания художника²². Символично, что начало его творческого становления в искусстве связано именно с попыткой осмысления образа пира нартовских героев. Созданием этого же образа завершился его путь в искусстве. Первая попытка ее воспроизведения, как уже было сказано, предпринятая за полвека до этого на вступительных испытаниях в Академию художеств, не увенчалась успехом. Гораздо более удачной оказалась вторая попытка уже зрелого мастера, глубоко и профессионально освоившего эпическое наследие своего народа.

В 1926 г. был создан графический вариант «Пира нартов», написанный акварельными красками на листе плотной бумаги (70x90 см). Вот как Туганов писал о своей работе: «Перед тем, как взяться за эту картину, я поставил перед собой цель, образы своих персонажей находить среди народа... Первым долгом я решил писать главных героев нартов, начиная от Урузмага и кончая Батразом. Типы нартов я старался показать такими, какими их представлял народ в своих сказаниях. Внешне их описывали вот как: Урузмаг был с седой, как лунь, бородой, а фигура у него была, как у юноши. Нарт Сослан был широкоплеч, а талия у него была настолько узка, что, когда он ложился, заяц свободно пробежал под его лопатками. Глаза Нарта Батраза сравнивались с мельничными жерновами, а цвета они были стального. У отца его Хамыца были рыжие усы... Сын Нарта Деденага — Арахцау описывался таким: “Издали стало надвигаться белое облако, над ним летали черные вороны, но это было не облако, а сын Нартовского Деденага Арахцау на своем белом коне, а над ним теснятся не черные вороны, комья земли, подбрасываемые подковами его коня. А шашка его оставляла на земле глубокий след, так как доставала до самой земли”... Про Нарта Сырдона говорится: “Сырдон под своими огромными усами спрятал две колбасы, а сам делал вид, как будто языком облизывал свои замерзшие усы, в то время, как облизывал колбаски”...»²³

К теме нартовского пира художник еще раз обратился в конце жизни, воплотив свой замысел в огромном живописном полотне (3x5 м). «Пир нартов» — самое крупное и, бесспорно, одно из лучших творений Туганова — живописал не просто сюжет из повседневной жизни нартовского общества. Он представлял танец-соревнование на краях чаши с пивом, исполненный одним из главных нартовских персонажей — Сосланом. Художник долгие годы шел к созданию этого образа: «... десятками лет я все обдумывал, каким мне рисовать Нарта Сослана в своей картине»²⁴. Изобразив его мужчиной огромных размеров, художник

ссылался на обнаруженную в горной части Дигории, недалеко от Махческа, в Мацуте, где якобы находилась могила нартовского героя, часть огромного скелета, по мнению местных жителей, принадлежавшего Сослану. «Работа моя заняла очень много времени, но труд был благородный, и, в конце концов, картина получилась хорошо», — заключал мастер²⁵.

В «Пире нартов» слились воедино мастерство живописца и знания исследователя. Прежде ни одна работа художника, как отмечал искусствовед А. Дзантиев, не была композиционно столь сложной и насыщенной: «Одних только главных персонажей в картине более двух десятков, и при всем этом ее отличают богатство и убедительная достоверность характеристик, костюмов, бытовых деталей. Картина пронизана светлым жизнеутверждающим началом, от нее веет могучей, бьющей через край силой “Нартских сказаний”... Это — история, быт и культура осетинского народа, воспетая в красках»²⁶.

Картина, заказанная художнику Северо-Осетинским художественным музеем в конце 1940-х гг. к одной из Декад искусства и литературы Осетии, которые традиционно проходили в Москве, потребовала огромного напряжения духовных и физических сил уже пожилого и не совсем здорового художника. Трудности возникли из-за малых размеров мастерской, не дававших возможности «издали взглянуть на свою работу». Порой не было и денег, чтобы приобрести необходимый для работы материал. «Обиднее всего, — писал Туганов в ноябре 1950 г. своей бывшей ученице А. Н. Тибиловой-Туаевой, — что нельзя работать по живописи. Огромный холст... ждет масляных красок...»²⁷ Тем не менее, в мае 1952 г., за полтора месяца до своей кончины, в адресованном Василию Абаеву письме художник сообщал: «Я закончил своих нартов. Но приемо-комиссии еще не было... Посмотрим, во что выльется мой показ “соревнования нартов в танцах”: торжествующе танцующий Сослан на чаше Уацамонга и угрюмо сидящий нарт Челахсартаг — побежденный»²⁸.

Нехорошее предчувствие не обмануло Туганова. Он верно оценил настрой политических цензоров. На фоне конъюнктурных идеологических «зачисток» в культуре они проявили повышенную «классовую бдительность». Беспокойство, как отмечалось в приведенном выше письме, было оправданным, поскольку «сейчас не сезон на “нартов”, их стали бояться здесь, как и “скифов”, “сарматов” и “аланов”»²⁹. Картина была отвергнута приемной комиссией в рамках очередной волны идеологических гонений на «перегибы» в региональной культурной политике. На долгие годы с формулировкой «художественно несостоявшееся производство» ее отправили в запасники музея.

Должны были пройти годы, прежде чем состоялась посмертная реабилитация картины, и она стала достоянием широкой зрительской аудитории. В 1973 г. в г. Орджоникидзе открылась первая персональная выставка художника. Ее главным экспонатом был «Пир нартов». Сегодня эта картина, признанная венцом творчества мастера, представлена, как и большинство художественных произведений Туганова, в постоянной экспозиции Северо-Осетинского республиканского художественного музея во Владикавказе, носящего его имя. Она является официальной

«визитной карточкой» как самого художника, так и всего осетинского искусства XX века. Репродукции картины постоянно тиражируются. Они востребованы у частных коллекционеров. Ими украшают офисы учреждений. Их активно используют при оформлении туристических буклетов, календарей, книг по истории и культуре осетин и других народов Кавказа.

Подводя итог краткому исследованию проблемы осмысления эпического наследия осетинского народа и создания художественной Нартиады в творчестве Туганова, следует отметить, что время и мир людей, в которых ему довелось жить, были не всегда к нему добры и во многом не оправдали его чаяний художника-борца и гражданина-романтика. Многие из его творческого наследия было безвозвратно утеряно: картины, графические работы, этюды, рисунки, фрески погибли в горниле революций, войн, идеологических «чисток». Вместе с ними пропали ценнейшие записи фольклорных текстов, богатый фамильный архив, собиравшиеся годами его дедом, отцом, им самим. Однако удивительно живучим и стойким, вопреки всем невзгодам повседневной реальности, оказалось выстроенное Тугановым на изломе эпох нравственное кредо, которое неразрывно соединило его творчество с исторической правдой и коллективной памятью осетинского народа. Свидетельством тому является растущее внимание соотечественников в начале XXI в. к многогранному творческому наследию мастера.

В настоящее время труды художника приобретают все большую популярность. Регулярно проводятся выставки, на которые приходят представители все новых поколений. Растет интерес и к гражданской позиции Махарбека Сафаровича Туганова. Для общественности и национальной интеллигенции Осетии новыми гранями открывается его наследие исследователя и пропагандиста истории и культуры родного края. Образы, созданные художником на основе героического эпоса осетинского народа, в 1990-е гг. вдохновляли его соотечественников на защиту своей земли, а сегодня, в мирные дни, укрепляют дух строителей новой Осетии. Это, несомненно, лучший памятник, о котором может мечтать творческая личность, неразрывно связанная со своим Отечеством.

Примечания

1. Первая персональная выставка Махарбека Туганова. Орджоникидзе. 1973, с. 5.
2. Махарбек Туганов. Литературное наследие. Орджоникидзе. 1977, с. 107.
3. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВЦ РАН (НА СОИГСИ), ф. Искусство, оп. 1, д. 132, л. 9.
4. МУСА ХАКИМ. Махарбек Туганов. Народный художник Осетии. Орджоникидзе. 1962, с. 57.
5. МОЛЕВА Н., БЕЛЮТИН Э. Школа Ашбе Антона. М. 1958, с. 27.
6. ГРАБАРЬ И. Моя жизнь. Этюды о художниках. М. 2001, с. 121.
7. Махарбек Туганов. Литературное наследие, с. 26. Среди исследователей творчества Туганова до сих пор нет единого мнения о времени его обучения в школе Ашбе. Одни указывают на 1905—1907 гг., другие полагают, что это произошло двумя годами ранее, третьи относят время отъезда художника в Мюнхен к 1903—1904 годам. По имеющимся в нашем распоряжении сведениям, летом 1903 г. Туганов получил отпускное свидетельство

ство по болезни и до декабря оставался дома, во Владикавказе. В мае 1904 г. он не сдал экзамены по теоретическим предметам и был исключен из Академии. В воспоминаниях, письмах, других документах художника не упоминается о смерти Ашбе, которая датируется 6 августа 1905 г., следовательно, можно предположить, что он не был свидетелем этого печального события. Таким образом, вероятность его пребывания в Мюнхене ограничивается периодом между июнем 1904 и июлем 1905 года. См.: Хроника жизни и творчества художника Махарбека Туганова. Владикавказ. 2011, с. 30—32.

8. ГИРЕЕВ Д.А. Литературное наследие Махарбека Туганова. — Литературная Осетия. 1976, № 47, с. 101.
9. НА СОИГСИ, ф. Искусство, оп. 1, д. 93, п. 1, л. 14.
10. ТУГАНОВ М.С. Кто такие нарты? — Известия ОСНИИ. 1925, № 1, с. 371—372.
11. ДЖУСОЙТИ Н. Творить из прошлого будущее. В кн.: Махарбек Туганов. Статьи, воспоминания, письма. Цхинвали. 1986, с. 7—8.
12. ДЗАНТИЕВ А.А. М.С. Туганов — народный художник. — Вопросы осетинского искусства. Орджоникидзе. 1983, с. 119.
13. НА СОИГСИ, ф. Искусство, оп. 1, д. 26, п. 1, л. 4.
14. Там же, л. 5.
15. Там же, л. 6.
16. Дигорон кадаэнгæ. Владикавказ. 1911. (на осет. яз.)
17. АБАЕВ В.И. Из осетинского эпоса. 10 нартовских сказаний. М.-Л. 1939, с. 91.
18. НА СОИГСИ, ф. Искусство, оп. 1, д. 1, п. 1, л. 243.
19. Там же.
20. Махарбек Туганов. Литературное наследие, с. 218.
21. ДЖУСОЙТИ Н. Ук. соч., с. 8—9.
22. ЦАГАРАЕВ В.А. Искусство и время: Очерки по истории визуальной культуры алан-осетин. Владикавказ. 2003, с. 433.
23. НА СОИГСИ, ф. Искусство, оп. 1, д. 26, л. 7—8.
24. Там же, л. 8.
25. Там же.
26. ДЗАНТИЕВ А.А. Художники Северной Осетии. Л. 1988, с. 18.
27. Махарбек Туганов. Литературное наследие, с. 139.
28. НА СОИГСИ, ф. Абаева В.И., оп. 1, д. 54, л. 26.
29. Там же.

Политика большевизма в отношении казаков в разгар гражданской войны

С. А. Кислицын

Аннотация. В политической деятельности и творчестве донских революционеров С.И. Сырцова, С.Ф. Васильченко и др. отразилась характерная для большевизма амбивалентность политики в отношении казаков, которая проявлялась, в зависимости от условий и обстоятельств, в сочетании различных форм взаимодействия: от сотрудничества с широкими массами казачества до их террористического расказачивания. Однако системного геноцида по национальному признаку в отношении всего казачества в политике большевизма не было и не могло быть в принципе, так как его основой была идеология пролетарского интернационализма. Гражданская война, носившая братоубийственный характер, привела к трагическому самоуничтожению большей части населения России.

Ключевые слова: гражданская война, большевизм, казачество, расказачивание, С.И. Сырцов, С.Ф. Васильченко.

Abstract. In the activities and work of the don revolutionary S.I. Sirtsaw and S.F. Vasilchenko reflected characteristic figures of Bolshevism, the ambivalence of the policy in respect of the Cossacks, which were manifested depending on the conditions and circumstances in a combination of different forms of interaction: cooperation with the broad masses of the Cossacks and their terrorist decossackization. Systemic genocide on a national basis in relation to the entire Cossacks in the policy of Bolshevism was not and could not be in principle, as its basis was the ideology of proletarian internationalism. The Civil war was of a genocidal, fratricidal nature, as it led to the tragic self-destruction of a large part of the Russian population.

Key words: Civil war, bolshevism, cossacks, storytelling, S.I. Syrtsov, S.F. Vasilchenko.

Политика большевизма в отношении казачества хорошо изучена в современной исторической литературе, однако в обществе до сих пор продолжают дискуссии, доходящие порой до полной фальсификации этого вопроса. Отдельные авторы абсолютизируют временно-конъюнктурные оценки казачества, данные лидерами большевиков, прежде всего Л.Д. Троцким, и на этой основе возрождают пресловутый, в принципе

Кислицын Сергей Алексеевич — доктор исторических наук, профессор Южно-Российского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Ростов-на-Дону. E-mail: Kislizins@Yandex.ru.

Kislitsyn Sergey A. — doctor of historical sciences, professor of the South Russian Institute of Management — the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Rostov-on-Don. E-mail: Kislizins@Yandex.ru.

давно научно опровергнутый миф о геноциде казачества как особой национальной политике коммунистов ¹.

Геноцид — это в широком смысле человеконенавистническое преступление, направленное на истребление общностей людей, а в узком смысле слова — шовинистическая экстремальная форма этнополитики конкретного государства, направленная на решение этнополитического конфликта или длительной межэтнической напряженности с целью обеспечения «жизненного пространства» для титульной нации. Очень важно не дополнять расовую и национальную характеристику жертв геноцида политической, социальной, сословной, религиозной, культурной, половой и т. п. принадлежностью, так как в этих случаях возникает возможность или подмены понятий, или резкого расширения количества «геноцидов» в мировой истории ².

В период гражданской войны большевики, за исключением письма функционера среднего уровня И. И. Рейнгольда, принципиально никогда не ставили вопрос об уничтожении казачества как народа, более того, они периодически стремились заключить с ним союз в интересах победы советской власти в казачьих районах. Известно указание В. И. Ленина «держаться твердый курс» на Дону, который он еще до революции характеризовал как возможную Вандею русской революции, и делать там «поблажку в привычных населению архаичных пережитках» ³. В свою очередь Троцкий писал: «... ведя истребительный поход против Донской контрреволюции, мы словом и делом свяжем бедного и среднего казака с Красной армией и рабоче-крестьянской властью, ибо только в этом спасение трудового Дона» ⁴. Поскольку позиции вождей большевизма хорошо изучены в литературе, представляется полезным привести малоизвестные факты из биографий ведущих донских большевиков, прежде всего, председателя Донбюро РКП(б) С. И. Сырцова, возглавившего впоследствии Совнарком РСФСР, и известного донского большевика С. Ф. Васильченко, ставшего оппозиционером и известным пролетарским писателем, автором книги «Карьера подпольщика» и запрещенного романа «Не той стороной».

В начале своей подпольной деятельности в Ростове-на-Дону рабочий-революционер Васильченко неоднократно сталкивался с казаками, осуществлявшими свою карательную функцию (разгон демонстраций рабочих во время стачек, разгром баррикад и проч.). Этот опыт выработал у него определенное негативное восприятие роли казаков как «опричников самодержавия». Тем не менее во время революционных событий на Дону в 1917 г. Васильченко как организатор и редактор газеты «Наше знамя» публиковал статьи, в которых наряду с освещением общеполитических вопросов, призывал трудовое казачество встать на сторону революции. В период Октября он уже агитировал за самую решительную борьбу с контрреволюционным казачьим Новочеркасском и за немедленное прекращение политики компромиссов с ним Военно-революционного комитета Объединенной Демократии во главе с Сырцовым.

История взаимоотношений большевиков, меньшевиков, эсеров и детей рассмотрена Сырцовым в мемуарной работе 1932 г. «Вандея российской революции». Сырцов, выросший в Ростове и возглавлявший в ходе гражданской войны на Дону различные структуры, вплоть до Ростово-Нахичеванского совета, хорошо знал местные условия. Он вспоминал, что

после Октября началась «большая упорная борьба», и что в этой борьбе казакам-революционерам понадобилась помощь советских войск, Красной гвардии и рабочих. Были колебания и шатания, «но мы чувствовали, что перелом, произошедший в среде трудящихся элементов казачества, начало которого было положено по инициативе казаков-фронтовиков, должен окончательно выбить почву из под ног Войскового правительства и предрешить его гибель»⁵. На переговорах с казаками он подчеркивал: «... никаких намерений воевать с трудовыми элементами казачества у нас нет, ... единственное, что мы себе ставим это борьба с Войсковым правительством — оплотом реакции не только в Донской области, но и во всей России, борьба с партизанскими белогвардейскими отрядами, сформированными на территории Донской области из офицеров и юнкеров бежавших на Дон». Он указывал на то, «... что в борьбе с войсковым правительством интересы Советской власти и трудовых элементов казачества нисколько не враждебны, а даже наоборот, сходятся, так как это в интересах трудовых казаков-фронтовиков, перенесших тяжести фронтовой, окопной жизни. Они имеют вместе с солдатами возможность более скорой ликвидации того правительства, которое втягивало и продолжает втягивать казачество в авантюру, грозящую ему неисчислимыми жертвами и громадными потерями крови». Эту позицию Сырцова разделял и казак-революционер Ф.Г. Подтелков.

После первого взятия Ростова-на-Дону в декабре 1917 г. казачьими контрреволюционерами и добровольцами Подтелков говорил: «... гражданскую войну я понимаю только как войну одной части трудового народа против другой под влиянием злостной агитации». И действительно, как подчеркнул выживший участник подтелковской экспедиции А.А. Френкель, казаков-подделковцев «предали их же братья казаки». Так были убиты в начале социальной борьбы на Дону «своими же казаками самые храбрые представители молодого казачества в тот самый момент, когда большинство казачества в широкой массе своей поддавшись контрреволюции, отошли на время от рабочей революции и от советской власти»⁶.

Пролетарские центры области — Ростов-на-Дону, Александровск-Грушевский и Таганрог — пытались сопротивляться активизировавшейся буржуазной и казачьей контрреволюции. В Ростове-на-Дону комендант города Васильченко старался реализовать идеи «трудовой коммуны», издав приказ о привлечении к трудовой повинности зажиточного населения. Шахтерские отряды начали теснить белоказачков генерала С.В. Денисова, но включение в процесс боевых столкновений прибывшего на Дон отряда М.Г. Дроздовского и войск германских интервентов обусловило оставление большевиками основных городов. Воспрянувшие белоказачки развернули белый антибольшевистский террор, который принял наиболее жестокие и массовые формы в Александровске-Грушевске, где восставших шахтеров не только расстреливали, но и замуровывали заживо в шахтах и рудниках.

Падение казачье-крестьянской Донской советской республики в начале мая 1918 г. при активном участии казаков предопределило усиление нигилистических подходов у Васильченко, Сырцова и других деятелей по отношению к казачеству в целом. С июня 1918 г. Донская область перешла под практически полный контроль белоказачьего режима атамана

П. Н. Краснова. Силовое изгнание большевиков из Донского края и начало террористического разбольшевичивания региона привело озлобленных местных советских лидеров к категоричному, но достаточно логичному выводу о том, что основная масса казачества настроена против советской власти и не способна к компромиссам, поэтому ее необходимо нейтрализовать любой ценой.

Комиссар по управлению в составе правительства Донреспублики Васильченко в своем отчете во ВЦИК на имя Я. М. Свердлова отмечал, что уже в марте 1918 г. началась организация казачьих сил, а затем развернулись вооруженные выступления, в ходе которых отряды казаков беспощадно расправлялись не только с «бунтовщиками-иностранцами», но и со своими «своевольными казаками». Он указывал, что гражданская война на Дону стала носить «не столько характер непосредственно классово-борьбы, сколько характер бытового антагонизма между казаками и крестьянами. Соответственно с этим, не в пример остальной части земледельческой России, борьба в Донской области развернулась не как борьба между кулаками, с одной стороны, и с беднотой, с другой, а как борьба между “братьями”-казаками и “хаммами” иностранцами. Это обусловило почти поголовное восстание казаков, свирепствовавшими над всеми без исключения крестьянами. Это же заставило крестьян с небывалым упорством отстаивать свои хаты и... держаться за советскую власть. Так распространилось у казаков убеждение в необходимости поголовного истребления иностранцев (“Дон для донцов”). Так в свою очередь крестьяне и советские войска стали думать о необходимости поголовного истребления казаков. Приемы расправы, практиковавшие казаками над крестьянами, делали это убеждение не преодолимым. Казаки вырезали в занятых ими местностях женщин и детей, не говоря уже о способных носить оружие. Только в городах и пригородах, да в таких местах где крестьяне составляют преобладающее большинство (Таганрогский округ, Ростовский, Александро-Грушевский) иностранное население не было все перемолото, перестреляно»⁷. Далее автор приводит пример яростного сопротивления, продолжавшегося в течение полутора месяцев, крестьян Большой Орловки и Мартыновки Сальского округа казачьими отрядами. Васильченко обосновал необходимость использования в противовес белоказачьему террору «истребительных» методов борьбы в отношении активных болоказов. Его оценки подтверждались современными историками К. А. Хмелевским, И. А. Ратьковским, П. А. Голубом⁸.

В новой брошюре, прямо адресованной казачеству, Васильченко сначала попытался объяснить причины перехода казачества на сторону белых. Он в частности признал, что «красногвардейские отряды проходили другие станицы и, где проходили, там не удерживались оттого, чтобы обижать население... Когда Советская власть узнала, как они бесчинствуют, то первой же своей задачей поставила обезоруживание этих отрядов и предание их главарей суду за мародерство и контрреволюционность. По всей линии железной дороги от Ростова до Царицына эти отряды стали обезоруживаться, а некоторые и расстреливаться. Так были уничтожены отряды Петренко, херсонской анархистки Маруси Никифоровой, грабительская сотня Гурьева, конно-пехотный отряд матроса Жукова и целый ряд других. Но пламенем того пожара, который зажгли в Кривянке, при-

своим себе название красногвардейцев, бандиты, и передававшейся из уст в уста молвой о красногвардейских грабежах воспользовался П. Н. Краснов, чтобы натравить казачество против большевиков и Советской власти». Васильченко указывал, что это им удалось, и казачество стало служить белым и интервентам, став врагом советской власти и забыв «ермаковско-разинские вольности».

Далее он попытался объяснить, почему Краснову это удалось: «Слетевшаяся на Дон саранча клеветов буржуазии и холопы помещичье-царского порядка завопили... о том, что большевики хотят уничтожить казачество, о том, что Советская власть хочет отдать на разграбление Дон. Это была первая гнусная ложь на большевиков, на Советскую власть, не хуже той, которую сочинила провокаторская буржуазия, когда она обвинила большевиков, будто они подкуплены немцами. Но казакам, которые еще не забыли обид, причиненных им самочинными отрядами банд, легко было этой офицерско-атаманской лжи поверить и они ей поверили... Но Краснову и капиталистам мало показалось одной лжи на большевиков, они стали распространять и другую будто большевики у казаков хотят отобрать землю. Они при этом не говорили, что большевики предлагают трудовым казакам отобрать землю самим у таких коннозаводчиков, как Денисов с двенадцатью тысячами десятин земли, или как миллионер Супрунов, у которого возле Великокняжеской богатейшая экономия, а в Ростове мельницы и дома, или как Фетисов и Греков, у которых в разных местах целые владения... И третью ложь распространила при Краснове хищная буржуазия — будто большевики искореняют православную веру и не дают верующим... по-старому молиться... белая гвардия клеветает, будто большевики хотят уничтожить казачью вольность и истребить казаков». В доказательство Васильченко привел выдержки из декретов советской власти о земле, о создании советов казачьих депутатов и т. п. Очень характерен заключительный призыв автора: «... гей, подымайся, казачество степное, верховое и понизовое, заряжай винтовки, бери пику в руки. Встречай большевиков, равняй ряды с ними и поворачивай строй против атаманов, продавшихся богатеям! На коня, казаки, за Советскую власть, казачью и рабоче-крестьянскую!».

Однако 24 января 1919 г. была принята известная директива Оргбюро ЦК РКП(б), в которой наряду с обычными для гражданской войны лозунгами и призывами использовался термин «поголовное уничтожение контрреволюционного казачества» подразумевавший ликвидацию вооруженных антибольшевиков-казаков, а не гражданского мирного населения. В отношении последнего указывалось на необходимость выселения из мест обитания тех, кто поддерживал казаков-контрреволюционеров. Вся беда была в том, что граница между всеми группами казаков была условной и зыбкой, что приводило к неконтролируемому применению террористических методов подавления в ряде случаев ко всему казачеству. Хотя в марте 1919 г. резолюция была отменена, на местах особо ретивые большевики продолжали политику «красного террора», вызывая аналогичные ответные действия, в частности — знаменитое восстание казаков на Верхнем Дону, продлившее гражданскую войну минимум на полгода, Френкель призывал большевиков продолжать классовую, а не «аморфную зоологическую борьбу»

События на Верхнем Дону вызвали также бунт в формировавшемся казачьем корпусе под командованием донского казака Ф.К. Миронова, примкнувшего к большевикам. В своей речи во время трибунала над ним начальник Политуправления РККА И.Т. Смилга указал, что «зверства на Дону» совершались «в обстановке гражданской войны, когда страсти накапливаются до предела». Отметив, что их главные виновники расстреляны, он, однако, высказал типично большевистское мнение, что подобные ужасные поступки «оправданы историей», так как их совершил прогрессивный класс, сметавший «на своем пути пережитки феодализма и народного невежества». В своей заключительной речи на заседании трибунала Миронов раскаялся и признал политику большевизма. Более того, в своих письмах Ленину и ряде воззваний к казакам он предложил собственную концепцию казачье-крестьянского социализма, в которой попытался соединить его базовый марксистский концепт с требованиями крестьянства, с «революционным казачеством» и «любовью» к казачеству, с борьбой с расказачиванием и идеалами христианства, так как, по его мнению, казаки были в душе настоящими социалистами. Несмотря на расстрельный приговор трибунала, Троцкий, по рекомендации Смилги, назначил Миронова командующим 2-й Конной армии.

Понимание позиции Миронова в вопросе расказачивания прослеживалось в деятельности отдела ВЦИК, казаков-большевиков М.Ф. Болдырева, К.Ф. Булаткина, В.С. Ковалёва, Е.Е. Ефремова, братьев В.А. и Е.А. Трифоновых, Д.В. и Я.В. Полуянов, Н.Д. и И.Д. Кашиных. Более радикально настроенные члены Донбюро ЦК РКП(б) Сырцов, П.Г. Блохин, Френкель, И.А. Дорошев, С.Л. Лукашин, И.В. Решетков, Е.И. Щаденко и др. требовали жесткости в отношении контрреволюционеров-казачков, но не стремились к огульному террору. По их приказам были ликвидированы члены ревкомов, допустившие бессудные расправы. Член ревкома донского корпуса В.Ф. Ларин писал: «... сейчас Сырцов, Дорошев отплевываются (на них льется вся эта грязь — все бессмысленные расстрелы и т.д.). Ясно одно, что они являются тем элементом, который смотрит на Донщину не с точки зрения казачьей колокольни, а с точки зрения интересов российского пролетариата»⁹.

Сырцов, как руководитель Донбюро ЦК РКП(б), член РВС и начальник Гражданского управления Южного фронта, от имени рабочего класса, коренного и иногороднего крестьянства вел решительную борьбу с контрреволюционным казачеством, сражавшимся с советской властью. Особой страницей в этой борьбе стало вешенское восстание казачества, вызванное январской 1919 г. директивой Оргбюро. В этой взаимной бескомпромиссной борьбе было много переменных, вносимых извне пропагандистских, мятежных, уголовно-бандитских, провокационных, мародерских факторов, вплоть до элементарной мести, которые резко осложняли ситуацию и приводили к значительным жертвам. Часть большевиков за бессудные расстрелы была отдана по суд трибуналов, но и белоказаки без всяких циркуляров осуществляли массовый террор, жертвами которого стало свыше 40 тыс. человек. Более того, казачество оказалось ударной кавалеристской силой Белого движения. В то же время около 20% полков донских казаков воевало в красных кавалерийских соединениях (подсчеты А.В. Венкова), причем этот процент в ходе гражданской

войны постепенно возрастал. Это не только знаменитые 1-я и 2-я Конные армии под командованием С. М. Будённого и Ф. К. Миронова, но и «Первая червонная казачья дивизия под командованием В. М. Примакова, формирования Б. М. Думенко и др.

После разгрома армии Деникина Васильченко и Сырцов в начале 1920 г. вновь приехали в Ростов-на-Дону, где стали руководителями парткомов и советов города и всей Донской области. Сырцов в соответствии с «Тезисами о работе на Дону» отказался от концепта рассказывания в отличие от Васильченко, который заявлял, что казачье население Дона все еще враждебно советской власти и поэтому диктатуру надо осуществлять «огнем и мечом», путем опоры на красноармейские части, коммунистические ревкомы и чрезвычайки. После длительных дискуссий и острых внутривнутрипартийных столкновений Донком 28 мая 1920 г. принял решение добиваться от ЦК отстранения от руководства Васильченко, а заодно и его постоянного антагониста Сырцова¹⁰.

Сырцов стал заведующим отделом ЦК РКП(б) и принял активное участие в обновлении казачьей политики партии и государства (этот эпизод по политизированным причинам обходится в целом ряде исследований истории казачества). По его докладу Пленум ЦК РКП(б) в апреле 1925 г. рассмотрел вопрос о полном отказе от насильственных мер в казачьих областях и изживании розни между казаками и крестьянами. Сырцов четко повторял большевистские оценки казачьего вопроса. Он подчеркивал, что казачество в прошлом обладало немалыми привилегиями по сравнению с иногородним и крестьянским населением, что привело к известному совпадению интересов части зажиточного казачества с позициями господствующих классов царской России. Именно это обусловило то, что гражданская война в казачьих районах протекала с необычайной остротой и с большой жестокостью с обеих сторон. Крестьянское и иногороднее население встало дружно на защиту советской власти и «жестоко мстило» казачеству. Лишь незначительная часть казаков из малоимущих элементов, главным образом из молодежи, бывшей на войне, стала более или менее на сторону советской власти и поддержала политику примирения с иногородним и крестьянским населением.

На новом этапе «огульное отрицательное отношение к казачеству, как к сплошной контрреволюционной массе, продолжение деления на “казак” и “не казак”, деление по линии сословных признаков, а не классовых» могло привести, по мнению Сырцова, к ослаблению классовой дифференциации казачества, снижению темпов его советизации и укреплению его как «самобытной социальной сословной группы». В принятом постановлении ЦК говорилось о восстановлении в избирательных правах реэмигрантов, станичных и хуторских атаманов, о привлечении в аппараты местных советов казачьей интеллигенции, о широком вовлечении казачества во все общественные организации — комсомол, кооперацию, ККОВы, о создании в местах с компактным казачьим населением отдельных административных единиц. Это решение и его позитивная оценка трудовым казачеством являются безусловным доказательством отсутствия в недавнем прошлом политики геноцида по отношению к казачеству.

Латентное рассказывание продолжалось, но в совершенно других формах, связанных с переустройством села, коллективизацией и раскулачиванием. Новое поколение донского, уже советского, казачества героически проявило себя в Великой Отечественной войне в составе 5-го Донского казачьего корпуса и других красноармейских казачьих частей.

Большинство участников дискуссий о казачестве со всех сторон было репрессировано в ходе кадрового террора 1936—1938 гг., который известный историк Р. Медведев назвал «своеобразным политическим геноцидом», хотя и в этом случае некорректность термина очевидна. Васильченко подписал оппозиционную троцкистскую «платформу 46», оказался вне партийных структур и в 1936 г. был расстрелян за организацию «троцкистской группы» в Обществе политкаторжан и ссыльнопереселенцев. Сырцов в 1930 г. за критику партийного курса и организацию группы инакомыслящих большевиков, обозначенной как «фракционный право-левацкий блок Сырцова-Ломиндазе» был исключен из партийного руководства, а в 1937 г. расстрелян по обвинению в создании на этот раз «параллельного право-троцкистского блока».

Таким образом, конкретная деятельность донских руководителей Сырцова, Васильченко и др. во время гражданской войны демонстрирует характерную для большевизма амбивалентность политики в отношении казачества, которая варьировалась от сотрудничества с массами казачества до рассказывания отдельных групп. Никакого системного и теоретически обоснованного геноцида по национальному признаку в отношении всего казачества в официальной политике большевизма не было и не могло быть, так как его основой была идеология пролетарского интернационализма. Если говорить о геноциде, то практически вся гражданская война носила геноцидальный характер, что привело к трагическому самоуничтожению большей части населения России с двух противостоящих сторон.

Примечания

1. ЛЫСЕНКО Н. Геноцид казаков в Советской России и СССР. 1918—1933. Опыт этнополитического исследования. Ростов-на-Дону. 2018.
2. АКОПЯН С. Ю. Геноцид армян в период первой мировой войны и его современные этнополитические и международно-правовые последствия. — Южно-Российское обозрение. 2006, № 38.
3. ЛЕНИН В. И. Полн. Собр. Соч. Т. 50. М. 1970, с. 387.
4. Филипп Миронов. Документы. Тихий Дон в 1917—1921 гг. М. 1997, с. 391.
5. СЫРЦОВ С. И. Вандея Российской революции. Революция и контрреволюция на Дону. ГКУ РО ЦХДНИ, ф. 12, оп. 2, д. 148. См. также: БОРИСЕНКО И. П. Советские республики на Северном Кавказе в 1919 г. Т. 1. Ростов-на-Дону. 1930.
6. ФРЕНКЕЛЬ А. Орлы революции. Ростов-на-Дону. 1920, с. 33.
7. Пролетарская революция на Дону. Ростов-на-Дону. 1922, с. 95.
8. ХМЕЛЕВСКИЙ К. А., ХМЕЛЕВСКИЙ С. К. Буря над Тихим Доном. Ростов-на-Дону. 1984; ГОЛУБ П. А. Правда и ложь о «рассказывании» казаков. (Очерки). М. 2009; РАТЬКОВСКИЙ И. С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды. (1917—1920). М. 2017.
9. Филипп Миронов. Документы, с. 276.
10. ГКУ РО ЦХДНИ, ф. 12, оп. 25, д. 41, л. 1, 2, 3

Документы архивов Смоленской области как источники для изучения правовых аспектов жизни крестьян в 1920-е гг.

В. В. Кулачков

Аннотация. Публикация посвящена обзору документов Государственного архива Смоленской области и Государственного архива новейшей истории Смоленской области, содержащих документы по правовым аспектам жизни крестьян в 1920-е годы. Это время вошло в отечественную историю как один из периодов, которые видоизменяли старый уклад жизни и способствовали появлению новых ценностей и образцов поведения. Относительная демократизация практически всех сфер жизни в период новой экономической политики в контрасте с так называемым периодом «военного коммунизма» еще больше усиливает интерес к этой теме.

Ключевые слова: крестьянство, Смоленская губерния, архивные документы, правовые аспекты, новая экономическая политика.

Abstract. The publication is devoted to the consideration of the documents of the state archive of Smolensk region and the state archive of the modern history of Smolensk region as sources for the study of legal aspects of life of krestyan in the 1920s. The studied time entered the domestic history as one of the periods that modified the old way of life and contributed to the emergence of new values and patterns of behavior. The relative democracy of almost all spheres of life in the period of the new economic policy in contrast to the so-called period of “war communism” further increase the interest of researchers.

Key words: peasantry, Smolensk province, archival documents, legal aspects, new economic policy.

1920-е гг. остались в российской истории как противоречивый и неоднозначный период, в ходе которого произошла относительная демократизация практически всех сфер жизни. Данное важное обстоятельство постоянно привлекает внимание исследователей к этому этапу в отечественной истории. При этом сельское прошлое большинства населения нашей страны актуализирует изучение правовых аспектов жизни крестьян в 1920-е годы. Можно согласиться с В. В. Ивановым в том, что

Кулачков Вадим Витальевич — кандидат исторических наук, доцент Брянского государственного инженерно-технологического университета. E-mail: vad2517@yandex.ru.

Kulachkov Vadim. V. — PhD (History), associate professor at the Bryansk State Engineering and Technology University. E-mail: vad2517@yandex.ru.

«... изучение опыта 1920-х годов имеет большое дидактическое (поучительное) значение, причем не только для исторической науки, но и также для других наук...»¹ Введение в научный оборот новых архивных данных безусловно способствует более объективному воссозданию картины давно ушедшей эпохи новой экономической политики. Целью данной публикации является обзорное рассмотрение документов Государственного архива Смоленской области (ГА СО) и Государственного архива новейшей истории Смоленской области (ГАНИ СО), содержащих информацию по правовому положению крестьян в 1920-е годы.

В современной российской историографии изучению правовых аспектов жизни российских крестьян в 1920-е гг. уделяется значительное внимание. Изучением правовой культуры, в том числе, и крестьянского населения в период формирования Советского государства в 1920-е — 1930-е гг., занимался А.М. Евстратов. По его обоснованному мнению, гражданская война привела к жесткому правовому нигилизму и всякому отрицанию правовой культуры². И.В. Абдурахманова пришла к выводу, что советское правовое сознание является синтезом социалистических идей и рудиментарных представлений о праве и законности³.

Изучением формирования правового сознания именно сельского населения занимался О.Н. Мигущенко, который отмечал, что социально-экономическая политика Советского государства способствовала формированию пролетарского мышления и поведения⁴. Исследователь Д.В. Валуев пришел к выводу, что «даже в период коллективизации, несмотря на мощное давление власти... деревенское “общество” и даже низовые органы власти нередко защищали своих односельчан от лишения избирательных прав»⁵.

Следует выделить ряд работ, которые посвящены изучению особенностей крестьянской преступности в период новой экономической политики. В частности, Л.Х. Дзахова и Д.О. Кусова придерживаются мнения, что «особенностью криминогенной ситуации в Северной Осетии была высокая напряженность в отношениях крестьянства и местной власти»⁶. Исследователи уделяют внимание изучению самогонварения, которое процветало в 1920-е годы. Так, И.В. Курьшев и Е.М. Насартынова справедливо отмечают, что «самогон являлся “жидкой валютой” нэповского общества и активно применялся для обмена на различные товары как в деревне, так и в городе»⁷. При этом одним из распространенных явлений в изучаемый период было хулиганство, поэтому ученые высказывают свою точку зрения по данному вопросу. Так, по мнению П.М. Ельчанинова «... преступность стала одной из характерных черт повседневной действительности советских городов и сел в 1920-е гг.»⁸.

Кроме того, важное место в правовом сознании крестьянства 1920-х гг. занимала налоговая проблематика. В частности, О.И. Марискин считает, что «началом перехода советского государства к новой экономической политике стало реформирование налоговой системы в деревне»⁹. Очевидно, что налоговая тема была одной из наиболее важных в период нэпа. Доказательства этому можно найти как в архивных, так и в опубликованных материалах.

Таким образом, краткий историографический обзор позволяет сказать о том, что тема правовых аспектов жизни крестьян в 1920-е гг. инте-

ресует исследователей. Достаточно активно изучаются правовая культура сельского населения, правовое положение лишенцев, налоговая тематика и другие вопросы. Авторы, исследующие криминогенную обстановку в период новой экономической политики, отмечают рост практически всех видов преступлений. Однако существуют пробелы в изучении региональной специфики вопроса, поэтому введение в научный оборот новых архивных данных является насущной необходимостью. В связи с этим, обзорное рассмотрение документов Государственного архива Смоленской области (ГА СО) и Государственного архива новейшей истории Смоленской области (ГАНИ СО), содержащих информацию по правовому положению крестьян в 1920-е гг., призвано помочь дальнейшему исследованию заявленной темы.

В указанных архивах представлен обширный массив документов, касающихся изучаемой сферы крестьянской жизни. Например, большой объем информации содержится в ф. Р-13 — исполнительный комитет Смоленского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Губисполком, ГИК). Указанный фонд содержит 3190 единиц хранения, датируется 1917—1930 гг., состоит из 6 описей. В нем можно выделить ряд дел, содержащих ценные сведения, касающиеся правовой эволюции крестьянства. Например, в одном из них имеются копии циркуляров Смоленского уездного исполкома, выписки из протоколов, доклады и сведения о деятельности низового советского аппарата Советов¹⁰. Другое архивное дело содержит информацию о едином сельскохозяйственном налоге и представляет большую ценность для исследователя, так как налоговая тематика была очень актуальной в изучаемый период¹¹.

В указанном фонде также отложилось дело, посвященное борьбе милиции Смоленской губернии с тайным винокурением. Это дело представляет интерес в плане демонстрации активной борьбы с самогонщиками, которая проводилась в 1920-е гг. в сельской местности. При этом не стоит забывать, что антиалкогольное движение носило характер кампании, поэтому были неизбежны перегибы в применении на практике борьбы за трезвость¹².

Следующее дело содержит общий обзор состояния землепользования и движения трудового землеустройства в Смоленской губернии. Его изучение дает возможность составить представление о состоянии дел в земельной сфере, поскольку вопрос о земле всегда волновал крестьянство¹³. Привлечение в качестве источника переписки с ВЦИК СССР и центральной избирательной комиссией по вопросу лишения избирательных прав дополняет уже известные представления о правовом статусе лишенцев в системе социальных отношений¹⁴.

Важное значение при рассмотрении правовых аспектов жизни крестьян в 1920-е гг. также играют руководящие распоряжения центральных органов и ГИКА, касающиеся судов и карательной политики, а также отчеты и планы судебно-следственных органов¹⁵. В данных архивных материалах содержатся ценные выводы из отчета о работе Смоленского губернского суда за период с 1 января по 1 июля 1927 года. В нем указывалось, что необходимо «... развитие юридической помощи беднейшему населению путем расширения сети консультаций в сельских местностях, дежурств в избах-читальнях, путем выступления на крестьянских собра-

ниях с докладами по популяризации советского права и прочее...»¹⁶ Очевидно, что данная информация имеет самое непосредственное отношение к правовой эволюции крестьян в 1920–е годы.

Большой информационной ценностью обладают выписки из декретов ВЦИК и СНК СССР, постановления Смоленского губернского исполнительного комитета, доклады и сведения о работе среди национальных меньшинств¹⁷. В одном архивном деле, в частности, содержится информация о том, что «... с целью оказания юридической помощи губернским судом периодически направляются в места, где проживают национальные меньшинства, члены коллегии защитников, знающие национальный язык»¹⁸. Языковая проблема стояла достаточно остро и была актуальна и для других направлений работы в среде национальных меньшинств.

При изучении правовой эволюции крестьянства в 1920-е гг. необходимо обратить внимание на ф. Р-74 — Смоленский губернский суд, который содержит 3764 единицы хранения, датируется 1917—1929 гг., состоит из 8 описей. В одном из дел данного фонда содержатся сведения о наблюдении за деятельностью коллегии защитников, а также оказанием юридической помощи населению¹⁹. В частности, в переписке Дома крестьянина и коллегии защитников за февраль 1924 г. указывается, что «участие в работе юридического отдела Дома крестьянина членов коллегии защитников требуется преимущественно по базарным дням (среда и суббота), то есть в дни большого наплыва посетителей»²⁰.

Следует отметить большую информативность дела, содержащего различную переписку нотариального отделения²¹. В частности, в нем содержатся сведения из четвертого сводного отчета о деятельности нотариального отделения Смоленского губернского суда с 1 октября 1923 по 1 января 1924 г. и сообщение о том, что «нотариальные учреждения пользуются популярностью на местах, они заняли свое положение в глазах населения»²².

Думается, что поможет в нелегкой работе исследователя при изучении правовых аспектов эволюции крестьянства в 1920-е гг. и ф. Р-1207 — Смоленское губернское отделение Наркомата рабоче-крестьянской инспекции (РКИ). Он содержит 5734 единицы хранения, датируется 1916—1929 гг., состоит из 4 описей. В частности, одно из дел содержит материалы по проверке избирательной кампании 1926—1927 гг. в Смоленской губернии²³. При работе с этим архивным делом обращает на себя внимание то обстоятельство, что самокритика в деятельности органов власти изучаемого периода была развита в достаточной мере и активно выделялись так называемые «неправильные уклоны». Например, для иллюстрации последнего из «неправильных уклонов» приводился следующий пример: «... Смоленская уездная избирательная комиссия лишила таким образом избирательных прав граждан Кокотиных, отец которых является священником, но с которым они состоят в имущественном разделе, законно оформленном еще в 1922 г. и ведут самостоятельное сельское хозяйство»²⁴.

В следующем деле отложились материалы по обследованию просветительской работы среди национальных меньшинств, в которых содержатся ценные сведения по социокультурной деятельности, отмечаются достижения и недостатки в работе²⁵. При этом указывается, что «... сама

работа по культурному обслуживанию нацменьшинств часто встречает скептическое отношение со стороны ряда советских и партийных работников...»²⁶

Несомненную ценность представляет архивный фонд ф. Р-2360 — Исполнительный комитет Западного областного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Запоблисполком), который содержит 7251 единицу хранения, датируется 1923—1941 гг., состоит из 6 описей. Большой объем информации о положении национальных меньшинств Смоленской губернии находится в двух делах, содержащих материалы о состоянии работы среди национальных меньшинств по Западной области за 1929—1931 годы²⁷.

В Государственном архиве новейшей истории Смоленской области (ГАНИ СО) также собраны ценные сведения, которые касаются различных аспектов положения национальных меньшинств. Прежде всего, это дела из ф. 3 — Смоленский губернский комитет партии, которые содержат информационные сводки, отчеты и доклады по работе в среде национальных меньшинств Смоленской губернии²⁸. Кроме того, в ГАНИ СО интересен фонд 11 (Смоленский уездный комитет), содержащий отчеты, информационные сводки о работе волостных комитетов по агитации и пропаганде Смоленского уезда и губернии за 1925—1926 годы. В ф. 5 — Западный обком партии большевиков — содержится информация, характеризующая деятельность сельских советов и отношение к ним крестьян.

Таким образом, материалы вышеперечисленных фондов и дел из Государственного архива Смоленской области и Государственного архива новейшей истории Смоленской области позволяют более объективно воссоздать картину правовой эволюции смоленского крестьянства в 1920-е годы. Это касается дальнейшего изучения налоговой тематики, реализации на практике антиалкогольной борьбы, пополнения знаний о правовом статусе лишенцев и работе в среде национальных меньшинств, популяризации права и оказания юридической помощи крестьянскому населению. Введение в научный оборот новых архивных материалов дает возможность исследователю сформировать свой взгляд на события времен новой экономической политики.

Примечания

1. ИВАНОВ В. В. Советское государство и крестьянство в 1920—1927 гг.: опыт взаимовлияния (на материалах Приангарья). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Иркутск. 2017, с. 4
2. ЕВСТРАТОВ А. М. Правосознание и правовая культура в период формирования Советского государства в 1920-е — 1930-е годы. Дисс. докт. юрид. наук. М. 2001, с. 142.
3. АБДУРАХМАНОВА И. В. Трансформация массового правосознания в России в первой четверти XX в.: историко-правовой аспект. Дисс. докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2009;
4. МИГУЩЕНКО О. Н. Влияние социально-экономической политики государства на формирование правосознания сельского населения (на материалах Центрально-Черноземной области 1928—1934 гг.): монография. М. 2008.
5. ВАЛУЕВ Д. В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918—1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Библиотека журнала «Странник». Смоленск. 2012, с. 152.

6. ДЗАХОВА Л.Х., КУСОВА Д.О. Преступный мир Северной Осетии в 1920-е гг. и борьба с ним правоохранительных органов. В кн.: Деятельность государственных органов по борьбе с преступностью в Северной Осетии в условиях нэпа: исторический опыт. Владикавказ. 2014, с. 40.
7. КУРЫШЕВ И.В., НАСАРТЫНОВА Е.М. Преступность и бандитизм в Ишимском уезде (округе) в 1921—1928 гг. и меры правоохранительных органов по их предотвращению. В кн.: История повседневности Западной Сибири: конец XIX — начало XXI вв. Ишим. 2014, с. 211—212.
8. ЕЛЬЧАНИНОВ П.М. Деформация общественного сознания и преступность в советской провинции в период новой экономической политики в 1921—1928 гг. В кн.: Законность и правопорядок: правосознание и правовая культура современного общества. Сборник материалов I международной научно-практической конференции. Новосибирск. 2017, с. 101.
9. МАРИСКИН О.И. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX — первой трети XX века: По материалам Среднего Поволжья. Дисс. докт. ист. наук. Саранск. 2004, с. 445.
10. Государственный архив Смоленской области (ГА СО), ф. Р-13, оп. 2, д. 341.
11. Там же, д. 562.
12. Там же, д. 723.
13. Там же, д. 431.
14. Там же, д. 434.
15. Там же, д. 518.
16. Там же, д. 518, л. 25
17. Там же, д. 321.
18. Там же, д. 321, л. 134.
19. Там же, ф. Р-74, оп. 4, д. 93.
20. Там же, л. 51.
21. Там же, оп. 1, д. 533.
22. Там же, л. 26об.
23. Там же, ф. Р-1207, оп. 1, д. 1690.
24. Там же, л. 57.
25. Там же, д. 1706.
26. Там же, л. 29.
27. Там же, ф. Р-2360, оп. 1, д. 194, 195.
28. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО), ф. 3, оп. 1, д. 1944, 2167, 2932; д. 461.

Современный сабантуй — наследие Октябрьской революции

Ф.Г. Галиева

Аннотация. В публикации на основе документов Башкирских обкомов партии и комсомола, материалов прессы послереволюционного времени изучается красный сабантуй. Показано, что этот праздник возник из земледельческого обряда башкир и татар, использовался для решения актуальных социально-экономических и политических задач и конструирования исторических мифологий. В раннесоветский период сабантуй был способом консолидации многоэтничного населения, вовлечения тюркских народов в процесс кооперации, строительство нового быта и культуры. В течение советского и постсоветского периодов усилиями культработников сабантуй получал новый смысл, но остался проводником государственной идеологии.

Ключевые слова: красный сабантуй, революционные праздники, башкиры, татары.

Abstract. In the publication based on documents of the Bashkir regional Party committee and the Komsomol, the press materials of the post-revolutionary time, is studied Red Sabantui. It is shown that this holiday was constructed by the Soviet authorities based on the agricultural rite of the Bashkirs and Tatars, and was used to solve current socio-economic and political problems. In the early Soviet period Sabantuy was a way to consolidate the multi-ethnic population, to involve the Turkic peoples in the process of cooperation, to build a new way of life and culture. During the Soviet and post-Soviet period Sabantuy received new meanings, and she remained a conductor of state ideology.

Key words: Red Sabantuy, revolutionary holidays, the Bashkirs, the Tatars.

Красные обряды более-менее успешно проводились в 1920-х гг. в городах, заселенных преимущественно русскими. Вместе с тем, доля русских в Башкирии к 1926 г. составляла 40%. Значительную часть населения составляли башкиры (23,5%), татары (17,7%) и мишари (5,1%), расселенные преимущественно в сельской местности (башкиры — 98,1%)¹. Поэтому для успешной идеологической работы среди «корен-

Галиева Фарида Габдулхаевна — доктор филологических наук, кандидат исторических наук, зав. отделом этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН. E-mail: afg18@mail.ru.

Galieva Farida G. — doctor of Philology, PhD (History), head of the Department of Ethnography at the Institute of Ethnological Studies named after R. G. Kuzeev, Ufa Federal Research Centre of RAS. E-mail: afg18@mail.ru.

ного» населения был необходим тюркский по происхождению светский праздник. Выбор пал на земледельческий ритуал башкир и татар сабантуй (*сабан* — плуг, *туй* — праздник).

Обращение государственных органов к сабантую как инструменту политики оказалось продуктивным в связи с его широкими возможностями, проверенными веками. Он с давних пор является не только всенародно любимым народным праздником, но и успешно выполняет функции общественно-политического мероприятия. Сабантуй представляет собой динамичное явление, отражающее современные тенденции общественного развития, обладает большим адаптационным, а также этноконсолидирующим ресурсом. Согласно исследованию С. Ю. Малышевой, у татар сабантуй проводился близ Казани еще в 1830-е гг. на средства и в интересах городских комиссий и благотворительных обществ; в нем принимали участие представители разных этносов и конфессий².

В городах Башкирии сабантуй стал организовываться лишь в советское время, после их «тюркизации». Но на примере истории и культуры башкир можно проследить консолидирующую роль сабантуя в процессе этногенеза башкирского народа на основе отдельных родов и племен, сопровождавшегося формированием общешаркирской празднично-обрядовой культуры. Он появился как общенародный праздник в результате синтеза нескольких локальных ритуалов (*йыйын*, *майдан*, *каргатуй* — вороний праздник, *карга буткаһы* — воронья каша и др.)³ и получил название обряда северо-западной территориальной группы башкир — *сабантуй*. Именно там, в зоне тесных контактов с татарами, где земледелие уже к XVIII в. было основным занятием башкир, в отличие от большинства других районов Башкирии, этническая культура народов имела много общих черт⁴.

Во второй половине XIX в. сабантуй имел общие черты с обрядами народов Урало-Поволжья: *агапайрам* (праздник сохи) черемисов (марийцев), *кереть озкс* (моление плуга) мордвы, *агаяшка* (вывоз плуга) удмуртов, *акатуй* (праздник сохи) чувашей⁵. В местах расселения указанных народов рядом с башкирами и татарами их земледельческие праздники включали конные скачки, национальную борьбу, игры, песни, танцы и прочие элементы, свойственные сабантую. У марийцев они организовывались после традиционных молений и назывались *сабантой*⁶. Конные скачки и другие спортивные соревнования входили в программу религиозных ритуалов марийцев, удмуртов и чувашей-язычников Башкирии. Удмурты окружное моление *мер вӧсь* сопровождали жертвоприношением и совместной трапезой; а вечером проводили конные скачки, на которых призом служили вышитые девушками полотенца⁷, как у башкир и татар. Некрещеные чуваша с. Юлтимировка Бакалинского района Башкирии, устраивая общесельские коллективные моления *учук*, организовывали обряд *акатуй* с борьбой, влезанием на шест, перетягиванием каната, прыжками, бегом с мешками, коромыслами. Победители получали полотенца, платки, яйца, собранные у жителей села⁸.

В середине XIX в. элементы сабантуя включались в программу празднования «царских дней» в Оренбургской губернии, куда входил

ла Башкирия ⁹. Вслед за торжественной частью и литургией следовали конные скачки, соревнования по национальной борьбе, игре на курае; все желающие угощались бишбармаком, который варился в огромных котлах ¹⁰.

После победы Октября в процессе вовлечения представителей разных этносов в единый поток строительства нового общества и новой культуры сложились предпосылки для того, чтобы именно сельский светский обряд сабантуй башкир и татар, элементы которого были частью культуры чувашей, марийцев и других народов, стал основой для конструирования нового советского государственного праздника.

Успешный опыт проведения красного сабантуя в Башкирии зафиксирован еще в 1918 году. Судя по материалам республиканской газеты «Вперед!», 26 и 27 мая на окраине г. Уфы, в районе «Старая Уфа» татарская общественная организация на отведенной коммуной площади устроила «грандиозный» праздник сабантуй. Собранные средства пошли «на усиление средств союза» ¹¹. Сабантуи в сельской местности, очевидно, еще проводились по традиционной схеме, в письменных источниках они не отмечаются.

23 апреля 1921 г. Коллегия Наркомата рабоче-крестьянской инспекции Башкирской АССР приняла решение оказать содействие организации красного сабантуя и просить БашЦИК утвердить его всенародным спортивным праздником ¹². Однако торжества стали невозможны в условиях «Большого голода» (1921—1922), когда умерла почти треть башкир (с 1920 по 1926 гг. 800 тыс. чел. ¹³), перестали существовать многие башкирские деревни (особенно в юго-восточных кантонах республики), вспыхнули эпидемии, наблюдались случаи людоедства. В ряде кантонов прошли голодные бунты, были убиты местные чиновники и коммунисты. В свою очередь подавление повстанческого движения сопровождалось террором, грабежами, конфискациями имущества и продовольствия у башкирского населения ¹⁴.

В 1923 г. жизнь постепенно стала налаживаться, а вместе с этим развернулась работа по организации революционных праздников — инструмента идеологической пропаганды и решения актуальных государственных задач. В то время такой задачей было развитие кооперации. Именно потребительская кооперация была призвана стать общественной силой по интеграции не только экономики, но и социальной, культурно-просветительской жизни, распространению идей солидарности и взаимопомощи. Поэтому одним из первых советских сельскохозяйственных праздников стал День кооперации, назначенный на 17 июля — период празднования сабантуя. (Как известно, советские сельскохозяйственные праздники назначались на время, когда сельчане готовились к религиозным или народным праздникам, с целью их постепенной замены советскими эквивалентами ¹⁵). Красный сабантуй летом 1923 г. совместили с Днем кооперации, использовали для агитации и усиления значимости советского мероприятия. В Бирском кантоне эта кампания охватила до 8 тыс. чел., в кооперацию было «завербовано» 680 человек ¹⁶.

Несмотря на успехи в проведении красного сабантуя, для партийных и комсомольских работников вопрос о его использовании как нового

праздника оказался дискуссионным. 2—7 апреля 1924 г., во время проведения I Всебашкирского съезда РКСМ, делегаты высказывали опасение, что сабантуй, национальный по происхождению, будет затруднять работу по построению общества без этносов и религий. По результатам обсуждения проблемы большинство делегатов согласилось с мнением ответственного секретаря Башкирского обкома РКСМ А.П. Чиглинцева: «Борьбу за новый быт... надо сделать центральным пунктом работы в башкирской ячейке. Здесь нужно центром работы взять национальные праздники... Сабантуй — праздник не национальный. Его надо революционизировать»¹⁷. О необходимости конструирования новых праздников на основе традиционных обрядов говорилось и на совещаниях Башкирского обкома партии: «Особые формы хозяйственного быта башкирского населения делают неприемлемыми там новые революционные крестьянские праздники типа “Праздник урожая”. Необходима разработка этого вопроса применительно к хозяйственным и бытовым особенностям башкирской деревни»¹⁸.

Весной и летом 1924 г. красные сабантуи успешно прошли во многих кантонах республики. В июне газета «Власть труда» (орган Башобкома ВКП(б), Башщика и Башпрофсовета) дала анонс о том, что впервые в округе в д. Старо Кубово (ныне с. Староякупово Чишминского р-на РБ) состоится красный сабантуй, на который соберутся жители 20 близлежащих аулов. Подготовка к празднику заключалась в следующем: «... намечаются силы для борьбы, бегов, скачек, собираются добровольные пожертвования из полотенец, простынь, мяса на призы победителям»¹⁹. То есть сабантуй рассматривался как спортивный праздник, традиционно организуемый на народные пожертвования, при участии жителей соседних селений.

В 1924 г. на красном сабантуе в г. Златоусте побывало 10 тыс. чел., в Зилаирском кантоне — до 10 тыс., в г. Стерлитамаке — 1090 человек²⁰. В Месягутовском кантоне красный сабантуй прошел вместе с «праздником стычки города и деревни» вместо мусульманских праздников курбан байрам (праздник жертвоприношения) и мавлют байрам (день рождения пророка Мухаммеда)²¹. Одновременно решались две актуальные задачи: антирелигиозная и «шефства над деревней»²². В Бирском кантоне сабантуй использовался для укрепления кооперации²³. Через красный сабантуй было «пропущено» около 25 тыс. башкир, а всего охвачено 80 тыс. человек²⁴.

В д. Игментьево Исмагиловской волости Бирского кантона сабантуй организовывался в виде митинга под политическим лозунгом «Все капиталистические страны за признание СССР». По сведениям газеты «Власть труда», на нем обсуждались также положение сельского хозяйства, значение перехода с трехполья на многопольную систему, роль партии и комсомола. После официальной части прошли гонка лошадей, соревнования по борьбе и другие состязания. Начавшись в 8 ч. утра, праздник завершился в 6 ч. вечера, собрав более 3 тыс. человек. Вечером под руководством местных ячеек партии и комсомола прошел спектакль на татарском языке, присутствовало 500 человек²⁵. В таком варианте сабантуй окончательно приблизился по своей структуре к политическим праздникам, завершавшимся концертом или спектаклем.

Комплекс революционных задач решал сабантуй, имевший место с 6 по 9 июня 1924 г. Уфе, в этот раз — не татарский, а общенародный. Сабантуй проходил в парке Свободы (ныне — Ленина), служившем любимым местом отдыха горожан. Из отчета агитпропа за май-июнь 1924 г.: «Массовая агитация населения осуществлялась через проведение сабантуя; агитпроп старался придать им революционное содержание»²⁶. Организаторами выступили местные ячейки партии, комсомола, а также профсоюзы, Башкирское общество друзей воздушного флота, Башкирское общество «Долой неграмотность» и другие, подготовившие свои уголки с агитационно-пропагандистской литературой и плакатами. «В основу праздника помимо спортивной части была положена и агитпоказательная политическая часть»²⁷. Спортивные состязания были подготовлены силами местных отделений физической культуры. Прошли не только традиционные соревнования, но и новые (бега инвалидов, которым в то время уделялось большое внимание, гимнастические номера). Праздничное настроение создавал духовой оркестр. Всего сабантуй посетило до 12 тыс. человек. В связи с тем, что вход сделали платным, прибыль составила более 2 тыс. руб. и в равных долях пошла устроителям.

Часть денег направили победителям в соревнованиях, например, в конных скачках — 60 рублей²⁸. Городской сабантуй знаменовал собой новый этап этнического нивелирования праздника (полиэтнический состав участников, новые спортивные соревнования, духовой оркестр, взамен традиционных подарков — деньги). Он использовался, как и другие революционные праздники того времени²⁹, в агитационно-пропагандистских целях, для поддержки общественных политических организаций.

Подводя итоги за весенне-летний период 1924 г., агитпроп Башкирского обкома РКП(б) констатировал, что «Сабантуй — единственный национальный праздник мусульманской молодежи. Содержание праздника кроме чисто увеселительного характера проводится под лозунгом улучшения сельского хозяйства и привлечения трудящихся к кооперации. Это праздник, до сих пор имевший только национальный характер, постепенно начинает становиться интернациональным. В них участвует все население республики»³⁰. Всего в 1924 г. в Башкирской республике в этом празднике участвовало 100 883 человек³¹. В документах партии содержалась задача на будущее: «вложить в эти праздники более глубокое с/х содержание»³².

Совещание Башкирского обкома весной 1925 г. приняло окончательное решение использовать сабантуй для агитационно-пропагандистской работы: «Многие обычаи, народные развлечения, вроде сабантуя, скачек, собраний можно вполне использовать в интересах партии при надлежащем руководстве со стороны местных организаций... Сабантуй напоминает греческие олимпийские игры. Поэтому приспособить к современным условиям и обогатить введением новых номеров в программу игр и развлечений вполне возможно и целесообразно, что и прodelывается в последнее время»³³.

В башкирском селе Малоязово Насибашевской волости Месягутовского кантона проведение 10 июня 1925 г. сабантуя стало поводом

для празднования 6-летия организации Народного комиссариата здравоохранения, открытия электростанции и больницы на 20 мест. По материалам прессы, на торжественном собрании выступили многие ответственные лица (председатель ВИКа, секретарь канткомма, председатель кантисполкома, помощник прокурора и др.). После речи каждого оратора духовой оркестр исполнял Интернационал, вызывая удивление башкир: «Пестреют национальные костюмы, серебряные монеты башкирок... Музыка особенно обращала внимание башкир. Большинству их никогда не приходилось бывать на таких торжественных собраниях и при том с музыкой»³⁴. После официальной части прошли спортивные состязания, а для молодежи организовали карусели, танцы под курай и гармонику. Вечером состоялись торжественное включение электричества и показ киноленты на историко-революционную тему «Как Пахом понюхал дым и записался в Доброхим» с пояснениями на башкирском языке. Для жителей глубинки праздник стал эмоциональным потрясением и не мог не вызывать большую гордость за достижения революции и советской страны.

В последующие годы сабантуй продолжал отвечать актуальным социально-экономическим и политическим задачам. В 1927 г. он состоялся под флагом 10-летия революции³⁵, а в 1932 г. — ее 15-летия³⁶. В конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. в Башкирии, как и в других регионах страны³⁷, праздник прошел в духе времени — имел военно-спортивную направленность и назывался «праздником труда и обороны». В годы войны, когда советская промышленность, культура и искусство полностью посвятили себя делу спасения Отечества, сабантуй организовывался для поднятия духа солдат на фронте. В 1943 г. он прошел в подразделении Башкирской кавалерийской дивизии³⁸.

После победы перед страной стояла задача восстановления сельского хозяйства, в том числе коневодства — традиционной отрасли для Башкирской республики, испытавшей огромные потери в годы войны. Республиканский сабантуй 1946 г., согласно постановлению Башкирского обкома партии, проходил в Уфе «в целях стимулирования развития коневодства в республике, показа достижений и обмена опытом передовиков коневодства, а также поощрения лучших колхозов и совхозов»³⁹. Участниками республиканского сабантуя могли стать лица, занявшие первые места в социалистическом соревновании в области коневодства и в целом животноводства, быстрее других завершившие посевную кампанию, а также победители в конноспортивных соревнованиях. Как и в довоенный период, в числе организаторов сабантуя были Осоавиахим, военные организации и части. Проведение мероприятия сопровождалось «сельскохозяйственными выставками, выводками конного молодняка, наглядным показом достижений передовых колхозов, ферм, работников животноводства по охранению и развитию конного поголовья и других видов скота»⁴⁰.

Постсоветская эпоха актуализировала проблему сохранения и возрождения этнических традиций, национальных языков и фольклора после десятилетий торжества советской культуры с ее интернациональными установками и пафосом преобразований. Сабантуй стал удобной формой для демонстрации политики по актуализации этнического фак-

тора в контексте социально-экономической интеграции. Если в советской России тема дружбы народов развивалась в русле идеологии формирования новой исторической общности людей — советский народ, то в период «этнического ренессанса» — в контексте ценности разнообразия этнических идентичностей и культур. Тема труда, получившая развитие в постсоветской России, на башкирском сабантуе сочеталась с темой героического прошлого (участие башкир в Отечественной войне 1812 г., 112-й башкирской кавалерийской дивизии и др.).

В постсоветский период сабантуй стал инструментом государства для выражения новой политической мифологии. Можно согласиться с мнением И.А. Есаулова, что, если в советской мифологии центральным событием была победа Октября, то в посткоммунистической России — Великая Отечественная война ⁴¹. Во всяком случае на примере сабантуя очевидно, что практически ни одно торжество не обходилось без чествования ветеранов войны и уголков доблестной славы. Особый размах это движение получило в 2015 г., в год 70-летия Победы.

Еще одной особенностью сабантуя постсоветского времени стало расширение этнических, территориальных, государственных границ. Сложилась традиция: вначале организовывать сабантуй на селе, затем в районном центре, столице области или республики, а после этого — на федеральном и общеевропейском уровнях (Латвия, Германия, Великобритания, Франция, Эстония). В результате сабантуй стал формой и механизмом интеграции не только тюркской, но и российской культуры в мировое социокультурное пространство. Кроме того он стал выполнять этнопрезентующую роль ⁴². (В 2018 г. прошел в 28 странах.)

Современный сабантуй утратил функции народного обряда. Согласно полевым материалам, в большинстве районов Башкирии при организации праздника еще в середине XX в. сохранялись многие народные традиции, например, сбор подарков и гостинцев у населения накануне торжества. Молодые неженатые мужчины обходили дворы с шестом, на который домохозяйка привязывали полотенца и другие текстильные изделия для победителей в спортивных соревнованиях. С 1960-х гг. подарки стали выделять колхозы и совхозы (батыру — баран). С 2010-х гг., когда многие колхозы и совхозы перестали существовать, а население привыкло к организации праздников культработниками, сельские сабантуи стали исчезать. Зато праздники высокого ранга проводятся с большим размахом и дорогостоящими подарками (батыру — автомобиль и баран). Как и на других правительственных мероприятиях, на них нередко выступают религиозные деятели, получившие государственную поддержку. Торжество сопровождается поднятиями флагов, шествиями знаменосцев, конников, спортсменов и барабанщиц. Устанавливается эмблема праздника, предварительно утвержденная Геральдическим советом при главе региона. Сабантуй организуется на выделенные правительством и спонсорами средства.

Таким образом, красный сабантуй стал частью политического проекта раннесоветского государства, чтобы на осколках прошлого («до основания все разрушим...») построить «новый мир». В условиях слабой или отрицательной рецепции других революционных праздников, именно сельский светский обряд сабантуй башкир и татар, элементы

которого были частью культуры других народов, послужил основой для конструирования праздника, ставшего популярным у населения России и в мире. В «осовеченном» варианте «праздник плуга» помогал решать актуальные государственные проблемы: он стал средством межэтнической консолидации, инструментом политической агитации, «культурного подтягивания отсталых национальностей в массовом масштабе»⁴³, формирования советской идентичности и культуры. В 1920-е гг. он успешно использовался для проведения кооперации и антирелигиозной борьбы. В 1930-е гг. обрел военно-спортивный характер, был направлен на укрепление патриотизма и повышение обороноспособности страны. В годы войны использовался для поднятия духа бойцов. В послевоенное время — для восстановления сельского хозяйства, особенно коневодства, показа достижений социализма. В посткоммунистической России стал способом демонстрации государственной политики возрождения этнических культур и интеграции в мировое социокультурное пространство.

Примечания

1. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 4: Вятский район, Уральская область, Башкирская АССР. Отд. 1. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М. 1928, с. 310—311.
2. МАЛЫШЕВА С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917—1927). Казань. 2005, с. 34, 54.
3. БИКБУЛАТОВ Н.В. Башкирский аул. Очерк общественной и культурной жизни. Уфа. 1969, с. 60—64.
4. КУЗЕЕВ Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М. 1992.
5. ГЕОРГИ И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. М. 2007, с. 103.
6. САДИКОВ Р.Р. Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография). Уфа. 2016, с. 51.
7. ЕГО ЖЕ. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа. 2008, с. 199.
8. ПЕТРОВ И.Г. Полевое моление «учук» некрещеных чувашей деревни Юльtimiровка Бакалинского района Республики Башкортостан (по материалам экспедиций 2010, 2014 гг.). В кн.: Документы и материалы по истории и этнографии народов Южного Урала. Уфа. 2017, с. 125—126.
9. Скачки в Уфе. — Оренбургские губернские ведомости. 1859, 18 июля.
10. ПАВЛОВСКИЙ П. Тридцатое августа 1846 года в Оренбурге. — Там же. 1846, № 59.
11. Хроника. «Сабан-туй». — Вперед. 1918, 24 (11) мая.
12. САЛИХОВ А.Г. Башкирский сабантуй в исторических документах. В кн.: Материалы XI конгресса антропологов и этнологов России. М. 2015, с. 348.
13. Всесоюзная перепись, с. 310.
14. АМАНТАЕВ И.Г. Демография башкир начала XX века. — Ватандаш. 2013, № 8.
15. ТУЛЬЦЕВА Л.А. Современные праздники и обряды народов СССР. М. 1985, с. 47—48.
16. Научный архив Республики Башкортостан (НА РБ), ф. 122, оп. 2, д. 138, л. 217об.
17. Там же, ф. П-122, оп. 3, д. 24, л. 69—70.
18. Там же, л. 38об.
19. П.Б. Готовятся к Сабан-Тую. (Аул Старо Кубово). — Власть труда. 1924, 12 июня.
20. НА РБ, ф. 122, оп. 4, д. 37, л. 109.
21. КАРАТАЛЬСКИЙ В. Против богов и попов. — Власть труда. 1924, 14 июня.

22. НА РБ, ф. П-122, оп. 5, д. 52, л. 30 и др.
23. Там же, оп. 3, д. 24, л. 109.
24. Там же, ф. 122, оп. 3, д. 27, л. 7—8об.
25. ЦВЕТАЕВ С. 1-й красный сабантуй. — Власть труда. 1924, 15 мая.
26. НА РБ, ф. П-122, оп. 3, д. 24, л. 112—113.
27. Л. П. Праздник плуга и сохи «Сабан-Туй». — Власть труда. 1924, 12 июня.
28. Сабан-туй (свадьба плуга). — Там же. 6 июня.
29. ТУЛЬЦЕВА Л. А. Ук. соч.
30. НА РБ, ф. 122, оп. 3, д. 24, л. 109.
31. Там же, л. 112—113.
32. Там же.
33. Там же, оп. 4, д. 37, л. 170, 173об.
34. Крестьянин ГАНЕЕВ. «Свет, свет загорелся». Небывалое торжество в глухом углу. — Красная Башкирия. 1925, 26 июня.
35. МАЛЫШЕВА С. Ю. Ук. соч., с. 47.
36. НА РБ, ф. 122, оп. 11, д. 228.
37. МАЛЫШЕВА С. Ю. Ук. соч., с. 45—46; ШАПОВАЛОВ С. Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918—1930-х гг. Краснодар. 2012, с. 115.
38. САЛИХОВ А. Г. Ук. соч.
39. НА РБ, ф. 122, оп. 26, д. 159, л. 120.
40. Там же, л. 120—121.
41. ЕСАУЛОВ И. Е. Постсоветские мифологии: структура повседневности. М. 2015.
42. УРАЗМАНОВА Р. К. Народный праздник сабантуй — составная часть этнопрезентующей практики нациестроительства татар (XIX — начало XXI вв.). Этнологические исследования в Татарстане. Вып. IV. Казань. 2010, с. 144—164.
43. НА РБ, ф. 122, оп. 10, д. 273, л. 256.

Религиозная политика Российской империи на Кавказе в первой половине XIX в.

Д. А. Гармышев

Аннотация. В данной публикации автор рассматривает религиозную политику, проводимую Российской империей на Кавказе, как одну из мер по мирному закреплению в регионе. Устанавливая свою власть на территории Кавказа, русская администрация была вынуждена решать большое количество задач, таких как установление мира между христианами и мусульманами в Грузии, противостояние горцам Кавказа, выступавшим под знаменами ислама, а также построение отношений с лояльной по отношению к России частью мусульманского духовенства. Это требовало комплексных мер, которые можно назвать религиозной политикой.

Ключевые слова: Кавказская война, мюридизм, Воронцов, религиозная политика.

Abstract. The publication examines religious politics of the Russian Empire in the Caucasus among other peaceful measures to get a foothold in the region. While establishing their power in the area Russian authorities were bound to solve many tasks such as establishing peace between Christians and Muslims in Georgia, confrontation to Caucasian highlanders who fought under the flag of Islam, and building relationship with those of Islamic religious leaders who were loyal to Russia. It took a range of measures (which you could call religious politics) to solve those tasks.

Key words: Caucasian war, muridism, Vorontsov, religious policy

Продвижение на Кавказ было обусловлено, в том числе, стремлением России оказать помощь христианским государствам Востока, Грузии и Армении. Кавказ издревле отличался большим количеством проживавших на его территории представителей самых различных народов и конфессий, и потому установление власти в регионе требовало от русского командования определенной хитрости и дипломатических уловок.

Проблематика взаимодействия России с почти неизвестными ей мусульманскими обществами неоднократно поднималась в отечественной и зарубежной историографии. В особенности стоит выделить работы Д. Ю. Арапова ¹, М. Кемпера, В. О. Бобровникова ². Исследования дан-

Гармышев Денис Александрович — аспирант Института истории и международных отношений Южного федерального университета. Ростов-на-Дону. E-mail: DenisLannister@yandex.ru.

Garmyshev Denis A. — postgraduate of the Institute of History and International Relationships, Southern Federal University. Rostov-on-Don. E-mail: DenisLannister@yandex.ru.

ных авторов отличает тонкое понимание ислама, необходимое для выявления мотивов, двигавших горцами.

В.А. Матвеев подчеркивает, что принцип веротерпимости являлся определяющим при формировании политики в ходе Кавказской войны³. Действительно, продвижение на Кавказ не воспринималось русским командованием и солдатами как крестовый поход, и, более того, были прецеденты возведения мечетей на средства русских военных. Например, в чеченском ауле Герменчук имелись три мечети, «из которых лучшая была построена на деньги, пожалованные Ермоловым»⁴.

Однако дагестанский летописец Гайдарбек Геничутлинский видит в противостоянии русских и горцев религиозную подоплеку, сетуя, что имам Гази-Магомед «потерял надежду на то, что нечестивцы примут решения Шариата и послушаются наставлений, призывающих к джихаду против служителей Креста»⁵. Русская администрация стремилась предотвратить распространение данных представлений среди горцев.

Корни уважительного отношения к чужой религии историк Ю.Ю. Клычников видит в многолетних связях Руси с монголо-татарами⁶. Русская администрация не стремилась к активной проповеди христианства среди мусульманского населения. Л.С. Гатагова подмечает отсутствие на Кавказе выдающихся проповедников и миссионеров, представлявших православие, считая единственным исключением епископа Кавказского и Черноморского Игнатия Брянчанинова⁷. Вместе с тем, посильная помощь местному духовенству присутствовала.

Построение культовых сооружений в Тифлисе возобновилось с приходом российской власти. Через несколько лет после присоединения Грузии к Российской империи поступило прошение от «жителей в Тифлисе магометан» на имя Его Императорского Величества⁸. Мусульмане просили возобновления работы разрушенных мечетей (видимо, прося о реконструкции) и передачи их имущества мусульманам⁹.

Князь Цицианов предложил воспользоваться предложением мусульман, заключив обоюдovýгодный контракт, ставящий просящих в зависимое положение. Так, духовные лица получали жалование в 100 руб. раз в три месяца (ахунд, главный духовник, получал 500 руб.), но при этом были обязаны докладывать о любом «злом намерении против Российского правления»¹⁰.

Реакцией на продвижение и закрепление России на Кавказе стало распространившееся в Дагестане религиозно-политическое движение мюридизм. Оно основывалось на суфизме — мистическом течении в исламе — и предполагало ведение аскетического образа жизни и чтение специальных молитв для своих адептов. Считалось, что самостоятельно пройти через испытания верующий не способен, и потому ему необходим наставник — муршид. Выстраиваемые отношения основывались на полной преданности по отношению к учителю и потому отвечали потребности сопротивлявшихся горцев в сильном лидере. Ф. Боденштедт, уже в XIX в. делавший попытки понять суть движения мюридов, видел историческую миссию мюридизма в преодолении кровной мести и сплочении народов Дагестана¹¹. Д.А. Милютин, непосредственный участник боевых действий на Кавказе, утверждал, что именно «возникшее религиозное течение подало повод к волнениям и кровопролитной войне»¹².

Мюридизм послужил идеологической основой для созданного на Кавказе теократического государственного образования, названного исследователями Северокавказским имаматом. Пика своего развития данное государственное образование достигло в период правления третьего имама — легендарного Шамиля. Глава восставших горцев сосредоточил в своих руках военную, административную и религиозную власть.

Русское командование почти сразу обратило внимание на появление нового течения, объединившего горцев. Помимо попыток военного подавления сторонников мюридизма, были и попытки ведения идеологической борьбы. Командующий А. П. Ермолов долгое время состоял в переписке с Саидом Араканским — одним из главных знатоков ислама в Дагестане ¹³. Однако ставка, сделанная на Араканского, не оправдала себя, так как его авторитет стремительно падал.

Существуют сведения и о попытках распространения писем на арабском, написанных от имени главы восставших горцев Гази-Магомеда. Эти письма противоречили основной линии проповедей имама и могли посеять смуту в рядах горцев ¹⁴. По мере проникновения России на Кавказ были установлены деловые связи с местным духовенством и даже разрабатывались тексты проповедей, в которых объяснялись обязанности горцев по отношению «к царю, правительству и ближним» ¹⁵.

С течением времени российское командование вынуждено было все глубже вникать в особенности мусульманской религии. Так, по проекту барона Розена, на тот момент главнокомандующего на Кавказе, были созданы отдельные мусульманские управления для суннитов и шиитов ¹⁶ (в документе они названы «Омаровой и Алиевой сектой»).

Новый этап проводимой религиозной политики связан с деятельностью кавказского наместника М. С. Воронцова, вступившего в должность в конце 1844 года. Воронцов, известный как главный англоман России, успел приобрести богатый и успешный управленческий опыт в качестве генерал-губернатора Новороссии. Историками подчеркивается патерналистический подход Воронцова к народам Кавказа. Как пишет В. В. Дегоев, «он напоминал доброго отца большого семейства» ¹⁷ и стремился сплотить подданных вокруг государства, вне зависимости от их этнической принадлежности ¹⁸. Вместе с тем, в трудные моменты наместник мог проявить и волевые качества, не свойственные его стилю правления.

Воронцову приходилось противостоять грузинскому духовенству, в том числе и грузинскому экзарху Исидору, советовавшему прекратить строительство мечетей в селениях с мусульманским населением. Наместник резко отказал в данной просьбе священнику, несмотря на давние дружеские отношения между ними. В то же время были приняты меры, препятствовавшие переходу жителей Осетии в ислам ¹⁹. Данную меру трудно считать исключительно новацией Воронцова, так как на всей территории Российской империи переход из православия в другую религию преследовался по закону.

Командованию приходилось учитывать ментальность народов Кавказа, а также их уже сложившиеся государственные и политические институты. Так, для исполнения полицейских функций элисуйскому окружному начальнику выделялось 10 нукеров ²⁰. Принимались во внимание и религиозные взгляды населения. Так, для заведования делам,

подлежащими шариату, вводилась выборная должность окружного кадия²¹. Его работа, помогавшая образованным горцам сблизиться с русской администрацией, оплачивалась довольно хорошо.

В период наместничества Воронцова русская администрация стремилась понять корни мюридизма. Ради этого была подготовлена экспедиция статского советника Ханькова в персидский и турецкий Курдистан²². По данным данной миссии, один из главных шейхов Курдистана Таха с 1846 г. установил отношения с Шамилем и в 1847 г. направил ему 20 своих мюридов²³. Однако данный факт вызывает большое удивление, ведь людям приходилось проходить большие расстояния, путаясь в географическом положении, и сталкиваться с незнакомой культурной средой. В то же время, имена этих людей тяжело найти в перечне наибов и мюдиров Шамиля, хотя они без сомнения обладали навыками полководцев. Однако дагестанский летописец Гаджи-Али упоминает только одного переселенца из Курдистана по имени Мухаммед²⁴.

Направление наибов из Курдистана, согласно предоставленным Ханьковым данным, не было единичным случаем. В 1849 г. последовала отправка пяти наибов, о которых в Курдистане после этого не было никаких сведений. Благодарный Шамиль в ответ прислал шейху подарок — золотые часы, кашемировую шаль и «еще некоторые вещи»²⁵.

Замечая военные и гражданские успехи России, Шамиль также стремился вести активные проповеди среди горцев. Так, в 1858 г. в чеченском селении Шали имам пугал свое войско тем, что русские заберут их в солдаты, а их жен — «в матушки», «отберут оружие и не дадут иметь даже ножа»²⁶. Проповеди Шамиля находили отклик: среди горцев распространился слух о том, что их «намереваются забрать в солдаты, женщин разобрать по рукам, а детей отправить в Россию, чтобы окрестить там»²⁷.

К подобной риторике прибегали и муллы на землях черкесов. По оставленным лазутчиком Ф. Ф. Торнау сведениям, во время пятничной проповеди выступавший мулла убеждал присутствовавших мусульман в том, что русские выгнали пророка Мухаммеда из Мекки²⁸. Удивленному Торнау пришлось долго объяснять горцам, насколько эти слова далеки о реальности.

В период своего пребывания в почетном плену отношение официальных властей к иноверцам в полной мере ощутил и сам имам Шамиль. Глава горцев, естественно, находился на особом положении, и на его содержание выделялись баснословные суммы. Денег хватало не только на содержание самого Шамиля и находившейся при нем семьи, но и на благотворительность. В письмах, приходящих Шамилю в период его пребывания в Калуге, можно обнаружить благодарности за присланные имамом деньги и обещания потратить их на богоугодное дело²⁹. Нередко в переписку с Шамилем вступали и горцы, сосланные в другие российские города. Так, дервиш Халил Хаджи, находившийся в Рязани, писал имаму: «Я прибыл в г. Касимов Рязанской губернии и шесть месяцев жил там спокойно пользуясь обществом и свободой в исполнении религиозных обязанностей»³⁰.

Несмотря на то, что в дальнейшем Халил Хаджи стал жаловаться на свое бедственное финансовое положение, его участь едва ли отличалась

от остальных российских заключенных. Сам же Шамиль, как известно, в конце жизни получил разрешение на совершение паломничества в Мекку, что является святой обязанностью для каждого мусульманина. Предоставление имаму такого права следует считать важнейшим шагом в проводимой в отношении горцев политике, отличавшейся веротерпимостью по отношению к местному населению, связанной с многолетним опытом общения с представителями различных народов в период колонизации неосвоенных земель.

Русская администрация не стремилась к активной миссионерской деятельности на Кавказе, вместо этого пытаясь найти точки соприкосновения с уже сложившимися конфессиями. Такой подход вкупе с грамотной образовательной и торговой политикой в регионе создавал все условия для установления мирных связей между горцами и русской администрацией. В основе стоявших между народами религиозных барьеров лежало отсутствие знаний о культуре и традициях другого этноса. Данная преграда была успешно преодолена благодаря удачным реформам в области образования и опыту мирного сосуществования между русскими и горцами в зонах фронта.

Примечания

1. АРАПОВ Д. Ю. Императорская Россия и мусульманский мир. М. 2006.
2. БОБРОВНИКОВ В. О. Мусульмане Северного Кавказа. Обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М. 2002.
3. МАТВЕЕВ В. А. Российская идентичность мусульман Северного Кавказа: исторические особенности формирования и проявления в кризисных условиях на рубеже XIX — начала XX вв. Ростов-на-Дону. 2015, с. 14.
4. ЧИЧАГОВА М. Н. Шамиль в России и на Кавказе. СПб. 1889, с. 22.
5. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД), ф. 133, оп. 2, д. 3, л. 8.
6. КЛЫЧНИКОВ Ю. Ю. Политика России на Северном Кавказе (1827—1840). Пятигорск. 2002, с. 35.
7. ГАТАГОВА Л. С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860—1917. М. 2016, с. 58.
8. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т. 2. Тифлис. 1868.
9. Там же.
10. Там же.
11. БОДЕНШТЕДТ Ф. Народы Кавказа и их освободительные войны против русских. Махачкала. 1996, с. 15.
12. МИЛЮТИН Д. А. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. СПб. 1850, с. 6.
13. Записки А. П. Ермолова. 1798—1826. М. 1991, с. 395.
14. БОДЕНШТЕДТ Ф. Ук. соч., с. 37.
15. Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20—60-х гг. XIX в. Махачкала. 2006, с. 191.
16. АКАК. Т. 8. Тифлис. 1881, с. 336.
17. ДЕГОЕВ В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М. 2003, с. 184.
18. Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20—60-х гг. XIX в., с. 230—231.
19. УРУШАДЗЕ А. Т. Религия и политика в деятельности М. С. Воронцова на Кавказе (1845—1853). В кн.: Татьяна Павловна Хлынина. In *Memoriam*: сб. статей и материалов. Ростов-на-Дону. 2017, с. 253.

20. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 482, оп. 1, д. 1226, л. 32.
21. Там же.
22. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. 161. СПБГА 1—9, 1849, д. 6, л. 28.
23. Там же.
24. ГАДЖИ-АЛИ. Сказание Очевидца о Шамиле. Махачкала. 1990, с. 77.
25. АВП РИ, ф. 161. СПБГА 1—9, 1849, д. 6, л. 31.
26. ГАДЖИ-АЛИ. Ук. соч., с. 56.
27. УСЛАР П.К. О распространении грамотности между горцами. ССОКГ. Тифлис. 1870, с. 298.
28. ТОРНАУ Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесии русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик. 1993, с. 230—231
29. ЦГА РД, ф. 133, оп. 3, д. 3, л. 4.
30. Там же, л. 9.

Уголовно-правовая охрана полицией Российской империи экономической безопасности государства: ретроспективный анализ

В. И. Долинко

Аннотация. Публикация посвящена анализу истории формирования и деятельности российской полиции в контексте обеспечения экономической безопасности государства. Особое внимание уделено периоду правления Петра I. Рассмотрены основные нормативно-правовые акты указанного периода.

Ключевые слова: Россия, полиция, экономическая безопасность, правопорядок, Пётр I, правоохранительные органы

Abstract. The publication is devoted to the formation and activities of the Russian police in the field of the economic security of Russia. The period of the reign of Peter I is of special interest for the author. Particular attention is paid to the law documents of the period under discussion.

Key words: Russia, police, economic security, legal order, Peter I, enforcement authorities

В правоохранительной системе Российского государства, стремящейся эффективно, надежно и качественно обеспечивать экономическую безопасность страны, Министерству внутренних дел исторически принадлежит ключевая роль.

Полиция России всегда находилась на передовом рубеже борьбы с преступлениями в экономической и кредитно-финансовой сфере, с правонарушениями на потребительском рынке, с коррупцией, фальшивомонетничеством и другими сходными преступлениями.

Сама богатейшая история развития Российской империи наглядно демонстрирует, что осуществляемая полицией России уголовно-правовая охрана экономической безопасности государства всегда занимала

Долинко Василий Иванович — начальник редакционно-издательского отдела Академии управления МВД России. E-mail: Dol271@yandex.ru.

Dolinko Vasily I. — head of the Publishing Editorial Department at the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. E-mail: Dol271@yandex.ru.

особое место в ее деятельности. Еще со времен Петра I в целях обеспечения развития России предпринимались необходимые и действенные шаги в этой области, в том числе применялись довольно суровые силовые и репрессивные меры. Пётр I свято верил в мощное полицейское государство. Именно новая регулярная полиция России должна была, по его мнению, определять жизнедеятельность внутри государства, включая вопросы борьбы с экономическими и финансовыми преступлениями, регламентирования торговой деятельности и т. д.

Политика Петра I была направлена на создание необходимых условий для эффективного экономического развития страны в настоящем и будущем. Отдельное внимание уделялось военной промышленности, поскольку все правление Петра I пришлось на период длительных войн, главной из которой была Северная война со Швецией, длившаяся 21 год (Великая Северная война).

До прихода к власти Петра I экономика страны весьма значительно отставала от развитых европейских стран, находясь в плачевном состоянии. Достаточно сказать, что Россия, обладавшая огромным запасом природных ресурсов, не могла самостоятельно обеспечить армию и флот всем необходимым. Например, металл для холодного и огнестрельного оружия, производства якорей закупался в Швеции. По всей России было всего 25 мануфактур и фабрик. Для сравнения: в Англии в этот же период их насчитывалось более 100. Что касается сельского хозяйства и торговли, то эти отрасли экономики практически не развивались.

Пётр I провел масштабную реформу всех основных областей жизни России. Развивая экономику, армию и флот (за годы его царствования было построено и действовало более 200 заводов и фабрик, создана и вооружена современным оружием сухопутная армия, построен мощный военный флот), он внедрял и реформы права. За долгий и продуктивный период его правления было принято огромное количество (более 3000) нормативно-правовых актов, касавшихся коренных изменений в гражданском, уголовном, и семейном праве. Огромное внимание Пётр I уделял законотворчеству. Он являлся автором многих документов того времени (табелей, регламентов, артикулов и многих других нормативно-правовых актов России). Например, над известным Воинским уставом он работал более года, целых пять лет посвятил Морскому уставу. Регламент (генеральный) Петра I, скрупулезно определявший должностные обязанности и права в России, редактировался им более 12-ти раз. Император строго требовал, чтобы российские законы были предельно доступными: «Всем государевым людям надлежит законы писать четко и ясно, чтобы их в дальнейшем не перетолковывать».

Первый в России военно-уголовный кодекс «Воинский артикул» был разработан именно при Петре I. В российском законодательстве с 1715 г. (с введением Петром I «Воинских артикулов») были более ясно определены понятия преступления и уголовной ответственности; отягчающих и смягчающих обстоятельств; необходимой обороны. Преступления в годы правления Петра I подразделялись на умышленные, неосторожные и случайные. Смягчающими вину обстоятельствами считались следующие: действия малолетнего преступника; состояние аффекта у преступника, а также, что интересно, — служебное рвение.

Во времена Петра I все преступления подразделялись следующим образом:

I. Преступления против Российского государства:

1) оскорбление величайшего монарха словом каралось отсечением головы;

2) тайный умысел взять царствующую особу в плен или убить данную особу карался четвертованием.

II. Преступления против религии:

1) идолопоклонство, колдовство и чародейство наказывались смертной казнью (например, сожжением преступника на костре);

2) такое преступление как богохульство наказывалось усечением языка.

III. Должностные преступления по российскому законодательству, например, взяточничество (в зависимости от полученной денежной суммы), наказывалось смертной казнью, жестокими телесными наказаниями, конфискацией всего имущества и т. д.

При Петре I появился сам термин для обозначения уголовного правонарушения в России — «преступление». Довольно активно развивалось учение (знания) о непосредственном составе преступления, хотя в нем еще были недостатки и пробелы. Более четкой становилась и система классификации преступлений, например преступлений против государства, которые были широко известны и до Петра I. К ним довольно близко примыкают преступления против воинской службы (дезертирство, неявка на место службы, жестокость и насилие в отношении мирного населения (детей, женщин, стариков) и т. д.). «Воинский артикул» такие специфичные преступления трактовал достаточно подробно. Им посвящено более 10 глав данного закона (гл. 4—15).

Отметим также, что к воинским преступлениям относились: нарушения правил строевой службы, караульной воинской службы, сопротивление старшему офицеру, жестокое обращение с военнопленными противника, а также многие другие. При Петре I более ясно и скрупулезно строилась (классифицировалась) и система преступлений против личности, имущественных, должностных преступлений и т. д.

Так, необходимые России правовые преобразования в петровскую эпоху были чрезвычайно обширными, сложными и многогранными, их направленность и конечный результат состояли в законодательном обеспечении незыблемости абсолютной монархии и закладывали правовую базу полицейского государства. Именно при Петре I начала создаваться регулярная полиция Российского государства как постоянно функционирующая стройная система специальных органов принуждения и надзора за гражданами, предназначенных для эффективного поддержания порядка в обществе и в Российском государстве, качественного противодействия преступности, надежного обеспечения личной безопасности индивидуумов, а также для защиты действующей власти.

При Петре I в законодательстве Российской империи впервые появился заимствованный в Европе термин «Полиция Российской империи». В Санкт-Петербурге в 1715 г. была образована «Полицмейстерская канцелярия» — орган управления российской полицией. При Полицмейстерской канцелярии для постоянного исполнения полицей-

ских функций служили унтер-офицеры и солдаты. В мае 1718 г., также по указанию царя, была учреждена новая должность — «Генерал-полицмейстер» или «Глава канцелярии», на которую был назначен сподвижник и соратник Петра I Антон Мануилович Девиер. С данного периода времени принято отсчитывать историю российской полиции как важного специального учреждения в стройной системе государственных органов Российской империи. Полиция того времени имела довольно широкие властные полномочия в сфере расследования (дознания) и рассмотрения в судебном порядке уголовных дел¹. Она проводила расследования по всем известным преступлениям, вела предварительное следствие, участвовала в судах в отношении граждан, подведомственных органам полиции, а также неукоснительно исполняла вынесенные приговоры².

Во времена Петра I все служащие полиции обязательно давали присягу при поступлении на службу. Будущий полицейский клялся: «Быть послушным, верным и добрым рабом своему царю-батюшке, царским наследникам и царице, их права, интересы и прерогативы по крайнему своему разумению, возможности и силе полностью предостерегать и неукоснительно оборонять. В данном благородном деле жизни и здоровья своего не щадить, способствовать полезным делам для царя-батюшки и его семьи, предотвращать от царской семьи убыток и беду, честно соблюдать служебную тайну, исполнять предписания и указания начальства и российские законы». Преклонив колено после торжественного произнесения присяги, сотрудник российской полиции торжественно целовал крест и Евангелие.

Раскрывая роль российской полиции в уголовно-правовой охране экономической безопасности Российского государства, необходимо отметить, что в те времена значительно расширился полицейский контроль за неблагонадежными людьми, торговлей в магазинах и лавках, на площадях и улицах России. Полиция боролась с запрещенным законом производством и торговлей спиртным, а также выращиванием растительного табака, называемым в народе «корчемством». Продажа спиртных напитков, так называемый «винный откуп», приносила государству внушительный доход. В связи с этим, правительство следило за тем, чтобы простые граждане не производили и не продавали вино (пиво и мед), а также другие спиртные напитки. Тщательный контроль за этим был возложен на российскую полицию. Она контролировала ценовую политику на рынках и в магазинах, старалась своими силами довольно жестко пресекать любую спекуляцию продуктами и товарами широкого потребления³.

Подчеркнем, что функция контроля за ценами на рынках и в магазинах приобретала особое значение в неурожайные годы. Обычно это случалось после наводнений, засух и пожаров. На российскую полицию возлагалась важнейшая обязанность в корне пресекать любое спекулятивное повышение цен на услуги, товары широкого потребления и продукты питания, установленные Высочайшим Сенатом. Она следила за тем, чтобы строители не повышали плату за возведение домов и хозяйственных построек. С купцов, торгующих в лавках, магазинах, на площадях и рынках, брали подписки о том, что они будут продавать

свои товары (продукты питания, напитки, обувь, одежду и т. д.) только по установленным государством ценам.

Несомненно важную роль сыграла полиция России и в борьбе с фальшивомонетничеством, которое наносило огромный вред экономике Российского государства (большое количество фальшивых денег могло обрушить экономику России). Полиция проводила рейды и задерживала фальшивомонетчиков, изымала и уничтожала фальшивые деньги и орудия для их производства. В войнах конца XVIII — начала XIX в. выпуск фальшивых денег (денежных знаков) противника являлся порицаемой, но неоднократно практиковавшейся акцией. Например, с целью резко ослабить экономику России, перед вторжением на ее территорию, по высочайшему указанию Наполеона I, были в срочном порядке изготовлены поддельные ассигнации Российской империи номиналом в 25, 50 и 100 рублей (1805—1811 гг.) Во все времена в российской империи наказание за фальшивомонетничество было очень строгим: «За подделку кредитных билетов виновные подвергаются лишению всехъ правъ состоянія и ссылке въ каторжную работу».

Отметим, что во второй половине XIX в. в России были проведены достаточно крупные реформы, затронувшие все стороны общественной и государственной жизни. Долгожданная полная отмена крепостного права, введение четкого местного самоуправления, тщательное реформирование российской армии и всей судебной системы государства, коренное изменение земельных отношений вызвали острую необходимость срочного проведения реформы российской полиции. Изменения коснулись не только непосредственно ее структуры, но и оказали значительное влияние на ее функции. Положения Указа царя Александра II от 8 июня 1860 г., передававшего предварительное следствие от российской полиции вновь созданным специальным судебным следствиям, были подтверждены Судебными уставами 20 ноября 1864 года.

Историками России четко прослеживается положительная роль российской полиции в эффективном обеспечении экономической безопасности от петровской эпохи до первой мировой войны и Февральской революции. В военное время в стране был объявлен «сухой закон». Это благоприятно повлияло как на мобилизационный процесс, так и на снижение преступности. В 1914 г. фиксируется наименьшее количество нарушений обязательных постановлений, связанных с действием «сухого закона». Если в этом году нарушения в данном сегменте экономической деятельности «были связаны с правилами питейного сбора, казенной продажи питей», то в 1915 г. — со взлетом незаконной продажи спиртного и спиртосодержащих суррогатов. По отчету Главного управления неокладных сборов и казенных продаж питей, на 1914 г. приходилась наибольшая сумма взысканий за последние десять лет (с 1904 по 1914 г.). В этом году в судопроизводстве числилось более 458 тыс. дел по указанным нарушениям. При этом продолжались расследования по 313 тыс. дел, что составляло 68% от всего количества нарушений. Столичные власти уже осенью 1914 г. озаботились предупреждением незаконной продажи спиртного и спиртосодержащих суррогатов.

Таким образом, в годы многочисленных реформ полиция России надежно стояла на защите экономических интересов страны ⁴. В насто-

ящее время российская полиция уголовно-правовыми, оперативно-розыскными и иными средствами охраняет экономическую безопасность России, активно борется с экономическими преступлениями, тем самым надежно защищая суверенитет нашей великой Родины.

Примечания

1. ГАПОНЕНКО В.Ф., ДОЛИНКО В.И. Обеспечение экономической безопасности системы материально-технического снабжения органов внутренних дел Российской Федерации в особых условиях. М. 2014.
2. ДОРОФЕЕВ И.Н., СТРОГАЛОВ В.В., ДОЛИНКО В.И. Организация оперативно-розыскной деятельности территориальных органов внутренних дел по борьбе с экономическими и коррупционными преступлениями в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Учебно-методическое пособие. М. 2013.
3. ВАСИЛЬЕВ Ф.П., ДОЛИНКО В.И. Федеральная служба по финансовому мониторингу как субъект, обеспечивающий экономическую безопасность России и ее правовое положение. — Вестник Московского университета МВД России. 2013, № 12, с. 109—113.
4. ГАПОНЕНКО В.Ф., ДОЛИНКО В.И. Анализ специфики материально-технического снабжения органов внутренних дел МВД России в особых условиях. — Общество и право. 2012, № 5 (42), с. 300—304.

Церковная проповедь и публицистика в России во второй половине XIX — начале XX в.

В. Ю. Карнишин, Н. Г. Карнишина, А. И. Кошелева

Аннотация. Во второй половине XIX в. в России активное развитие получил такой вид церковной публицистики как проповедь. Этот процесс был обусловлен в том числе ростом корпуса периодических изданий как в столице, так и в провинции. В публикации рассматривается, какое место проповедь Русской православной церкви занимала на страницах губернской периодической печати во второй половине XIX — начале XX века.

Ключевые слова: проповедь, публицистика, духовенство, периодическая печать, беседа, речь, слово.

Abstract. In the second half of the XIX century active development gets this kind of journalism as a church sermon in Russia. This process was driven by the increase in the number of housing periodicals both in the capital and in the provinces. The publication deals with the place preaching the Russian Orthodox Church took on the pages of the provincial periodical press in the second half of XIX — early XX centuries.

Key words: sermon, reading, clergy, periodicals, discussion, speech, word.

Эпоха великих реформ Александра II внесла изменения практически во все сферы жизни общества. Не осталась в стороне от процессов обновления и модернизации и Русская православная церковь. Систематическое нарушение канонического порядка церковного управления, отсутствие полноценной приходской жизни, бедственное положение

Карнишин Валерий Юрьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет». E-mail: valerykarnishin@mail.ru; *Карнишина Наталья Геннадьевна* — доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет». E-mail: karnishins@mail.ru; *Кошелева Алла Игоревна* — кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет». E-mail: alla-kosheleva@mail.ru.

Karnishin Valery Yu. — doctor of historical sciences, professor, head of the Department of the Penza State University. E-mail: valerykarnishin@mail.ru; *Karnishina Natalia G.* — doctor of historical sciences, professor of the Penza State University. E-mail: karnishins@mail.ru; *Kosheleva Alla I.* — candidate of historical sciences, associate professor of the Penza State University. E-mail: alla-kosheleva@mail.ru.

рядового духовенства и многие другие проблемы церковной жизни требовали решения.

Преобразования в духовном ведомстве, осуществлявшиеся в 1860—1870-х гг., хотя и не носили радикального характера, а в большинстве своем были половинчатыми и даже нереализованными, вызывали живой отклик у заинтересованной в них части общества. Для констатации существующих проблем, поиска путей их решения, обсуждения преобразовательных проектов необходимо было приведение в соответствие с духом времени церковной журналистики. Потребность в налаживании конструктивного диалога Церкви и общества требовала новых типов печатных изданий.

Коммуникативная нагрузка на Церковь началась еще в конце XVIII в., когда при императоре Павле I в орбиту внимания правительства попали непривилегированные сословия. «Низы постепенно начинают рассматриваться как определенный резерв политики, как... потенциальное орудие самодержавия»¹. В связи с этим исследователь П. В. Шевкун в коммуникативном поле РПЦ выделяет информацию, которая предназначалась лично для нее, а также отмечает использование Церкви в качестве средства передачи информации.

Если в дореформенный период основным видом церковной публицистики являлась проповедь, то начиная с 1860-х гг. обсуждение вопросов жизни Церкви было перенесено и на страницы периодических изданий как светских, так и духовных. Однако проповедь священника не только не потеряла своей актуальности, но и получила импульс дальнейшего развития и совершенствования. Как отмечает историк К. Е. Нетужилов, «начало журнальной эпохи открывало новые возможности для проповедничества»².

Авторы учебника «История проповедничества на Руси»³ выделяют в проповеднической деятельности православного духовенства второй половины XIX в. целое направление — общественно-публицистическая проповедь. К его представителям они относят таких выдающихся духовных лиц, как епископ Смоленский Иоанн (Соколов), архиепископ Харьковский Амвросий (Ключарев), архиепископ Херсонский Никанор (Бровкович), архиепископ Херсонский Димитрий (Муретове). Знаменитыми проповедниками общероссийского масштаба во второй половине XIX в., которых в вышеобозначенном учебнике относят к представителям направления нравственно-аскетической и пастырско-душепопечительной проповеди, были Святой праведный протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский), Святитель Феофан (Говоров), Вышенский Затворник, Святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ Кавказский,

В российской провинции пореформенного периода имеются примеры выдающегося рдения к делу проповедничества. Ревностным отношением к проповеди отличался архиепископ Пензенский Варлаам, занимавший данную кафедру с 1854 по 1862 год. «За все время своего святительского служения преосвященный Варлаам непрестанно проповедовал. Не проходило, по-видимому, ни одной службы, в которой паства его не слышала бы голоса своего архипастыря. Так, по словам Синодального Отчета за 1859 г. (Дело Синодального Архива 1861, № 1120), в крестовой церкви катехизические поучения произносились

при каждом архиерейском служении самим архиереем и состояли в объяснении дневных евангелий»⁴.

Преосвященный Варлаам неустанно проповедовал и при объезде епархии. Остались записи о темах произнесенных им поучений в разных населенных пунктах Пензенской епархии. Например, в Памятной книге с. Алферьевки Пензенского уезда на момент изучения материалов о деятельности архиепископа Варлаама священником Сергием Артоболовским сохранилась запись о произнесенном слове о силе и действии молитвы Божией Матери к Господу Иисусу Христу⁵.

В статье приходского священника села Степановка Мокшанского уезда Пензенской губернии Николая Быстрова, опубликованной в «Пензенских епархиальных ведомостях»⁶, рассказывается о посещении преосвященным Варлаамом Архангельской церкви этого села. Во время своего второго визита 6 августа 1858 г. владыка просмотрел исповедные ведомости и обратил внимание на малое количество исповедников. «Усмотревши это неотрадное явление, преосвященный, после полунощницы, которую выслушал стоя в алтаре, обратился к прихожанам со своим архипастырским словом о возможно частом хождении в храм Божий и неопустительном исполнении христианского долга исповеди и причащения Св. Таин»⁷.

Однако будучи выдающимся проповедником, Варлаам практически не печатал своих проповедей, лишь некоторые из них были помещены в провинциальных губернских ведомостях, зачастую без подписи.

«Проповеди преосвященного Варлаама производили на паству, непосредственно внимающую его беседам, самое отрадное впечатление. «В крестовой архиерейской церкви, читаем по одному из Синодальных отчетов (Дело Синодального Архива. 1861 г. № 1120), для слушания таковых бесед народ сходится во множестве, и весь без исключения, не исключая и простолюдинов, слушает с необыкновенным вниманием, главным образом потому, что беседы произносятся без всякого предварительного приготовления и языком совершенно разговорным и истины Евангелия объясняются со стороны самых занимательных, и более сокровенных и таинственных недоступных для буквального чтения и разумения»⁸.

Приходское пензенское духовенство владыка Варлаам побуждал к активной проповеди не только собственным примером. Его замечания по развитию проповедничества в епархии содержатся в предложениях и резолюциях Пензенской Консистории от 16 сентября и 17 октября 1855 года. «Обозрев третью часть епархии в прошедшем месяце и частию в текущем и занявшись главным образом просмотром сочиняемых священниками проповедей в числе 12 в год и устным испытанием как их, так и дьяконов и причетников в знании ими и своих областей, и главных догматов и постановлений Церкви я нашел, что все проповеди, говоренные священниками в своих приходах, говорены были без всякой цензуры, и потому преисполнены всякими недостатками и даже нетерпимыми погрешностями, да и в самих уездных городах произносимые поучения, или худо исправлялись, или почти не исправлялись цензорами по невниманию ли их к делу, или по недоразумению и ими самими истин веры и учения Церкви. Устные ответы на вопросы почти

у всех были очень недостаточны, несовершенны, а у некоторых даже смешны и глупы».

Преосвященный Варлаам в целях исправления ситуации в епархии в деле проповедничества сделал следующие распоряжения. Во-первых, установить уровень образованности среди духовенства епархии. Во-вторых, обязать всех протоиереев и священников приобрести в Синодальной конторе «Православное исповедание Петра Могилы», диаконов и причетников — «Пространный и православный Катехизис Митрополита Филарета». В третьих, предписать духовным правлениям и Консistorии составлять расписание проповедей на год во всех уездах епархии. Перворазрядным священникам назначить по четыре проповеди в год, второразрядным — по три, а третьеразрядным — только по две.

Преосвященный Варлаам негативно относился к произнесению проповедей не собственного сочинения: «Лучше, хотя немного но свое»⁹.

На страницах «Пензенских епархиальных ведомостей» (далее «ПЕВ»), которые стали издаваться в епархии уже после окончания служения архиепископа Варлаама в Пензенской епархии, можно проследить, какое развитие получило его стремление к развитию проповедничества. Спустя полвека редакция издания обращалась к наследию своего знаменитого архипастыря и опубликовала исторический очерк о его служении, который был подготовлен пензенским священником Сергием Артоболевским и через два года после опубликования в «Пензенских епархиальных ведомостях» был выпущен отдельным изданием¹⁰.

В этом же номере редакция «ПЕВ» в продолжение темы опубликовала еще два материала, посвященных вопросу развития проповедничества, — «Живое слово»¹¹ и «Искусство говорить публично»¹².

С. Никольский начинает свою статью с обращения к совету правившего в то время в Пензенской епархии епископа Митрофана, который он дал священникам епархии. Владыка пожелал своим подчиненным произносить поучения наизусть, а не читая по тетради или книге. Корреспондент проводит параллель между мыслью преосвященного Митрофана и трудом «Живое слово» архиепископа Харьковского Амвросия.

Вся статья посвящена пересказу основных положений книги архиепископа Амвросия. Вот как он мотивирует священнослужителей к импровизации во время проповедования: «Говори, потому что говорят же другие, имеющие дар свободного, живого слова. Говори, потому что и ты, по-видимому, этот дар имеешь: начинай, испытывай себя и затем упражняйся»¹³.

В материале «Искусство говорить публично» рассматриваются приемы публичной речи известных ораторов — проповедников, профессоров, адвокатов, общественных деятелей. Например, вот что говорится о принципах Виктора Гюго: «Импровизация, писал он, заключает в себе предварительное обдумывание. Следствием обдумывания то, что во время речи слова не являются произвольно; продолжительная работа мысли облегчает непосредственное созревание выражения. Импровизация не что иное, как внезапное и произвольное открытие резервуара; называемого мозгом; но нужно чтобы этот резервуар был полон. От

полноты мысли зависит богатство речи. В сущности то, что вы импровизируете, кажется новым для слушателей, но старо для вас. Говорит хорошо тот, кто расточает размышления целого дня, недели, месяца, а иногда и целой своей жизни в речи, которая длится час»¹⁴.

Эту мысль Виктора Гюго повторяет и Франциск Сарсэ: «Из фонтана бьет лишь та вода, которая в него влита, ... как ни поворачивай кран импровизаций, если фонтан пуст, из него, кроме воздуха, ничего не выйдет»¹⁵.

Провинциальные епархиальные ведомости придавали гласности успешную деятельность некоторых местных проповедников. «Самарские епархиальные ведомости» в 1903 г. к годовщине кончины протоиерея Бузулукского Тихвинского женского монастыря Александра Михайловича Преображенского приурочили публикацию о его выдающихся проповеднических трудах. «Александр Михайлович все поучения произносил живым словом, без тетради, стоя перед аналоем, на котором всегда полагалось Св. Евангелие, Апостол или одна из богослужебных книг. Импровизация с Евангелием или другой священной книгой авторитетнее для слушателей, которым в таком случае нагляднее указывается, что проповедник говорит не от своего разума, а от разума Божественных Писаний. Само собою разумеется, что при таком приеме импровизации проповедник должен не только держать священную книгу в руках, или прочитывать из нее несколько слов, а затем оставлять ее без всякого употребления. Александр Михайлович прочитывал из священной книги все дневное евангельское или апостольское чтение, или в продолжение своей речи несколько раз обращался к священной книге и прочитывал из нее особенно подходящие для избранной темы места»¹⁶.

Протоиерей Александр Преображенский темами своих проповедей выбирал дневные евангельские или апостольские чтения, события из церковной и священной истории, церковные песнопения. Поучения он произносил просто и ясно, громким и отчетливым голосом. Однако за десятилетия служения отца Александра в Бузулукском женском монастыре лишь отдельные образцы его проповедей были напечатаны в «Самарских епархиальных ведомостях». Тогда как в богослужебном журнале монастыря отмечено 700 произнесенных им поучений.

Но проповедников-импровизаторов среди провинциального духовенства было немного, потому что, как отмечал пензенский благочинный Валериан Успенский, «этот способ проповедования был значительно сложнее».

«Самарские епархиальные ведомости» рассказывали устами местного духовенства и о проблемах, с которыми сталкивались проповедники на своих приходах. Молодой батюшка сразу после окончания семинарии со всей искренностью взялся за дело пастыря. С церковной кафедры, в богослужебных и частных беседах он боролся с распространенными в селе пороками — «шинкарством» и «сверхжидовским ростовщичеством», «выставляя в ярких красках гнусность поступков лиц, сосущих кровь своего односельчанина»¹⁷. Итогом его усилий стал анонимный донос прихожан на священника и суд над ним. Молодой священник лишь укоренился в мысли, что «священники-чиновники именно только и могут пользоваться спокойной жизнью в приходе и даже

получать награды, для чего всеми силами стараются о том, чтобы их не мог “поддеть” ни один прихожанин»¹⁸.

Проблема развития проповедничества не раз вызывала дискуссии на страницах «Пензенских епархиальных ведомостей». Получив от одного местного священника «Заметку о церковных поучениях», редакция «ПЕВ» не стала публиковать ее, а подготовила свой материал, в котором дала подробные разъяснения на предмет замечания корреспондента. Автор заметки выразил сожаление, «что некоторые из современных проповедников по видимому чуждаются употреблению в поучениях текстов свящ. Писания, не вносят их ни в основание, ни в изложении своих проповедей, — и считает это признаком недостатка библейского духа и назидательности в проповедном слове»¹⁹.

После рассмотрения примеров отношения к проповеди древней церкви и некоторых русских подвижников, например, свят. Тихона Воронежского, редакция «ПЕВ» сделала следующий вывод. «Мы отнюдь не отрицаем и не умаляем важного значения, какое имеют свящ. тексты в церковной проповеди. Но одно употребление этих текстов не всегда говорит о религиозности и назидательности проповеди, равно как отсутствие свящ. текстов не всегда служит признаком недостатка истинной назидательности в церковном собеседовании. Если проповедь заставляет слушателей верить и жить так, как повелевает слово Божие, то ее нельзя не признать назидательною, хотя бы она была и без текстов»²⁰.

В 1886 г. в редакцию «ПЕВ» обратился еще один священник с просьбой выразить позицию редакции по поводу того, в чем должна состоять цензура церковных проповедей. Священник А. Масловский в ответ на это обращение опубликовал статью «К вопросу о цензуре проповедей»²¹.

В ней он обстоятельно комментирует замечания корреспондента. В частности, обратившийся в газету священник как и в предыдущем случае желал бы ограничить задачу цензора только наблюдением за тем, чтобы в проповеди были правильно разъясняемы христианские истины, «согласно со словом Божиим». Масловский с этим не согласен. Он отсылает к законоположениям, которыми учреждалась и определялась цензура церковного проповедничества — циркулярное отношение к преосвященным архиереям обер-прокурора Св. Синода в 1794 г. и указ Св. Синода 1850 года. Задача цензора в этих документах представлялась более широко. Он должен рассматривать проповедь со всех сторон, обращая внимание на выбор предмета, на внутренний ее характер и внешнюю сторону, т. е. на изложение и язык. Также цензор должен наблюдать, соответствуют ли предметы проповедей данным обстоятельствам, приложимы ли к слушателям, содержат ли религиозно-нравственное назидание, какими источниками пользуется проповедник. Но при этом цензор, по убеждению иерея Масловского, должен относиться к трудам священников с уважением как к поучениям своих сослуживцев, а не учеников²².

Проповедь местного духовенства занимала видное место и на страницах провинциальных губернских ведомостей. Практически каждый первый номер газеты в новом году открывала проповедь священника. Пензенский проповедник Михаил Ремезов в «Слове в день Нового года»

на тему пожелания счастья развил анализ учения графа Льва Толстого²³. «В наш век научного прогресса и безверия, в наш век просвещения и нравственного падения находится немало лиц, которые не удовлетворяются указанным в Евангелии блаженством и своими человеческими силами стараются найти новый путь и средство к земному счастью. В самое последнее время на Святой Руси явился модный учитель и философ, современный атеист и гениальный художник Л. Толстой, который своими безбожными сочинениями привлек мысль и внимание нашего современного общества, некрепкого в Евангельских истинах»²⁴.

Стоит обратить внимание на то, что размещение проповедей местного духовенства на страницах «Пензенских епархиальных ведомостей» является чуть ли не единственной публикацией, принадлежащей перу местного автора, за первое полугодие 1888 года. В основном содержание газеты составляют новости из столицы и других городов империи, местные новости встречаются редко и как правило посвящены событиям культурной жизни губернии.

Данное наблюдение позволяет сделать вывод о том, что проповеди местного духовенства не только выполняли роль духовно-религиозного наставления читателей, но в них как в публицистических работах выражалась местная точка зрения на события не только губернского, но и всероссийского масштаба.

Констатация оживления церковной проповеди и публицистики во второй половине XIX в. идет несколько в разрез с устоявшимся мнением о состоянии паралича Русской православной церкви в течение всего синодального периода. Однако приведенные выше результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что Церковь во второй половине XIX — первой половине XX в. активно участвовала в жизни общества, выполняла свою просветительскую и охранительную функцию. Другое дело, что подчиненное положение РПЦ государству в условиях процессов модернизации в российском обществе снижало эффективность многих ее направлений деятельности.

Примечания

1. ШЕВКУН П. В. Православная церковь в коммуникативных процессах конца XVIII — первой половины XIX в. — Вопросы истории. 2016, № 6, с. 142.
2. НЕГУЖИЛОВ К. Е. Церковная периодическая печать в 60—70-е гг. XIX века: проблемы развития. — Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 2, вып. 4, с. 95.
3. История проповедничества Русской Православной Церкви. Учебное пособие для студентов 4-го класса. Составлено протоиереем А. Ветелевым, дополненное и переработанное преподавателем М. Е. Козловым. Сергиев Посад. 2006.
4. АРТОБОЛЕВСКИЙ С. Варлаам, архиепископ Пензенский. Историко-биографический очерк. Пенза. 1912, с. 277.
5. Там же, с. 278.
6. БЫСТРОВ Н. Пензенские иерархи в селе Степановке, мокшанского уезда. — Пензенские епархиальные ведомости. 1885, № 16, с. 9—16.
7. Там же, с. 13.
8. АРТОБОЛЕВСКИЙ С. Ук. соч., с. 279.
9. Там же, с. 282.

10. АРТОБОЛЕВСКИЙ С. Варлаам, архиепископ Пензенский (Историко-биографический очерк). Проповедничество в Пензенской епархии при преосвященном Варлааме. — Пензенские епархиальные ведомости. 1910, № 12, с. 421—434.
11. НИКОЛЬСКИЙ С. Живое слово. — Там же, с. 435—446.
12. Искусство говорить публично. — Там же, с. 450.
13. НИКОЛЬСКИЙ С. Живое слово, с. 441.
14. Искусство говорить публично, с. 450.
15. Там же, с. 452.
16. МАЛИНОВСКИЙ М. Памяти Александра Михайловича Преображенского как проповедника. — Самарские епархиальные ведомости. 1903, № 18, с. 979—980.
17. Н-В П. Причины упадка духа в духовенстве (Иллюстрация). — Самарские епархиальные ведомости. 1904, № 3, с. 2.
18. Там же, с. 3.
19. В чем состоит библеизм церковной проповеди. — Пензенские епархиальные ведомости. 1885, № 12, с. 8—11.
20. Там же, с. 10—11.
21. МАСЛОВСКИЙ А. К вопросу о цензуре проповедей. — Там же. 1886, № 10, с. 1—4.
22. Там же, с. 4.
23. Слово в День Нового года. — Пензенские губернские ведомости. 1888, № 1, с. 3—4.
24. Там же, с. 3.

Первые священники западно-христианских церквей в Петербурге: начало XVIII в.

А.Э. Алакшин, Е.А. Самыловская

Аннотация. Публикация посвящена истории формирования корпусов миссии западно-христианских церквей в Санкт-Петербурге в первой четверти XVIII столетия. На основе анализа отечественной и зарубежной литературы, а также архивных документов были рассмотрены составы миссий, а также проведен сравнительный анализ особенностей их комплектования.

Ключевые слова: западно-христианские церкви в Санкт-Петербурге, протестанты, католики, миссионеры, протестантские общины, римско-католическая община.

Abstract. The paper is devoted to the history of Western Christian churches mission corps formation in St. Petersburg in the first quarter of the XVIII century. On the basis of Russian and foreign literature as well as archival documents analysis, the authors considered the missions' composition and also conducted comparative analysis of their acquisition specifics.

Key words: West Christian churches in St. Petersburg, Protestants, Catholics, missionaries, Protestant communities, Roman Catholic community.

Вопросы деятельности католической и протестантской церквей в России в XVIII столетии все чаще привлекают внимание исследователей, поскольку невозможно постичь содержание модернизационных преобразований в стране в этот период без анализа влияния иностранцев на формирование базовых институтов жизни общества. Появляются многочисленные публикации, в которых подчеркивается роль конфессионального фактора в организации систем отечественной про-

Алакшин Александр Эдуардович — доктор исторических наук, профессор Высшей школы общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (СПбПУ). E-mail: aalakshin@list.ru; *Самыловская Екатерина Анатольевна* — кандидат исторических наук, доцент Высшей школы общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (СПбПУ). E-mail: katerina-samylovskaya88@yanex.ru.

Alakshin Alexander E. — doctor of historical sciences, professor of the Graduate School of Social Sciences at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU). E-mail: aalakshin@list.ru; *Samylovskaya Ekaterina A.* — candidate of historical sciences, associate professor at the Graduate School of Social Sciences at the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU). E-mail: katerina-samylovskaya88@yanex.ru.

мышленности, армии и флота, торговли и т. д. ¹ Безусловно, изучения заслуживает и тема обстоятельств попадания первых духовных персон иноверцев в Петербург, которая охватывает полный контекст ситуации создания общин и строительства культовых сооружений, коммуникаций приходов между собой и с адресатами из стран Западной Европы, способов обретения общинами слугителей; выстраивания новых моделей законотворчества российского государства в отношении иноверцев и практики применения этих законов в конкретных случаях чьего-либо отступления от предписанных норм.

Католики появились на территории страны еще в века становления славянских государств: многочисленные миссионеры посещали различные княжества, объясняя преимущества христианской католической веры перед другими религиями — в том числе и перед православием, в которое крестилась Русь в 988 году. Чрезмерная активность католических орденов, вмешивавшихся в жизнь российского общества в периоды феодальной раздробленности страны, татаро-монгольского нашествия, Смуты начала XVII в., сформировала в православном общественном сознании устойчивое отторжение католической идеологии в целом и ее носителей, переселявшихся по той или иной причине жить в Россию.

Подобное неприятие распространилось и на идеологических противников католичества — протестантов. Уже с времен начала движения Реформации лютеране и реформаты в поисках денежного дохода посещали Московскую Русь, иногда оставаясь в ней на долгие годы или даже на всю жизнь. Появлялись семьи, дети в которых родились уже в России. Вступая в браки, они производили на свет своих детей и т. д. Протестанты, как прежде и католики, создавали в российских городах свои диаспоры, строили кирки, занимались приносящим прибыль ремеслом; они, как правило, говорили только на родных языках и мало пересекались с русским населением. Православное общество, не разбираясь специально в различиях между католиками и протестантами, с равным предубеждением относилось к тем и другим: и «латины», и «люторы», по представлениям русских, в учении и поступках отошли от истинной традиции учения Христа — православия. Российские государи, однако, чувствовали разницу между религиозными идеями Римской церкви, стремившейся любыми способами распространить свое влияние на мир — в том числе, на население России и даже на ее власть — и протестантами, лояльными по отношению к власти в любом государстве и занятыми лишь процессами доказательства себе и Богу собственной «избранности» через силу чувств веры (учение лютеран) или успешные земные дела (учение реформатов).

Никакого законодательства в России в отношении иноверцев не существовало долгие столетия — все возможности их конфессионального самовыражения подтверждались царской властью в моменты разрешения инославным христианам приглашать в Россию очередного священника или строить новое здание для совершения молитв и богослужений. Ставший русским царем в конце XVII в. Пётр задумал ряд мер для выхода из трудной политической и экономической ситуации, в которой находилась Россия в этот период истории. Одним из механизмов реформ оказалось приглашение в страну в 1702 г. иностранных специалистов

в делах организации и управлении производством, государственными учреждениями, армией и т. д. ² Наряду с другими свободами, дарованными Петром иностранцам, была и возможность приглашения ими в Россию собственных священников для проведения богослужений.

Иностранцы в массовом порядке поехали в Россию в надежде получения прибыли и высоких постов в государстве. Основным местом их поселения стал основанный в 1703 г. Санкт-Петербург. Именно сюда съезжались тысячи выходцев из стран Западной Европы, помогая собственными знаниями и способностями модернизировать экономико-социальную жизнь России. В различных частях города иностранцы стихийно образовывали конфессиональные общины, в которых можно было бы проводить богослужения и различные обрядов. Общины нуждались в пасторах, и в город стали прибывать священнослужители разных конфессий. Ситуации их появления в Петербурге не были похожими. У лютеран и реформатов, имевших разнорациональную диаспору (совместным числом членов превышавшую в несколько раз количество католиков), с 1704 г. был свой пастор — немец Вильгельм Толле, приглашенный патроном всех иноверцев Петербурга, вице-адмиралом Корнелиусом Крюйсом. В. Толле проводил службы и обряды в частных домах, а с 1707 г. — поочередно для лютеран и реформатов в выстроенной во дворе вице-адмирала деревянной кирке. Судя по отзывам знавших его людей, он был прирожденным миссионером и имел дар убеждающей проповеди. У него было прекрасное богословское образование, он знал 14 языков: службу у голландских реформатов он проводил на голландском языке, у французских реформатов — на французском, у финских лютеран — на финском, у англикан — на английском и т. д. ³ В 1706 г. в Петербург был приглашен еще один немецкий лютеранский пастор — Иоганн Мюллер. Он прослужил 8 лет в лютеранской кирке города, возведенной в крепости на Заячьем острове еще в 1704 году ⁴. И. Мюллер вел богослужения для всех лютеран и реформатов, которые приходили в его кирку. Возможно, предвидя свою близкую смерть, Толле в 1710 г. написал письмо профессору университета г. Галле, известному пиетисту Августу Герману Франке с просьбой прислать в Петербург пару способных выпускников, один из которых мог бы занять место пастора разраставшейся общины, а другой — временно побыть домашним учителем в ожидании еще одной пасторской вакансии ⁵. Прибыв в конце декабря того же года в Петербург, кандидаты Генрих Готтлиб Нацциус и Иоганн Георг Зоргер не застали Толле в живых. Вместо него, в ожидании персон из Галле, должность вынужденно отправлял приглашенный в город армейский лютеранский проповедник Иоганн Арнольд Паули ⁶. В сан был рукоположен Г. Г. Нацциус, его товарищ принял открывшееся место флотского проповедника в Азовском походе и уехал из Петербурга. Нацциус, как и его предшественник, вел службы и для лютеран, и для реформатов в той же кирке во дворе вице-адмирала. С 1717 г. Нацциусу стал помогать прибывший из Амстердама голландский пастор Герман Герхард Грубе. Ранее, жившие в городе голландцы (среди которых были и состоятельные торговцы) направили в амстердамский классис письмо, где выразили желание иметь собственного проповедника, обещая предоставить ему квартиру и платить значительное жалование ⁷.

В начавшую свою деятельность на Литейном дворе немецкую лютеранскую общину Св. Анны в 1722 г. пастором был приглашен Иоганн Леонгард Шаттнер, прежде исполнявший, как и И. А. Паули, обязанности проповедника в российской армии ⁸. В 1723 г., по указанию английской торговой Фактории, в город на жительство прибыла значительная часть московской диаспоры подданных британской короны, среди которых был и пастор англиканской общины Томас Консетт ⁹. По письму инициативной группы в 1724 г. в город из Женевы приехал и пастор стихийно сложившейся французско-немецкой реформатской общины Роберт Дюнант ¹⁰. После смерти Грубе, по приглашению голландской общины, в город в том же 1724 г. прибыл из Амстердама пастор Герхард Крамер ¹¹. В Петербурге была представлена еще одна категория пасторов: Якоб Майделин, Христиан Габриэльсон Мелартопеус, Иоганн Вреденберг, Николаус Кештрель и Саломон Кестлер проводили службы в среде тысяч военнопленных из состава шведской армии, чей труд использовался при строительстве городских зданий. Почти все пасторы и сами имели статус пленных до дней окончания Северной войны и заключения Ништадтского мира, тем не менее, российская власть не препятствовала проведению ими богослужений и обрядов в частных домах, выполнявших роль кирок.

Католики, община которых также зародилась в первые месяцы строительства города, поначалу собственных постоянных священников не имели. В 1704—1709 гг. один раз в год для проведения обрядов и таинств в город приезжали московские иезуиты ¹². Кто их направлял — сегодня выяснить невозможно. Информации о выданных в Ватикане официальных документах на эту миссию нет. Скорее всего, клирики приезжали по собственной инициативе поддержать окормлением братьев по вере и, заодно, присмотреться к городу, возводящемуся Россией на едва отвоеванной у шведов земле.

В первые годы столетия численность раздробленной общины была чрезвычайно мала — несколько десятков человек собирались в доме Доменико Трезини на Петербургском острове. По мере увеличения числа пребывавших в Петербурге католиков и расширения территории города, местоположение общины стало меняться: с 1710 г. мессы начались в выстроенном деревянном храме в Греческой слободе (были попытки его перестройки); на рубеже 1710-х — 1720-х гг. на Васильевском острове появилась небольшая капелла, в которой проводили свои службы французы.

Вряд ли кардиналы Конгрегаций Римской курии могли представить, что царь Пётр перенесет столицу из Москвы в город на берегах Невы ¹³, иначе, наверняка, уделили бы Петербургу больше внимания, начиная с дней закладки города. Духовные персоны, прибывавшие для постоянной службы — после этапа окормления паствы московскими иезуитами — также появлялись в городе случайно. В 1710-х гг. в петербургском приходе служил бенедиктинец из Праги, капеллан при генерале-католике на русской службе, о. Вольфганд Гайдингер, о чем свидетельствует переписка 1714 г. между варшавским нунцием Джироламо Гримальди и архитектором Франческо Фонтана ¹⁴. Кроме того, в это же время при общине находился иезуит о. Скорти, который в исторической литера-

туре также считается настоятелем первой католической церкви города Св. Петра¹⁵. Действительно, в первой метрической книге церкви указано, что именно он в 1710 г. крестил сына архитектора Доминико Трезини — Пьетро. Тем не менее, в метрических записях за 1711—1715 гг., кроме имени о. Вольфганда, не встречаются ни имя о. Скорити, ни имена других священников. Кроме того, в переписке Ф. Фонтаны и Дж. Гимальди, являющейся важнейшим историческим источником, персона о. Скорти не упоминается.

Однако о. Вольфганд не устроил прихожан церкви. В письме к ливонскому епископу Х. Шембеку они пожаловались на его безнравственное поведение и попросили прислать другого священника. На эту должность был направлен иезуит о. Даниил Жировский из Митавы, который в 1713 г. возглавил приход. При этом, очевидно, что в случае отставки о. Вольфганда, для постоянно растущей общины одного священника было недостаточно, поэтому прихожане попросили прислать еще одного священника, которым стал прибывший в том же году о. Джузеппе Мартинелли (находился при церкви до 1718 г.)¹⁶.

В 1715 г. на проблему комплектования петербургской миссии обратила внимание Конгрегация пропаганд веры и летом того же года поручила папскому нунцию в Вене отправить в Санкт-Петербург еще двоих священников из ордена бенедиктинцев, однако вместо них в 1715 г. в город прибыли два иезуита: сначала — немец о. Михаил Энгель, а вслед за ним — австриец о. Иоганн Байер, который вскоре переехал в Москву¹⁷. Вероятно, именно после приезда в город иезуитов, о. Вольфганд был отправлен в отставку, так как после 1715 г. его имя более не упоминается в метрических записях¹⁸.

Иезуиты начали широкую миссионерскую деятельность в Петербурге: они не только проводили богослужения и обряды, но и обращали в католичество местных протестантов, организовали школу и т. п. Однако, их вмешательство в политические дела (а именно, в дело царевича Алексея) привело к высылке в 1719 г. всех иезуитов из России¹⁹. Безусловно, провал такой важной для Рима миссии бросал тень на должностную репутацию священников, поэтому они всячески пытались оправдаться перед руководством. Так, о. Энгель сообщил служителю епископата Ливонии Гённеру о том, что лично к нему Пётр I относился вполне доброжелательно и даже конфиденциально объяснял священнику, что декрет о высылке иезуитов вызван не личной неприязнью царя, а «по иным чрезвычайным причинам»²⁰.

После высылки из страны иезуитов, перед Ватиканом встал вопрос — кого направить вместо них в Россию и непосредственно в Петербург для окормления католиков? Руководство церкви явно осознало важность города, ставшего столицей государства, мощь и авторитет которого стремительно росли в политическом пространстве Европы. В сложившейся ситуации ставка Ватикана была сделана на францисканцев и капуцинов. Данное решение привело к жесточайшему противостоянию между представителями этих орденов, которое сохранялось с 1719 по 1725 г. и коснулось не только священников и прихожан, но решалось даже на дипломатическом уровне. Сюжеты этих конфликтов, преимущество в которых оказалось на стороне францисканцев, должны

стать темой отдельной статьи; в данном же исследовании необходимо упомянуть имена служителей, окормлявших общину до 1725 г.: от состава капуцинов — о. Патриций (Патрик) Медиоланский, о. Венусто из Фрибурга, о. Аполлинарий фон Вебер, о. Андреас фон Вебер, о. Теодозий из Луцерна, о. Роман Гела, о. Петр Хризолог; от состава францисканцев — о. Петр Келио (Кайо), о. Джакомо да Оледжо, о. Доминик Центавский, о. Роман Гела, о. Бонаventura Шульц, о. Бонаventura Цежиньски и о. Микельанджело да Вестинье. Как видим, количественный состав миссий в конце первой четверти столетия в несколько раз превзошел число духовных лиц католиков в начальный период истории города — это обстоятельство было связано с масштабностью борьбы орденов между собой.

Сравнительный анализ обстоятельств появления протестантских и католических общин в начальный период истории города обозначает видимые различия в способах их комплектования духовными персонами — пасторы лютеран и реформатов во всех случаях приглашались на службу представителями общин из стран Западной Европы в ситуациях свободного выбора (шведско-финская община в расчет не берется по причинам поражения в правах военнопленных, являвшихся основной массой ее членов в период ведения Северной войны); у католиков первые служители появлялись в общинах случайно, после переезда в Петербург правительства и двора подбор духовных руководителей прихода был взят под контроль Ватиканом — ими уже становились члены конкретных монашеских орденов. Духовные лица протестантских общин занимались исключительно конфессиональной службой в приходах; католические же священники проявили высокую активность в попытке влиять на политическую ситуацию в России, результатом чего стало законодательное ограничение деятельности католиков со стороны государства. Протестантские пасторы разных национальностей в период ранней истории Петербурга выражали в служении принципы конфессиональной солидарности по отношению друг к другу и ко всем лютеранским и реформатским общинам города; в рядах католического духовенства, наряду с желанием поддержать петербургских единоверцев, проявлявшемся случаями помощи в организации богослужений, чувствовались и настроения конкурентной борьбы за общину представителей различных орденов.

Примечания

1. См., например: АНДРЕЕВ А.Н. Немцы-католики в Петербурге времен Петра Великого: социальные и биографические аспекты. В кн.: Антропология Петербурга: сборник статей к 85-летию со дня рождения Н.В. Юхнёвой. СПб. 2017, ч. 1, с. 138—158; ЕГО ЖЕ. Протестанты в составе российского высшего чиновничества при Петре I. — Новый исторический вестник. 2016, № 3 (49), с. 8—23 и др.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), т. IV, № 1910, с. 193—195.
3. БЕСПЯТЫХ Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. СПб. 1991, с. 53; BÜSCHING A.F. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinden im Russischen Reich. Th. 1—2. Altona. 1766—1767. Th. 1, S. 171.
4. BÜSCHING A.F. Op. cit., Th. 1, S. 52.

5. Ibid., S. 175.
6. Такая должность не была редкостью в армии, преимущественную часть состава которой составляли иностранцы, большинство из которых исповедовали лютеранство.
7. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), ф. 40, оп. 1, д. 339, л. 3—5; ХОЛТРОП П. Н. Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717—1927 гг.). Краткий обзор. В кн.: Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717—1927). СПб. 2001, с. 16.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 796, оп. 1, д. 286, л. 15; оп. 2, д. 504, л. 3об.
9. Там же, ф. 1689, оп. 1, д. 1, л. 13об. —14.
10. Там же, ф. 296, оп. 1, д. 286, л. 20.
11. ЦГИА СПб, ф. 40, оп. 1, д. 339, л. 12об.
12. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб. 1904, с. 186—188.
13. Неформальное объявление Санкт-Петербурга столицей произошло в 1712 г. после переезда сюда чиновников правительства и состава двора.
14. D'HAARLEM Z. Les Capucins a Saint-Petersbourg (1720—1725). *Collectanea Franciscana: Periodicum Cura Institutii Historici Ordinis Fratrum Minorum Capuccinorum Editum*, 1942, vol. XII (1942), p. 50—51.
15. АНДРЕЕВ А. Н. Католицизм и общество в России XVIII в. Челябинск. 2007, с. 276; ХАНКОВСКА Р. Храм Святой Екатерины в Санкт-Петербурге. СПб. 2001, с. 2; BOIS J. L'église Sainte-Catherine a Pétersbourg. — *Echos d'Orient. Revue bimestrielle de theologie, de droit canonique, de liturgie, d'archeologie, d'histoire et de geographie orientales*, 1907, t. X, p. 146; KLUCZEWSKI E. Parafia i kosciol sw. Katarzyny w Peterburgu. — "Charitas": księsa zbiorowa wydana na rzecz rzymskokatolickiego Towarzystwa Dobroszynnosci przy kosciele sw. Katarzyny w Peterburgu. 1894, s. 129.
16. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 152, оп. 1 (1715 г.), д. 1, л. 1.
17. Там же, оп. 1 (1716 г.), д. 2, л. 2об. —3, 4об. —5; ХАНКОВСКА Р. Ук. соч., с. 2; D'HAARLEM Z. L'expédition des Capucins en Russie. Vol. XII. Rome. 1942, p. 51.
18. ЦГИА СПб, ф. 347, оп. 1, д. 31, л. 5—6.
19. ПСЗ, т. V, № 3225, с. 694; ВИНТЕР Э. Папство и царизм. М. 1964, с. 144; ТОЛСТОЙ Д. А. Римский католицизм в России: Ист. исслед. гр. Дмитрия А. Толстого [В 2 т.]. Т. 1. СПб. 1876, с. 136; PIERLING, S. J. La Russie et le Saint-Siège: Etudes diplomatiques. T. 4. Paris. 1896—1912, p. 289—297; ПЗС, т. 5, № 3356, с. 694.
20. THEINER A. Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples. Rome. 1859, p 518.

ИСТОРИОГРАФИЯ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201905Statyi03 ББК 63.3(0)62 / УДК 327(091)

Историография коллораборационизма на оккупированных европейских и советских территориях в годы второй мировой войны

С.В. Воробьёв, Т.В. Каширина

Аннотация. В публикации представлен историографический анализ проблемы коллаборационизма на оккупированных европейских и советских территориях в годы второй мировой войны. Авторы выделяют этапы изучения проблемы в отечественной историографии; выявляют последствия влияния зарубежной литературы по проблеме коллаборационизма на территории СССР на отечественную историографию; определяют дискуссионные вопросы коллаборационизма, в частности, мотивы коллаборантов. В рамках исследования дан анализ российской и зарубежной историографии правления Виши во Франции и правительства Квислинга в Норвегии.

Ключевые слова: историография, вторая мировая война, коллаборационизм, армия Власова, правительство Виши, правительство Квислинга.

Abstract. The publication presents a historiographical analysis of the problem of collaboration in the occupied European and Soviet territories during the Second World war. The authors identify the stages of the study of the problem in the domestic Russian historiography; identify the consequences of the influence of foreign literature on the problem of collaboration in the USSR on the Russian historiography; determine the controversial problems of collaboration, in particular, the problem of motives of collaborators. As part of the study of collaboration in the European territories, the analysis of Russian and foreign historiography of the problem of Vichy's rule in France and the government of Quisling in Norway is given.

Key words: historiography, World war II, collaboration, the Vlasov army, the Vichy government, the government of Quisling.

Воробьёв Сергей Владимирович — доктор исторических наук, профессор Дипломатической академии МИД России. E-mail: 352147@gmail.com; *Каширина Татьяна Владиславовна* — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой Дипломатической академии МИД России. E-mail: Kashirina73@mail.ru.

Vorobyov Sergey V. — doctor of historical sciences, professor at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. E-mail: 352147@gmail.com; *Kashirina Tatyana V.* — doctor of historical sciences, professor, head of the department at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. E-mail: Kashirina73@mail.ru.

Разновекторные оценки исторического прошлого и современной действительности заставили авторов возвратиться к изучению одной их сторон такого общественного явления как коллаборационизм. Юридически это понятие (фр. *collaboration* — «сотрудничество») означает осознанное, добровольное и умышленное сотрудничество с врагом в его интересах и в ущерб своему государству. В современном уголовном законодательстве большинства стран коллаборационизм квалифицируется как государственная измена и как преступление, не имеющее сроков давности. В словаре иностранных слов понятие «коллаборационист» объясняется как изменник, предатель родины, лицо, сотрудничавшее с немецкими захватчиками в оккупированных ими странах в годы второй мировой войны¹.

Как свидетельствуют исторические документы, первоначально термин «коллаборационизм» использовался применительно к режиму правительства Виши во Франции и в целом к сотрудничеству французских граждан с оккупационным режимом фашистской Германии в годы второй мировой войны. Затем стал применяться и к деятельности коллаборационистского правительства Квислинга в Норвегии, режиму Локотской республики, деятельности Русской освободительной армии бывшего советского генерала Власова на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны.

Исследование проблемы коллаборационизма на временно оккупированных советских территориях позволяет выделить несколько историографических этапов в развитии этого общественного явления.

Первый этап (1945—1991 гг.) Советская историография исходила из основного постулата о монолитной мощи советского народа, вставшего на борьбу с фашизмом. Изменники и предатели, под которыми понимались уголовные и асоциальные элементы, бывшие нэпманы, кулаки, представлялись советскими историками как отдельные отщепенцы. Основной причиной измены и предательства Родины называлась ненависть к советской власти. Подобные мнения подкреплялись нормативно-правовыми актами, действовавшими в годы Великой Отечественной войны. Статья 58—1 Уголовного кодекса РСФСР, приказ Прокурора СССР «О квалификации преступлений лиц, перешедших на службу к немецко-фашистским оккупантам в районах, временно занятых врагом» от 15 мая 1942 г., Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. «Об образовании чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников...» устанавливали уголовную ответственность коллаборационистов и относили их деяния к особо опасным государственным преступлениям.

Второй этап (1990-е гг.). Российские ученые получили доступ к зарубежным исследованиям проблемы коллаборационизма и к архивным документам. Оценки российских специалистов отличались в зависимости от их политической ангажированности. Часть российских и зарубежных исследователей исходила из постулата, что Советский Союз — это тоталитарное государство, и коллаборационисты (в частности, генерал А. Власов) являлись борцами с таким государством (Г. Владимиров, А. Солженицын, В. Филатов и др.) Другая часть российских

исследователей, занимавшихся изучением участия национальных меньшинств в коллаборационизме, давала этому явлению разные оценки. Так, если необходимо было представить национальные меньшинства как борцов с тоталитарным режимом, то указывалось большее число коллаборационистов². Если исследовалась тема депортации народов в годы войны, то количество коллаборационистов уменьшалось³.

В этот период на российском книжном рынке появилась обширная зарубежная литература по теме коллаборационизма. Ее условно можно разделить на две группы. Первая — исторические работы англоязычных и немецких историков, выдержанные в историко-популярном стиле и предназначенные для любителей истории. Они написаны на основе немецких источников, документов нацистских организаций, которые проанализированы без должной критичности. Вследствие этого авторы склонны преувеличивать масштабы коллаборационизма среди советских граждан, объясняя сотрудничество с оккупационным режимом (который, кстати, в этих трудах обеляется) исключительно идейными соображениями. Вторая группа исследований представляет собой так называемую «эмигрантскую» литературу. Эти труды написаны либо самими коллаборационистами, либо лицами, хорошо знакомыми с ними. И, соответственно, в них активно критикуется Советский Союз и оправдываются коллаборационисты. Большинство работ из второй группы, к сожалению, переведены на русский язык⁴.

Третий этап (с 2000-х гг. по настоящее время). С одной стороны, характеризуется созданием фундаментальных трудов, всесторонне исследующих причины, мотивы, виды коллаборационизма на оккупированных советских и европейских территориях в годы войны. С другой стороны, создан ряд исследований, находящихся под влиянием зарубежной литературы, появившейся в России в 1990-е годы. Эти труды представляют собой своего рода справочники по формированию, организационной структуре и, в меньшей мере, по истории использования коллаборационистских военных формирований. Основным мотивом, побуждавшим советских граждан сотрудничать с оккупантами, по мнению этих исследователей, была борьба с советской властью⁵.

Остановимся подробнее на серьезных исторических трудах третьего этапа. М. И. Семиряга в своем фундаментальном исследовании, посвященном коллаборационизму в годы второй мировой войны, писал о том, что никакая армия, действующая в качестве оккупантов какой-либо страны, не может обойтись без сотрудничества с ее властями и населением. Без него оккупационная система не может быть дееспособной. Она нуждается в переводчиках, специалистах-администраторах, хозяйственниках, знатоках политического строя, местных обычаев и т. д. И необходимо четко различать деятельность, наносящую ущерб своей стране, от хозяйственной деятельности, спасающей свое общество и невозможной без сотрудничества с оккупационными властями⁶. Таким образом, отечественная историография коллаборационизма в целом эксплуатировала методiku разграничения понятий «коллаборационизм» в значении сознательное предательство, наносившее вред борьбе СССР с гитлеровской агрессией, и «сотрудничество» в значении вынужденное взаимодействие (к примеру, с целью выживания) с нацистским режимом.

Изучение историографии проблемы позволяет говорить о том, что большинство российских и зарубежных исследователей используют классификацию коллаборационизма по сферам общественной жизни и, соответственно, выделяют военный, политический (административный) и экономический коллаборационизм⁷. Так историк Б.Н. Ковалёв предложил самый обширный перечень направлений коллаборационизма: военное, экономическое, административное, идеологическое, интеллектуальное, духовное, национальное, детское и половое⁸. Классификация не бесспорная, особенно, когда автор в качестве проявления так называемого детского коллаборационизма приводит примеры, как оккупанты подбирали детей из-под Орла и Смоленска, кормили, а потом давали кусочек тола, предлагая подбросить к куче угля на железнодорожных станциях. Это вызывало взрывы паровозов, гибель красноармейцев. При этом автор указывает, что это были единичные случаи, так как 99% детей не выполняли эти задания.

Большинство исследователей четко отделяют и осуждают военный коллаборационизм, когда красноармейцы-дезертиры, власовцы с оружием в руках сражались против Красной армии, убивали мирное гражданское население. Причем не важно по каким мотивам — ненависть к сталинскому режиму или желание выжить. Данного рода коллаборационизм признается военным уголовным преступлением. И другое дело — коллаборационизм административный, более близкий к сотрудничеству, когда разного рода обстоятельства толкали людей к коллаборации.

Политической формой коллаборационизма и сотрудничества стало взаимодействие с оккупационным режимом представителей различных народов СССР. Нет оснований доверять обширной зарубежной историографии, преподносящей большинство советских коллаборационистов как жертв обстоятельств, которые были вынуждены пойти на сотрудничество с нацистскими оккупационными властями, борясь против коммунистического режима⁹. Тем не менее такой мотив (особенно, в прибалтийских республиках) тоже имел место. Все же политический союз с оккупантами предполагал добровольность, и законодательство любой страны прямо предусматривает юридическую ответственность за такую деятельность.

Административный коллаборационизм (в форме работы бургомистром, старостой, полицейским) представлял собой участие советских граждан в деятельности местных органов власти, созданных оккупантами. В тех случаях, когда бургомистр, староста или полицейский с готовностью и усердием служили «интересам Германии» по таким мотивам, как ненависть к советской власти, карьерные соображения, материальная выгода, низкие моральные качества и другим, имело место предательство, то есть коллаборационизм. Но были случаи, когда представитель администрации соглашался на эту должность, чтобы защитить интересы людей перед оккупационными властями, и здесь уместно говорить о сотрудничестве¹⁰.

Экономический коллаборационизм и сотрудничество определялись тем обстоятельством, что жители оккупированных областей оказались в хозяйственных условиях оккупации. Распространение коллабораци-

онизма среди мирного населения оккупированных территорий было вызвано, кроме прочих причин, политикой немцев в экономической сфере — допущением частной собственности в сельском хозяйстве, созданием условий для предпринимательской деятельности. Поэтому одна из причин предательства в хозяйственной сфере — материальный интерес тех, кто воспользовался открывшимися возможностями. Такие лица для получения прибыли (или, как добровольные остарбайтеры, надеясь на хорошую работу) добросовестно снабжали или обслуживали оккупантов, то есть по своей воле коллаборировались с ними.

Особенностью исследований такого сложного общественного явления как коллаборационизм является то, что оно связано не только с конкретной, спланированной заранее деятельностью оккупационных германских властей по определенному разграничению захваченных территорий, и как следствие — необходимостью управления ими или военной администрацией в прифронтовых районах, или смешанной администрацией (военным командованием и представителями местного населения) в тыловых районах своих войск, или чисто гражданским персоналом — коллаборантами — на расстоянии 300—400 км от линии фронта. Это исследование должно быть также увязано и с психологическим восприятием людьми (вне зависимости от их политических пристрастий) «нового немецкого порядка» на захваченных территориях.

История человечества подтверждает, что предатели Родины были и есть всегда, различна лишь психологическая окраска этого предательства. Ярким примером тому может служить историография судьбы крымско-татарского народа в годы Великой Отечественной войны. Исследователями установлено, что из 220 тыс. крымских татар (по состоянию переписи 1939 г.) около 10 тыс. чел. воевали в Красной армии, а более 20 тыс. — сотрудничали в различных формах с немецко-фашистскими оккупантами. В соответствии с решением ГКО от 10 мая 1944 г., весь крымско-татарский народ пострадал из-за 10% своих представителей, служивших врагу. Служба эта не была чисто военной, она выражалась и в создании карательных отрядов для борьбы с партизанами, и в охранной деятельности таких батальонов СС и СД, как добровольческий 152-й батальон SHUMA, выполнявший задачи по уничтожению советских военнопленных в концлагере совхоза «Красный» близ г. Симферополя (по данным архивов только в этом концлагере при участии добровольцев-предателей было уничтожено более 8 тыс. советских военнопленных). Это сотрудничество выражалось также в выявлении людей, поддерживавших советскую власть и партизанское движение, сдаче их немецким властям или просто в молчаливой поддержке фашистского режима за полученные 2 га лучшей земли или выделенный дом для семьи.

Изучение историографии проблемы коллаборационизма свидетельствует о том, что исследователи выделяют и другую сторону. Из-за насильственного изъятия немцами промышленной и сельскохозяйственной продукции, введения многочисленных налогов, обязательного трудового принуждения (за невыход на работу можно было попасть в концлагерь) материальное положение населения оккупированных территорий было тяжелейшим¹¹. Нацистская администрация широко

практиковала принудительную отправку остарбайтеров на работу на предприятия Германии. Те случаи, когда люди руководствовались в своих поступках мотивами элементарного выживания или подвергались экономическому принуждению, с современной точки зрения можно признать не предательством, а сотрудничеством вынужденного характера¹².

Относительно много исследований российских и зарубежных историков посвящено теме предательства генерала Власова. Определенная часть исследователей тиражирует пропагандистско-антисоветскую концепцию истории коллаборационизма власовцев, в основном опираясь на эмигрантские и антисоветские мифы (о размахе и степени добровольности сотрудничества с врагом, о боевых успехах коллаборационистских военных формирований, о политической борьбе с режимом Сталина, мотивировавшей переход на сторону врага и т.п.¹³). В этих исследованиях выдвигается тезис о существовании некоей третьей силы — «Освободительного движения народов России» / «Русского освободительного движения» — боровшегося и против Гитлера и против Сталина как руководителей, стоявших во главе тоталитарных режимов. Участники этого движения якобы являлись «наследниками» белогвардейского движения гражданской войны в Советской России 20-х гг. прошлого века¹⁴. Эти утверждения опровергаются в трудах Б. Н. Ковалёва, С. В. Бартошевича¹⁵ и др.

Ряд работ российских историков посвящен так называемому Локотскому автономному округу — коллаборационистскому режиму, созданному на территории Орловской и Курской областей¹⁶. Так, С. И. Дробязко указывает на большую роль экономического фактора в мотивации коллаборационизма гражданского населения, находившегося под властью Локотской администрации¹⁷.

Относительно новой темой в исследовании проблемы стал коллаборационизм в концлагерях. С. В. Аристов в своем исследовании приходит к выводу, что в большинстве случаев в концлагерях речь шла не о коллаборационизме, а о вынужденных действиях, не причинявших серьезного вреда интересам СССР (участие в лагерном «самоуправлении» в роли аппелей, капо, бригадиров рабочих бригад; работа в лагерных борделях для заключенных, работа в зондеркомандах). Под коллаборационизмом в концлагерях предлагается понимать добровольное сотрудничество с лагерной администрацией, а также серьезные преступления, совершенные в лагерях в коллаборации с нацистами (участие в массовых убийствах заключенных)¹⁸.

За годы Великой Отечественной войны, по данным Генерального Штаба ВС РФ, в плену побывали 4559 тыс. чел., из них до 3800 тыс. чел. только в 1941 году¹⁹. По данным историка Кирилла Александрова, исследовавшего, в том числе, и вопросы сотрудничества с врагом высшего командного состава Красной армии, из 79—82 генералов и приравненных к ним (цифры в исследовании разнятся), попавших в плен, 62 чел. отказались от какого-либо сотрудничества. Из них умерли, погибли и были расстреляны 30 человек²⁰.

Таким образом, в российской историографии на сегодняшнем этапе исследование проблемы коллаборационизма на временно оккупирован-

ных территориях СССР происходит на основе разделения собственно коллаборационизма, понимаемого как предательство и измена Родине, и вынужденного сотрудничества, чаще в административной или экономической сфере. Российские исследователи, так же как и зарубежные авторы, классифицируют коллаборационизм по сферам общественной жизни — военный, административный, политический, экономический. Большинство российских историков строго отличают военный коллаборационизм, причем независимо от мотивов (борьба с политическим режимом сталинской власти или желание выжить), как военное уголовное преступление, не подлежащее оправданию и сроку давности.

По-прежнему дискуссионным остается вопрос о количестве коллаборационистов на территории СССР. Приводятся данные от 120 тыс. до 1,5 млн. человек ²¹. Причем, численность 1,5 млн. называется российскими исследователями с опорой на зарубежную историографию. По мнению авторов статьи, подход к определению численности не вполне корректный. Историк Ковалёв на основе исследования обширного массива архивных документов приводит следующие цифры: в РОА служили 120 тыс. чел., которые являлись именно военными коллаборантами, в других коллаборационных административных и экономических службах — до 800 тыс. человек ²². В целом, вопросы о численности коллаборационистов на оккупированной советской территории требует уточнения на основе данных местных архивов.

Дискуссионной остается и проблема мотивов коллаборационистов, особенно генерала Власова. Но в этом случае необходимо согласиться с мнением историка А.Т. Тертышного, что пока судьба и карьера Власова складывались благополучно, советская система и большевизм генерала вполне устраивали. Поэтому обелять его неуместно. Он был предателем, изменившим присяге и воинскому долгу, военным преступником, тесно связанным с фашистами, оказавшим им активное содействие в ведении войны против советского народа, установлении «нового порядка» на его родине. И побудительным мотивом действий Власова была не высокая идея, а инстинкт самосохранения, который оказался у него выше всех других побуждений ²³. Генерал Власов являлся офицером Красной армии, давшим присягу Родине, и его переход в стан врага является дезертирством, военным преступлением, за которое он понес соответствующее наказание.

Относительно новой и болезненной с моральной точки зрения является тема исследования коллаборационизма советских военнопленных и гражданских лиц в концлагерях.

Исследование режима Виши, существовавшего с 1940 по 1944 г. во Франции в период немецкой оккупации, во французской историографии является достаточно политизированным и во многом зависящим от позиции французского государства и руководства страны на разных этапах. До 1970-х гг. во Франции главенствовал голлистский подход, основывавшийся на том, что этот режим был чисто немецким, а французское общество и французские граждане не имеют к нему никакого отношения. И даже, наоборот, все французские граждане тем или иным образом поддерживали движение Сопротивления, возглавляемое Ш. де Голлем ²⁴.

В 1973 г вышла монография американского историка Р. Пакстона, в которой он доказывал, что вишистское правительство возникло отнюдь не по указке немецких оккупационных властей, а имело как раз французские корни и свой собственный проект дальнейшего политического развития французского государства²⁵. Маршал Петэн был уверен в победе нацистской Германии и озабочен тем, как вписать французское государство и общество в контекст дальнейшего главенства фашизма в Европе. Для появления данной работы во Франции сложились подходящие политические условия: на авансцену политики вышло поколение участников демонстраций 1968 г, приведших к уходу де Голля с поста президента.

Официальное признание ответственности Франции за Холокост в период деятельности правительства Виши последовало от президента-голлиста Ж. Ширака, пришедшего к власти в 1995 году. Этому способствовал, в том числе, ряд судебных процессов над членами правительства Виши, участвовавших в Холокосте²⁶. Окончательную точку в признании вины французского государства за депортацию евреев во время второй мировой войны поставило Постановление Государственного совета Франции в феврале 2009 года. В нем говорилось о том, что вся ответственность очевидна, поскольку государство «без непосредственного принуждения со стороны оккупационных властей позволило или содействовало депортации из Франции лиц, ставших жертвами антисемитских преследований»²⁷.

Указанные политические события способствовали тому, что французские историки стали более активно развивать тему антисемитской деятельности правительства Виши. Французский историк Ж.-П Азем ввел понятие «вишисто-сопротивленцы»²⁸. Это те члены правительства Виши, которые с усилением реакционной направленности деятельности сторонников маршала Петэна примкнули к движению Сопротивления. Среди них, например, был бывший президент страны социалист Ф. Миттеран, возглавлявший в правительстве Виши министерство ветеранов и даже награжденный в 1943 г. за заслуги орденом Св. Франциска, но в том же году примкнувший к де Голлю в Алжире; генерал Ж. Латтр де Тассиньи, успевший побывать командующим вишистской армии в Тунисе, а впоследствии, в августе 1944 г., возглавивший французские освободительные силы во время высадки союзников на юге Франции; основатель и руководитель одной из первых подпольных групп Сопротивления во Франции «Комба» А. Френэ.

Серьезный вклад в изучение проблемы вишистского правительства внес французский историк Ж.-П. Азема. Ряд работ он написал в соавторстве с другими видными исследователями истории второй мировой войны Ф. Бедрида, О. Вевьерка, А. Про. Что особенно важно, — он попытался внести лепту в воспитание подрастающего поколения, выпустив книгу «Объяснение оккупации моему внуку»²⁹.

На современном этапе во французской историографии проблемы режима Виши и в целом второй мировой войны появились труды о повседневной жизни французов в 1940—1944 гг., положении женщин, состоянии кино, театра и литературы, действиях полиции и чиновников, о тех, кто наживался в годы войны. Публикации П. Лабори представили

французское общество потерянным и колеблющимся, равно удаленным как от «розовой картины исключительно сопротивляющейся Франции», так и от «черной картины Франции сплошь коллаборационистской». В 2013 г. французский историк М. Ферро опубликовал книгу «Правда о Петэне». Вышла в свет «Черная книга коллаборационизма»³⁰.

Историк В. Буле, рассматривая процесс перехода Франции от осуждаемого им режима правительства Виши к режиму Временного правительства Французской республики³¹, указывает на то, что в основном отменялись те законы, который носили коллаборационистский характер. По мнению историка, разрыв с режимом Виши был выборочным и зависел от политических условий. «Только самые грязные пятна были вычищены»³².

Во французской историографии появился даже термин «синдром Виши» — понятие, означающее осознание вины за национальное предательство, — введенное в научный оборот применительно к коллаборационизму во Франции французским историком, директором Института истории современности Анри Руссо³³.

В российской историографии на современном этапе существует ряд работ, в частности, историка А. Н. Бурлакова, носящих несколько оправдательный характер режима Виши. Повествуя о событиях 1942 г, связанных с высадкой союзников в Северной Африке и последовавшей за этим полной оккупацией Франции, автор объясняет нежелание маршала Петэна покинуть территорию страны стремлением «сохранить единство французского общества»³⁴. Рассматривая политическую природу правительства Виши, Бурлаков утверждает, что этот режим не являлся фашистским и не был диктатурой. Это был умеренный авторитарный режим, порожденный чрезвычайными обстоятельствами военного времени. А маршал Петэн являлся своего рода «кризисным управляющим», стремившимся сохранить Французское государство и общество³⁵.

Российский историк Г. Г. Попов анализирует отдельные стороны деятельности правительства Виши, в частности, использование принудительного труда французских мирных граждан и французских военнопленных в промышленности. Автор делает вывод, что во многом политика и экономическое отставание Франции сделали применение французской рабочей силы в хозяйстве Германии менее масштабным, нежели это могло быть при других обстоятельствах. Маршал Петэн, опасаясь испортить отношения с французским населением, не особо способствовал этим принудительным процессам³⁶.

Следует констатировать, что во французской историографии объективное исследование деятельности правительства Виши и явления коллаборационизма среди французских граждан началось с 1970-х гг., а более углубленное — с 1990-х гг. с приходом к власти президента Ж. Ширака. На сегодняшнем этапе наиболее изученной в научном плане и однозначно осуждаемой, в том числе на государственном уровне, является антисемитская политика правительства Виши. Но в целом тема коллаборационизма и ее интерпретация во Франции во многом служит политическим инструментом³⁷ и зависит от того, в руках власти какой политической окраски — правой, левой или центристской — она находится. В российской историографии также однозначно осуждается

антисемитская политика режима Виши. Но остальные стороны деятельности маршала Петэна и возглавляемого им правительства в некоторых исследованиях в определенной степени оправдываются условиями военного времени, боязнью коммунистического переворота во Франции (учитывая сильные позиции Народного фронта), стремлением правительства сохранить Францию и вписать ее в будущее устройство Европы (при этом опускается тот факт, что Петэн видел его фашистским), подчеркиваются заслуги маршала в годы первой мировой войны, его нелюбовь к Германии.

Исследование деятельности *коллорационистского правительства В. Квислинга* в 1942—1945 гг., в период фашистской оккупации Норвегии, в основном проводилось в норвежской³⁸, финской³⁹, британской⁴⁰ историографии. Главным образом изучаются причины зарождения норвежского национализма, а также деятельность Квислинга в межвоенный период в качестве военного атташе в Петрограде и Гельсингфорсе, а также ведущего сотрудника Международной комиссии по оказанию помощи России. Зарубежным авторам представляется, что опыт Квислинга и знание им российского общества имели большое значение для него как министра обороны Норвегии в 1931—1932 гг., главы «Национального объединения» в 1930-е и военные годы и президента Норвегии в 1942—1945 годах. Зарубежные исследователи указывают, что одним из основных мотивов коллаборации Квислинга было его опасение возможности коммунистического переворота в Норвегии; то, что он понимал сущность и опасность тоталитарного режима, установленного в СССР; а также комплекс «маленькой страны» рядом с большим соседом.

Исследованные авторами источники свидетельствуют, что в российской историографии проблема коллаборационистского правительства Квислинга изучена мало. Можно выделить работу Д. Х. Саликова, который обоснованно утверждает, что Норвегия была необходима Гитлеру как важный плацдарм для нападения на СССР. И поэтому фашистская Германия была заинтересована в скорейшем установлении здесь пронацистского правительства. Период нахождения у власти в Норвегии правительства Квислинга автор называет этапом фашизации Норвегии⁴¹.

В статье И. И. Барина и И. П. Стрелкова дан небольшой анализ деятельности Квислинга на территории Советской России в межвоенный период. На основе анализа неизвестного «отчета» Видкуна Квислинга, относящегося или ко времени его службы в России, или к моменту возвращения в Норвегию в конце 1918 г., отмечается его восторженное отношение к Октябрьской революции 1917 г., а также рассматриваются его оценки революционного характера технически не оснащенной Красной армии. Однако большевиков Квислинг считал стихийной силой, которая может помешать дальнейшему развитию России, а затем обрушиться на европейские, в том числе скандинавские, страны⁴².

Формируя выводы по материалу статьи, следует подчеркнуть не только актуальность, но и политизированность изучения проблемы коллаборационизма в Европе и на временно оккупированных территориях СССР в годы второй мировой войны в российской и зарубежной

историографии. Примечательно, что в российской исторической науке появились серьезные, фундаментальные исследования причин, форм, количественных показателей коллаборационизма на оккупированной территории СССР указанного исторического периода. Теоретическое осмысление исследователями этого общественного явления позволило определить военный коллаборационизм как военное преступление. Российскими историками активно исследуются материалы местных архивов, которые позволят уточнить ряд дискуссионных вопросов. Наряду с этим, есть работы, находящиеся под влиянием зарубежной историографии, политической принадлежности их авторов, а также некритичного отношения к нацистским архивным документам, в которых говорится о широком размахе коллаборационизма среди советских граждан, в том числе на национальных окраинах страны; оправдывается предательство и измена генерала Власова и его пособников, а коллаборация объясняется только политическими мотивами.

Исследование и интерпретация деятельности коллаборационистского правительства Виши во Франции в зарубежной историографии во многом зависит от политической ситуации в самой Франции. Зарубежными и российскими авторами однозначно осуждается антисемитская политика режима Виши. Но есть работы, которые определенным образом оправдывают маршала Петэна, выставляя его фактически спасителем нации, стремившимся сохранить французское государство и общество и вписать его в складывавшуюся европейскую ситуацию, которую, кстати, он понимал, как полностью фашистскую.

Исследование и интерпретация деятельности коллаборационистского правительства Квислинга в Норвегии в основном предпринимались зарубежными историками. Причем и российскими и зарубежными авторами исследовалась деятельность Квислинга на территории Советской России в период политических и военных событий 1917—1920-х гг. как некий пролог и мотив формирования его националистических убеждений и деятельности. Но есть работы российских авторов, которые совершенно обоснованно утверждают, что Норвегия была необходима фашистской Германии как плацдарм для агрессии против СССР, и Квислинг стал исполнителем, причем по своей воле и желанию, воли нацистов в сложившейся ситуации.

Примечания

1. Современный словарь иностранных слов. М. 1993, с. 287.
2. ГЕЛЛЕР М., НЕКРИЧ А. История России 1917—1995: в 4-х томах. Т. 1. Утопия у власти. М. 1996, с. 473.
3. РАДЗИНСКИЙ Э. Сталин. М. 1997, с. 541.
4. ШТРИК-ШРИКФЕЛЬДТ В. К. Против Сталина и Гитлера. М. 1993; КАЗАНЦЕВ А. Третья сила. История одной попытки. Франкфурт-на-Майне. 1974; ГОЛСТОЙ Н. Д. Жертвы Ялты. М. 1996; ХОФФМАН Й. История власовской армии. Париж. 2004.
5. ДРОБЯЗКО С. Под знаменем врага. М. 2005; ЧУЕВ С. Проклятые солдаты. М. 2004.
6. СЕМИРЯГА М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй Мировой войны. М. 2000.
7. КУДРЯШОВ С. В. Предатели, «освободители» или жертвы режима? Советский коллаборационизм (1941—1942). — Свободная мысль. 1993, № 14, с. 91; МАЛИНОВСКИЙ

- В.В. Кто он, российский коллаборционист: патриот или предатель? — Вопросы истории. 1996, № 11—12, с. 165; ЕРМОЛОВ И.Г. Под знаменем Гитлера. Советские граждане в союзе с нацистами на оккупированной территории СССР в 1941—1945 гг. М. 2013.
8. КОВАЛЁВ Б.Н. Коллаборционизм в России в 1941—1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород. 2009.
 9. ЕПИФАНОВ А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. Волгоград. 2005, с. 39.
 10. МАКАРОВ О.Ю. Коллаборационизм и сотрудничество в Великой Отечественной войне. — Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011, № 3(1), с. 188.
 11. ХАСС Г. Германская оккупационная политика в Ленинградской области (1941—1944 гг.). — Новая и новейшая история. 2003, № 6, с. 119.
 12. МАКАРОВ О.Ю. Ук. соч., с. 185—191.
 13. РОМАНЬКО О.В. Советский легион Гитлера. М. 2006; КОНЯЕВ Е.М. Власов. Два лица генерала. М. 2003.
 14. РОМАНЬКО О.В. Ук. соч., с. 568; ГОФМАН И. Власов против Сталина. Трагедия Русской освободительной армии, 1944—1945. М. 2006; АЛЕКСАНДРОВ К.М. Армия генерала Власова: 1944—1945. М. 2006.
 15. БАРТОШЕВИЧ С.В. Коллаборационизм в СССР. 1941—1945. Образы в новейшей истории и реальность. — Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2007, № 36, с. 61—65.
 16. СОКОЛОВ Б.В. Оккупация. Правда и мифы. М. 2002; ЕРМОЛОВ И.Г. Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области: история Локотского автономного округа и Русской освободительной народной армии. Орёл. 2008.
 17. ДРОБЯЗКО С.И. Восточные формирования в составе вермахта, 1941—1945 гг.: автореф. дисс. канд. ист. наук. М. 1997; ДРОБЯЗКО С.И. Под знаменем врага. Антисоветские вооруженные формирования в составе германских вооруженных сил, 1941—1945. М. 2004.
 18. АРИСТОВ С.В. Коллаборационизм в нацистских концентрационных лагерях: проблема и ее интерпретация. — Вестник Брянского госуниверситета. Исторические науки и археология. 2016, № 2, с. 11—16.
 19. URL: <https://www.politforums.net/historypages/1350027103.html>.
 20. URL: <http://novosti.dn.ua/details/123635/13.html>.
 21. РОМАНЬКО О.В. Советский легион Гитлера. М. 2006.
 22. САПОЖНИКОВА Г. Предатели по выбору и без. Интервью с доктором исторических наук Б.Н. Ковалёвым. — Комсомольская правда. 14.09.2010.
 23. ТЕРТЫШНИЙ А.Т. Сотрудничество советских граждан с оккупантами в годы Великой Отечественной войны. К историографии проблемы. — Известия УргЭУ. 2003, № 7, с. 57.
 24. ШМАГИН Д.В. «Синдром Виши»: политические проблемы переосмысления коллаборационистского прошлого. — Вестник РУДН. Серия «Политология». 2012, № 2, с. 70—79; КАНИНСКАЯ Г.Н. Две войны в зеркале французской истории. В кн.: Люди и тексты. Исторический альманах. «Заказ» на историю? Актуализация информационного пространства прошлого. М. 2014, с. 361—394.
 25. РАХТОН R. La France de Vichy. Paris. 1973.
 26. 1987 г. — судебный процесс над бывшим шефом гестапо в Лионе Класом Барбье, 1994 г. — над бывшим комиссаром лионской полиции Полем Тувье, 1997—1998 гг. — над бывшим префектом Бордо Морисом Папоном. Все они были приговорены к пожизненному заключению.
 27. Виновна по всем статья. Франция признала ответственность за Холокост. URL: <https://rg.ru/2009/02/18/holokost.html>.
 28. AZEMA J.-P. La Collaboration: 1940—1944. Paris. 1975; EJUSD. Vichy-Paris, les collaborations. Histoire et memoire. Paris. 2012.
 29. КАНИНСКАЯ Г.Н. Две войны в зеркале французской истории. В кн.: Люди и тексты. Исторический альманах, с. 371—372.
 30. Там же, с. 372.

31. БУЛЕ В. 1944 год и «восстановление республиканской законности»: восстановление суверенитета, наследие правительства Виши и III Республики. — Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2015, № 1(6), с. 109—118.
32. Там же, с. 117.
33. RUSSO Hé. Le syndrome de Vichy: de 1944 a nos jours. Paris. 1990, p. 621.
34. БУРЛАКОВ А.Н. Вишисткая Франция между нацистской Германией и союзниками: ноябрь 1942 года. В кн.: Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и преподавания всеобщей истории в школе и вузе» (г. Рязань, 20—21 апреля 2016 года). Рязань. 2016, с. 88—91.
35. ЕГО ЖЕ. Политическая природа режима Виши во Франции (1940—1944). — Локус. 2017, № 1, с. 45—56.
36. ПОПОВ Г.Г. Мобилизация рабочей силы для нужд экономики нацистской Германии во Франции в период режима Виши: общие аспекты (по материалам трофейных архивов РГВА). — Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 1(51), ч. 1, с. 156—159.
37. ШМАГИН Д.В. «Синдром Виши»: политические проблемы переосмысления коллаборационистского прошлого. — Вестник РУДН. Серия «Политология». 2012, № 2, с. 78.
38. DAHL H.F. Quisling. A study in treachery. Cambridge. 1999; EJUSD. Quisling — En norsk tragedi. Oslo. 2012; EJUSD. Quislings nettverk. Oslo. 2015.
39. WESTERLUND L. Vidkun Quisling. Military attache in Helsingfors, 1919—21. — Nordisk Arkivnyt. 2017, № 2, p. 68—70.
40. ГАРАУ С. Преддверие норвежского фашизма: радикализация городского правого национализма в Норвегии между двумя мировыми войнами. — Берегиня. 777. Сова. 2014, № 4(23), с. 352—369.
41. САЛИКОВ Д.Х. Особенности государственного управления в Норвегии в начальный период немецкой оккупации (апрель-сентябрь 1940 года). В кн.: Актуальные вопросы юриспруденции и экономики. Материалы научно-практической конференции. АНОО ВО «Уральский финансово-юридический институт». 2017, с. 29—32.
42. БАРИНОВ И.И., СТРЕЛКОВ И.П. «Взгляд большевиков на военное дело и на войну и циничен, и логичен...» Неизвестный отчет капитана Квислинга. — Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2017, № 2 (14), с. 134—144.

В ноябре 2018 г. исполнилось 80 лет известному американскому историку-русисту Стивену Коэну. К этой знаменательной дате Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI) выпустила сборник его избранных трудов.

Если для художественной литературы подборка произведений, как правило, представляет собой собрание либо каких-то хрестоматийно известных вещей, либо наиболее читаемых в данное конкретное время, то издание под одной обложкой нескольких печатавшихся прежде исторических сочинений требует совершенно иной обусловленности. Например, актуальной историографической востребованности того или иного исследования. Подобная востребованность может быть вызвана тем, что проблематика, которая «прозвучала» какое-то время назад, а затем выпала из фокуса внимания научного сообщества, вновь привлекла к себе интерес из-за новых источников или по другой, чаще не академической, а конъюнктурной, причине. Еще одним резонансом переиздания труда любого формата — статейного или монографического — может стать потребность в реконструкции изучения истории самой исторической науки. Но в любом случае необходима та или иная аргументированность репринта — хотя бы уже по той простой причине, что для самих авторов их прежние работы часто становятся составными элементами последующих изысканий и более уже не воспринимаются ими в каком-то самоценном качестве.

В этом смысле выход «Избранного» С. Коэна имеет комплексную оправданность — и в связи с нереализованностью сугубо академической повестки изучения альтернатив советской эпохи, и по причине участвовавших в последнее время обращений историков к переломным вехам истории России XX в. из-за появления или введения в широкий научный оборот новых источников, и вследствие конъюнктурно-политических соображений.

В последнем случае имеется в виду то, что взгляды американского русиста и на советский опыт, и на взаимоотношения между современной Россией и Соединенными Штатами хотя и не являются распространенными ни у нас, ни в США, они тем не менее могут оказаться очень уместными через какое-то время. К тому же сохраняется и определенная историографическая значимость отдельных работ Коэна, ставших своего рода характерными маркерами тех периодов недавнего прошлого, в которые они выходили и в переведенном виде оказывались доступными отечественной научной и просто читательской аудитории.

Словом, «Избранное» Коэна — это к тому же еще и хрестоматия по недавнему прошлому, по тем мыслям и идеям, которые волновали наше общество и предопределяли направления и способы его трансформаций и дальнейшего развития.

Структура «Избранного» удачно отражает перечисленные доводы в пользу издания этого сборника.

Он открывается фрагментом, пожалуй, наиболее известного в нашей стране монографического труда Коэна — политической биографии Н.И. Бухарина, изданной колоссальным тиражом в 1988 г., когда перестройка, с одной стороны, стала уже необратимой, а с другой, — обрела то направление, которое в конечном итоге привело ее к трагическому финалу — гибели советского государства. В этом же разделе помещена и другая работа о менее давнем советском прошлом. В ней рассказывается о жизни бывших репрессированных, вышедших на свободу в годы хрущевской «оттепели» и адаптировавшихся к стремительно менявшейся в те годы противоречивой и неоднозначной действительности.

Следующий раздел сборника посвящен в целом советскому эксперименту как таковому, его разным периодам — от начала

и до завершения на рубеже 1980—1990-х годов. В представленных здесь трех исследованиях автор анализирует как собственно вехи и перипетии истории России и СССР в XX в., так и восприятие этой проблематики в среде американских русистов, причем на довольно значительном промежутке времени. Если при изучении сталинской и ранней хрущевской эпох (в работах первого раздела «Избранного») Коэн выступает как классический историк, реконструирующий прошлое по источникам, то в работах второго раздела он вынужден анализировать и ту советскую эпоху, в которой ему доводилось жить.

Третий раздел целиком состоит из относительно небольших по формату работ по злободневным вопросам текущих международных отношений, прежде всего американско-российских и — шире — по тематике восприятия сегодняшней России на Западе. На первый взгляд, подобная компоновка раздела создает определенный смысловой диссонанс с двумя предыдущими, которые все-таки являются историческими (даже второй из них), в то время как в последнем разделе говорится исключительно о текущем моменте. Однако фокусировка историка на современности очень часто дает интересные выводы и обобщения, которые порой ускользают от аналитиков, занимающихся сугубо сегодняшними делами и не обращающимися к сколько-либо давнему прошлому.

Ключевым в названии первого раздела сборника является слово «бухариниада», то есть комплекс материалов, связанных с жизнью Н.И. Бухарина. В этот комплекс входят не только значительная часть самой политической биографии этого видного политического деятеля 1920—1930-х гг., но и предисловия к ней для зарубежных и первого советского изданий, а также авторское предисловие к бухаринским тюремным рукописям. Опосредованно с именем Бухарина связано и исследование «Жизнь после ГУЛага», в котором рассказывается, в том числе, и о его родственниках.

Хотя, по-видимому, имелась и более существенная причина соотнесения повествования о людях, возвращавшихся из сталинских лагерей, с биографией Бухарина, а именно — общая судьба целого сообщества, целой субкультуры советских людей, репрессированных во второй четверти XX в., прошедших через лагерь, вышедших впоследствии на свободу и пытавшихся оказывать влияние на «оттепель», направлять ее, корректировать, а впоследствии не допускать девальвации ее ценностей.

Вместе с тем «бухариниада» — это еще и важный компонент идейно-политической жизни перестроечного Советского Союза, фактически целая непродолжительная эпоха поздней перестройки. Сам автор говорит о «великом “бухаринском буме” 1988—1990 гг.», допуская его продление и до 1991 года (с. 193). Судьба книги Коэна о Бухарине очень интересно сопрягается с этим «бумом». С одной стороны, она вышла на английском языке в США еще за полтора десятилетия до него, когда вообще невозможно было даже предположить, что в СССР станут возможными те перемены, которые всю будут идти в нем в 1988 г., когда перевод книги вышел в Москве на русском языке. С другой стороны, нельзя не отметить и явной синхронности издания биографии Бухарина на русском языке и наступления качественно нового этапа перестройки. Да, безусловно, не книга Коэна вызвала обращение не только широких общественных кругов СССР, но и руководства страны и, в частности, М.С. Горбачёва к личности Бухарина как своего рода олицетворению возможного альтернативного сталинскому социалистического проекта в СССР. Однако обращает на себя внимание удивительное совпадение: книга американского историка появилась в том же году, когда Бухарин был посмертно реабилитирован, восстановлен в Академии наук и в партии. Такая синхронность превращает издание книги из факта научной жизни в политическое событие. Поэтому хотя сам историк в 1988 г. призывал «чи-

тать и оценивать» свою книгу «как историческое исследование», несмотря на очевидное сходство обеих эпох, в которые столкнулись похожие альтернативы развития, — конца 1920-х и конца 1980-х гг. (с. 20), политическая актуальность такого «исторического исследования» буквально зашкаливала.

Сегодня же, по прошествии тридцати с лишним лет после издания на русском языке книги Коэна, она обретает особую научную значимость (в данном случае политическая конъюнктура и неисчерпанность перестроечной повестки — это совершенно отдельные темы, требующие специального к ним обращения). Это доказывает абсолютную правоту американского историка, не пожелавшего в 1988 г. свести исследовательский пафос к созвучию политических повесток эпох, разделенных более чем полувековой историей, и подчеркивавшего, прежде всего, научную заостренность своего труда. Сегодня, после 100-летнего юбилея революционных трансформаций 1917 г., очень многие действительно принципиальные вопросы формирования нового политического режима в начале 1920-х гг. остаются по-прежнему не совсем ясными, причем не только с точки зрения концептуального осмысления, но даже в плане источниковедческом. И на этом фоне весьма результативным могло бы стать внимательное ознакомление, например, с пятой главой книги о Бухарине, метко озаглавленной «Переосмысление большевизма», в которой дана яркая картина превращения победившей силы из догматиков в прагматиков (с. 49—87).

Но если проблема несостоявшейся, нереализованной альтернативы сталинской системе в ранней советской истории изначально рассматривалась как главная в книге о Бухарине, то подобный взгляд применительно к работе о вышедших на свободу бывших узниках ГУЛага не был очевидным тогда, когда несколько лет назад появилось ее первое издание. Сейчас же в «Избранном» такое тематическое соотнесение обоих

текстов становится более чем оправданным. Разница видится в масштабах обеих альтернатив.

Если в 1920-х гг. был возможен выбор принципиально иной модели развития страны, то имевшая шансы альтернатива, о которой говорится в «Жизни после ГУЛага», все-таки уже гораздо скромнее, потому что несмотря на те перспективы, которые открывались с «оттепелью», диапазон возможных в конце 1950-х — начале 1960-х гг. перемен мог сводиться лишь к частичной гуманизации и еще более скромной демократизации все той же сталинской системы, а значит, шансы на успех такого маневра изначально были невелики. Коэн рассматривает такую альтернативу как определенное конструктивное влияние бывших заключенных «на процесс принятия политических решений и саму политическую систему» (с. 197).

Эта тема до сих пор остается во многом не исследованной, многочисленные вопросы вызывает и подход к ее изучению. Так, сам автор указывает на трудности с источниковой базой. В предисловии к работе приводится подробная информация о том, как автор с 1980-х гг. собирал материалы для задуманного исследования (с. 198—208). Понятно, что реконструировать факты даже косвенного воздействия бывших заключенных на большую политику чрезвычайно трудно. Допущений и предположений можно строить великое множество, однако верифицированных и подтверждаемых источниками четких выводов получается несопоставимо меньше. Но именно как «обзорное пособие» по «возвращению гулаговцев» (с. 210) исследование Коэна, несомненно, состоялось, а возможным направлением его продолжения может быть, в частности, изучение поведенческих практик, иных субкультурных феноменов и их отражения в официальном и общекультурном, не связанном в прошлом с ГУЛагом, дискурсах. Собственно, таким же было и влияние более позднего культурно-политического андеграунда на советскую действительность.

Второй раздел состоит из трех текстов, между которыми прослеживается смысловая взаимосвязь.

Первый из них — это очерк середины 1980-х гг., опубликованный менее чем за год до начала перестройки и называющийся «Переосмысливая советский опыт (политика и история с 1917 года)». Его появление было вызвано как намерением дать квалифицированный ответ тем американским советологам, которые довольствовались стереотипами о Советском Союзе и его истории, не желали задаваться сложными вопросами и искать на них ответы, так и стремлением объяснить текущую (на тот момент) политику СССР его прошлым. Коэн оспаривает стереотип, который был на момент написания очерка весьма распространенным среди американских советологов, — о естественной преемственности между большевизмом и сталинизмом. Внимание историка привлекает и близкая ему тематика бухаринской альтернативы. Им подробно разбирается и «сталинский вопрос», причем устойчивость сталинизма объясняется, в том числе, и уходящими в далекое прошлое политическими и культурными традициями. Крайне интересны размышления автора о советском «реформизме», а также о его антиподе — советском «консерватизме» — особенно если принять во внимание, что историк выстраивает свою концепцию на реалиях событий до 1985 года. Нетрудно заметить определенную созвучность тезисов этого очерка перестроечным взглядам.

Интерпретация советского «реформизма» как важнейшего условия перемен трансформируется в двух других материалах раздела в представление о нереализованной возможности, из-за чего перемены не состоялись, а сама советская система прекратила существование. В сущности, Коэн отстаивает известную точку зрения о неудаче горбачевской перестройки из-за ее непоследовательности, отсутствия четкого стратегического плана преобразований. При этом историк считает, что советская система к кон-

цу 1980-х — началу 1990-х гг. отнюдь не исчерпала своих исторических возможностей и при более умелом реформировании ее можно было бы сохранить. Но приводимые им примеры того, что следовало бы сделать для сбережения советской модели развития, иногда выглядят спорными.

Так, например, в статье «Можно ли было реформировать советскую систему?» автор полагает, что если бы была вовремя осуществлена задумка А.Н. Яковлева, рекомендовавшего в 1985 г. — разумеется, непублично — разделить КПСС на две партии, которые были бы оппозиционны друг другу, то такой шаг мог бы стать «самым надежным и быстрым способом создания в СССР многопартийной системы, причем более прочной, чем та, что существовала в постсоветской России в начале XXI века» (с. 401). Во-первых, сомнительно, что директор ИМЭМО, а затем заведомо пропаганды ЦК (эти должности Яковлев последовательно занимал в 1985 г.) мог в то время даже в закрытом режиме выступать с подобными инициативами. А во-вторых, весьма проблематично, что эта мера могла бы быть конструктивной и способствовала бы позитивным демократическим переменам в стране.

Похожие взгляды высказываются и в очерке «“Вопрос вопросов”: почему не стало Советского Союза?» Собственно, такая формулировка названия является как бы «ввернутым наизнанку» заглавием предыдущей работы, и автор дает однозначный ответ на этот вопрос: СССР прекратил существование, потому что не был реформирован, хотя для этого у него были все возможности, а сама советская система, несмотря на сталинизм и авторитарное прошлое, изначально обладала способностью к реформированию в демократическом ключе (с. 443). Но в стране «просто не оказалось устойчивого центра» (с. 447), который мог бы взять на себя стабилизирующую роль и гарантировать доведение реформ до какого-то более или менее ощутимого результата. Это обстоятельство и предопределило то, что «противоположные, но симбиотически связанные воли двух

экстраординарных политиков» — М.С. Горбачёва и Б.Н. Ельцина — привели Советский Союз к гибели (с. 465—466). То есть принципиальная позиция Коэна заключается в том, что распад единого союзного государства был вызван не объективными и непреодолимыми обстоятельствами, а ситуационным субъективным раскладом во власти.

Вопрос о гибели советской системы, как и проблема альтернатив в разные периоды ее истории, также не разрабатывается в отечественной исторической науке. По умолчанию принимается тезис о глубинных и неразрешимых противоречиях модели, ее кризис и прекращение существования рассматриваются как неизбежные, а весь более чем семидесятилетний исторический опыт оценивается как движение в неверном направлении, за которое пришлось заплатить высокую социальную цену. На этом фоне концепция американского историка выглядит вызывающей. И несмотря на некоторые неубедительные суждения, наподобие приводимого выше примера с идеей Яковлева о разделении КПСС, используемые автором доказательства, по крайней мере, представляют собой какую-то попытку разработать свободную от штампов концепцию, и на эту попытку следует обратить внимание вместо того, чтобы повторять догматизированные утверждения об обреченности советской системы.

На фоне первых двух разделов «Избранного» завершающая часть книги может показаться несколько искусственной для комплектации отобранных работ: как отмечалось выше, сгруппированные в ней материалы имеют отношение не к прошлому, а к настоящему и, строго говоря, историей в классическом смысле этого слова не являются.

Вместе с тем правомерен и противоположный взгляд на пространство исторического знания: поскольку граница между тем, что было, и тем, что происходит в настоящий момент, динамичная и постоянно изменяющаяся, то текущее тоже может рассматриваться

с помощью инструментария исторической науки. А применительно к работам Коэна такой подход представляется еще более оправданным, поскольку работы третьего раздела выглядят естественным продолжением «Вопроса вопросов» и даже как будто развивают идеи этого очерка. Дело в том, что материалы о возвращающейся «холодной войне» объединяет сквозная мысль — о персональной ответственности американского и российского лидеров за то, что происходит во взаимоотношениях между обеими державами. Получается, что главы двух государств во многом являются такими же «симбиотически связанными», как Горбачёв и Ельцин. Из этой прозрачной аналогии вытекает естественный вывод, что разлад во взаимоотношениях между президентами может иметь такие же необратимые и фатальные последствия, к каким в свое время привело противостояние российской и союзной властей в 1990—1991 годах.

Обращает на себя внимание особое отношение Коэна к самой фигуре первого лица в государстве, подмеченное составителем книги и автором предисловия к «Избранному» Г.А. Бордюговым. Можно говорить даже об определенной сакрализации этой должности, которая воспринимается историком не в качестве некоего функционала, а как миссия, служение (с. 12). Если снова спроецировать подобный взгляд на проблему несбывшейся, нереализованной альтернативы в судьбе советского проекта, то правомерно предположить, что, размышляя о сегодняшних лидерах США и России, Коэн ретроспективно сожалеет об отсутствии необходимых личностных качеств у российского и союзного президентов в последние месяцы существования СССР.

Ответственность за ухудшающиеся отношения между Вашингтоном и Москвой историк возлагает даже в большей мере на руководство собственной страны (правда, не на действующую, а на предыдущие администрации), которое решило сполна воспользоваться распадом СССР. И эта мысль также заставляет

провести аналогию с тем, как в молодом Советском Союзе в довоенное время постепенно отторгались любые альтернативы догматически понятому и схематичному социализму.

Анализируя развитие взаимоотношений между США и Россией и с тревогой отмечая множасьщиеся симптомы новой «холодной войны», Коэн и в этом случае поступает как настоящий ревизионист, отторгающий штампы и примитивные оценочные характеристики и ищущий объективности. Так, например, он отвергает популярный сегодня тезис антироссийской критики, используемый в США и Европе, о том, что Россия перестает быть Западом, дистанцируется от него, «уходит». Историк в опубликованной сравнительно недавно статье доказывает обратное: Россия была и остается неотъемлемой частью Запада (с. 586—588).

Таким образом, «Избранное» Коэна может быть названо подборкой работ историка о трех альтернативах — сталинизму, распаду СССР и новой «холодной войне». И в каждом из этих трех случаев автор убежден в том, что действенная и вполне способная возникнуть и развиваться до состояния эффективного политического проекта альтернатива либо была возможна, либо все еще возможна.

Вообще историческая наука скептически относится к альтернативам, If-History хотя и имеет своих приверженцев, но отношение к этому направлению научной (или квазинаучной) рефлексии в академическом сообществе более чем настороженное. Однако изучение вероятных исторических сценариев, несомненно, может быть полезным, если воспринимать альтернативы не как возможные, но по каким-то причинам несостоявшиеся цепочки взаимосвязанных событий, а в качестве наличного потенциала (лиц, ресурсов, идей) для иной траектории прошлого или настоящего. Именно потенциала, условия, шанса, но не какой-то целостной и развернутой в ретроспективу альтернативы. И в этом отношении «Избранное» Коэна может стать полезной лабораторией для историка, своеобразным демонстрационным стендом, на котором получится внимательно изучить модель исторической альтернативы и одновременно понять, почему она так и не стала действительностью.

О.В. БЕЛОУСОВА

(канд. ист. наук, доцент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова)

Contents

The political archives of the Twentieth century: **P.A. Iskenderov**. Chronicle of the Great Victory (1941—1945). Articles: **M.S. Belousov, V.A. Chikina, Ya.S. Abdullaev**. Duma debates and the international factor of the Polish policy of autocracy. Contributions: **A.V. Gudkova, D.A. Erin**. Activities of bodies of Joint State Political Administration-People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR to counteract the bread plunders and bread speculations in the first half of the 1930s; **Sh. Mukhamedina**. S.P. Shvetsov on nomadism (example of Kazakhstan); **N.V. Zanegina**. To the history of marital relations. Historical publicism: **A.I. Prishchepa**. August of 1991 in KHMAO-Yugra; **A.V. Rychkov**. "Agriculture without any scientific schemes will raise itself ..." For teacher of history: **M.I. Abdulaeva, E.M. Dalgat**. Dagestan society after the Caucasian war: integration into the all-Russian space. International scientific cooperation: **Yang Seung Jo**. Changes in the economic situation of peasants in Voronezh Province in the late XIX — early XX centuries. Peoples of Russia: **I.T. Tsorieva**. Ossetian Nart epic in creative heritage of artist M.S. Tuganov. People. Events. Facts: **S.A. Kislitsyn**. The politics of Bolshevism in respect of the Cossacks during the Civil War; **V.V. Kulachkov**. Documents of the archives of the Smolensk region as a source for the study of legal aspects of peasants' life in the 1920s; **F.G. Galieva**. Modern Sabantuy — the Legacy of the October Revolution; **D.A. Garmyshev**. The religious policy of the Russian Empire in Caucasus in the first half of XIX century; **V.I. Dolinko**. Criminal law protection by the police of the Russian Empire of economic security of the State: a retrospective analysis. From history of religions: **V. Yu. Karnishin, N.G. Karnishina, A.I. Kosheleva**. Church sermons and publicism in Russia in second half XIX — early XX centuries; **A.E. Al akshin, E.A. Samylovskaya**. The first priests of Western Christian churches in St. Petersburg: early XVIII century. Historiography: **S. V. Vorobyov, T.V. Kashirina**. Historiography of the collaboration in the occupied European and Soviet territories during the Second World War. Reviews on books: *S. Cohen* Selected works (by **O.V. Belousova**).

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный номер № 894**

Главный редактор П.А ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, Г.А. Гребенщикова, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
А.Н. Цамутали, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Присланные материалы после рецензирования не возвращаются

Редакция не имеет возможности вступать в переписку

Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 6, 2019

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Селезнёвская улица, дом 11А, строение 2, 7-й этаж, офис 14, Москва, 127473.

Телефоны: (495) 741-65-18, (495) 741-65-17. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.05.2019. Формат 70x1081/16. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч-изд. л. 18,00. Тираж 900. Заказ 0017-2019. Индекс 70145.

Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»
